

611 52
Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГК 625

И. СТЕПАНОВ

С 531

С КРАСНОЙ АРМИЕЙ

НА

ПАНСКУЮ ПОЛЫШУ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
И НАБЛЮДЕНИЯ

5715
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА

ГК 625
С 531

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1920

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И. Степанов, И. И.
И. СТЕПАНОВ

С КРАСНОЙ АРМИЕЙ
НА
ПАНСКУЮ ПОЛЬШУ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ
И НАБЛЮДЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1920

1эКз

34/5

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.

1986

ГК625

С531

P

Институт Ленин
про ЦН. В. Н. Л. (3)

~~1281~~
28

129506

Вместо предисловия.

Я хорошо вижу большие недостатки выпускаемой мною книжки. За исключением девятой и десятой глав, вся она в существеннейших частях написана на фронте, под впечатлением обстановки, сложившейся в начале июля и сохранявшейся до половины августа. С того времени обстановка эта изменилась. Но всякий, кто знает Красную армию и понимает историческую непредотвратимость того, что совершает это орудие социалистической революции, согласится, что Красной армии, несмотря на перерывы и временные отступления, суждено идти все вперед и вперед. Того требует история, того хотят наши враги.

Пересматривая написанное, я убедился, что оно, хотя и составлено под решающим влиянием блестящего наступления, тем не менее делает совершенно понятными причины нашего поражения под Варшавой.

К тому, что изложено в моих очерках, осталось бы добавить очень немногое. Следовало бы еще решительнее подчеркнуть, что рабочая, батрацкая и малоземельная Польша все решительнее выражала свое классовое тяготение к приближающейся Красной армии. Это заставило буржуазию Польши и правительства Антанты сделать величайшее напряжение сил. Польские кулацкие элементы, буржуазная интеллигенция и часть мелкой буржуазии дали достаточно широкую опору белополякам для того, чтобы восстановить разбитые и разбежавшиеся легионы и неслыханным террором, массовыми арестами, высылками и расстрелами скрутить, рассеять и дезорганизовать революционные силы. В свою очередь Антанта, несмотря на возрастающую бдительность западно-европейских рабочих, еще раз сумела доставить гибнущему вассалу значительные количества орудий и снарядов. Соотношение сил на театре войны изменилось. По причины этого изменения таковы, что оно может быть только временным.

Я хорошо знаю, что мои наблюдения слишком недостаточны, что у меня могут быть промахи, над которыми улыбнется не только военспец, но иногда и читатель, далекий от военного дела.

— 1 —

И тем не менее я без всяких колебаний выпускаю свою книжку. Я был бы счастлив, если бы она была способна передать пионерным читателям, в особенности нашей молодежи, хотя частицу того энтузиазма, с которым мои наблюдения во время полуторамесячной командировки на Западный фронт заставили меня относиться к Красной армии. Я был бы рад, если бы она посодействовала ознакомлению тех же читателей с мучительно рождающейся Новой Польшей, о которой у нас писалось так мало.

И пусть эта книжка послужит моим приветом дорогим товарищам, со стороны которых во всех партийных и красноармейских учреждениях я встретил так много товарищеского содействия, с которыми я так сроднился и сжился, и которые несут теперь тяготы осенней кампании.

1 октября 1920 года.

1. В ИСХОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ.

Решающие сражения происходили в северной части Западного фронта. Проявленная Красной армией энергичная инициатива была, по видимому, полной неожиданностью для панов. Одурачивая легионеров, они, должно быть, и самих себя одурачили. По некоторым данным, на первые числа июля они готовили решительное наступление, которым рассчитывали совершенно сломить Красную армию.

Дни 4—6 июля займут славное место в истории революционной войны Рабоче-Крестьянской России. Они показали, как выросла Красная армия, начиная с рядового красноармейца и кончая высшим командным составом. Наблюдая ее, я невольно вспоминаю слова Маркса: „Война раньше достигла выработанности, чем мир. На войне прежде всего нашли применение разделение труда, мануфактура, машины и т. д.“ (цитирую на память). Глядя на отношения в Красной армии, я говорю себе: здесь же скорее всего находит решение острый вопрос о „спецнах“. Здесь старые „военспецы“ быстро успевают сработаться с нашими новыми военспецами, с коммунистами, и все удивительно хорошо срабатываются с армией. Создается новая организация, в которой куда больше социалистического, чем во многих учреждениях Виссинархо, не в обиду ему будь сказано. Потому-то Красную армию скоро признают первой армией нашей эпохи.

Но об этом как-нибудь в другой раз и в другой связи. Здесь скажу только, что в дни 4—6 июля Красная армия с несравненным блеском показала свое превосходство над старыми армиями. С того времени и до сих пор (20 июля) панская армия просто бежит перед ней, иногда делая тщетные попытки кое-где зацепиться и задержаться.

На том участке, который я объехал до сих пор (Борисов, Минск, Молодечно, Ошмяны), дольше всего удалось ей задержать свое отступление около Сморгони, где она хотела использовать старинные германские окопы, сохранившиеся от империалистской войны. Но в маневренной борьбе, как теперешняя, в гражданской войне, переступающей государственные рамки, не дадут опоры и не спасут даже изумительнейшие укрепления старой Германии, являвшей в военной области чудеса своей капиталистической мощи. Зацепившись здесь на пару дней, польская армия быстро покатилась к своим базам, к своему тылу.

Паны явным образом утратили всякую надежду опять возвратиться в Белоруссию и на Литву. Я никогда не представлял себе, что в разрушении можно дойти до такой низости. „На войне, как на войне“. Можно понять, что, отступая, армия всеми способами затруд-

няет продвижение преследующего ее противника: взрывает железнодорожные мосты и водокачки, портит пути, жжет склады, которых не успевает вывезти. В этом есть свой „разум“, своя логика, своя суровая целесообразность.

Но зачем взрывать станционные здания, предназначенные для пассажиров? Жечь постройки, в которых живут железнодорожные служащие? Уничтожать целые поселки, прилегающие к станциям?

Борисов, Минск, Молодечно—немые, но редкостно красноречивые свидетели этой яростной, но бессильной, низкой, мстительной злобы, охватившей польскую Польшу. На месте станций и станционных поселков—одни только каменные стены, иногда тоже изуродованные и разрушенные взрывами; на месте деревянных строений, в которых ютились даже не железнодорожники, а крестьянство и мещанство, торчат трубы среди груд пепла и головешек.

Все это—совершенно бессмысленно, так как разрушение пассажирского зала или домов, где жили станционные служащие или даже совершенно постороннее население, не способно и на минуту задержать преследование со стороны Красной армии. Задерживает его, и сильно задерживает, разрушение мостов, водокачек и стрелок. А остальное не имеет значения.

Чтобы скорее восстановить работу железных дорог, тыловые отряды работают круглые сутки. И совершают они настоящие чудеса. Вот мост через Березину. Оба пролета взорваны, и исковерканные, измятые, разорванные фермы сброшены вниз. Они уже никуда не пригодны, кроме как на слом. Инженеры полагали, что движение будет восстановлено только недели через три, не раньше. Бывший унтер-офицер, участвовавший в преследовании Колчака по Сибири, заявил, что для этого будет достаточно пяти дней.

Ему понадобилось только четыре дня. Но деревянному мосту, с новой насыпью, сводящей к нему со старого пути, теперь беспрепятственно двигаются целые поезда. Та же история повторилась и под Ошмянами. Да, на фронте работают и умеют работать!

Но у панов действительно нет никакой надежды возвратиться сюда. Они действительно сжигают за собой все мосты. Мародеры—нет иного названия той массе, которую они обманом и ложью ведут на Советскую Россию. И в мародеров их превратили офицеры и генералы.

Они жгли поселки при железнодорожных станциях, разрушали целые улицы в таких городах, как Борисов и Минск. На мольбы населения, на слезы ребятишек, становившихся на колени, они отвечали: если вы внесете столько-то тысяч марок, мы пощадим такую-то улицу или дом.

Никакой военной целесообразности не было в их подлых, мстительных разрушениях. Здесь была злоба издыхающей эксплуататорской Польши,—здесь была мародерская жадность.

Но так паны вели себя не только перед окончательным бегством,—так они держались и в то время, когда считали свой захват прочным захватом. Долгую и противную память оставляют они по себе в освобожденном теперь населении!

Уже теперь все это обращается против польских панов. Красная армия одно время положительно не поспевала за уходящей польской армией. В деле дальнейшего преследования на подмогу нам пришли партизанские отряды. Формируясь преимущественно из местного населения, они по своему командному персоналу и по организации неразрывно связаны с Красной армией. Они угрожают поль-

ской армии со всех сторон: с флангов, с тыла. Они появляются там, где их меньше всего ожидали.

Этими отрядами, подкрепляющими Красную армию в трудном деле преследования, упрочивается ее связь с населением. Крестьяне, — а здесь нет промышленности, население почти сплошь земледельческое, — повсюду встречают ее, как долгожданную избавительницу. И своим отношением к населению она подтверждает, что достойна тех трогательных встреч, которые ей устраиваются.

Если предположить, что совершится переворот на театре войны, и паны вновь оккупируют Белоруссию и Литву с той целью, чтобы опять овладеть ими, не обрадуются они такой военной добыче! Она будет источником дальнейшего ослабления, а не усиления Польши. Она потребует крупных оккупационных отрядов и постоянного увеличения расходов на армию. Только не спуская колен с груди крестьянина и городской бедноты и не отводя ножа от их горла, сумеют паны удерживать их в подчинении.

Под Молодечно я впервые увидел, как польские помещики старались застраховать себя, если не от революции, — от нее ничто и никто не застрахует в нашу эпоху, — то хотя бы от ее некоторых последствий. Там есть несколько крупных землевладельцев, которые раньше вели крупное хозяйство на капиталистических началах. Возвратившись с панской армией, они постарались разом извлечь из своего землевладения все, что только возможно. Большую часть земель они отдали в аренду. Но отдавали ее только тем арендаторам, которые соглашались и могли внести арендную плату по 1923, даже по 1930 год!

Как мародеры, нахлынули польские легионы на Белоруссию и Литву. Как мародеры, уходят они отсюда, оставляя по себе память, которая не скоро изгладится.

II. МИМО ГЕРМАНСКИХ ОКОПОВ.

21 июля на пути Молодечно-Ошмяны я проезжал мимо этих окопов. Еще и теперь, по истечении 4—5 лет после того, как они были построены, они производят сильное впечатление.

Капиталистическая мощь издыхающей теперь капиталистической Германии чувствуется во всем. И чувствуется ее неуклонная империалистская воля: все для победы! все для полного торжества германского капитала!

Окопы и примыкающие к ним тыловые части захватывают в ширину не менее 6—7 верст. А вернее сказать, много больше. Казалось бы, все уже кончилось. Но вот опять столбики, опутанные колючей проволокой, опять канавки и ямы с небольшими валами перед ними. Еще несколько верст — и опять те же колючие заграждения.

Все это в настоящее время поросло густой травой. С наибольшей пышностью разросся высокий кипрей (Иван-чай) с кистями розовых цветов на верхушках. Кипрей на открытых полянах, кипрей в лесах, через которые местами проходили позиции.

Сквозь густую траву проглядывают окопы, — глубокие канавы, более чем в человеческий рост, кое-где закрепленные от обсыпания бревнами, досками и хворостом. Между ними в поперечном на-

правлении вьются, уходя далеко-далеко, извилистые канавы, по которым параллельные линии окопов сообщались между собою и с тылом. В разных местах разбросаны одинокие блиндажи. Мощные блиндажи, построенные из бетона, с саженой крышей из бетона и бревен, слегка покатой к тылу, иногда перерезают и самый окоп. Впереди — по 10—20 рядов кольев, до сих пор опутанных буквально паутиной колючей проволоки. А сзади столбы и столбики с сохранившейся на них проволокой. Это — полевой телефон и телеграф. Чем дальше назад, тем выше и солидней столбы. Кажется, как будто в войне на этих позициях устраивались на многие годы. Да и, действительно, стояли на них, зарывшись в землю, многими-многими месяцами.

Тыловая часть позиций производит еще более внушительное впечатление, чем самые позиции. Она более бросается в глаза. Но дело не только в этом.

Чем дальше от окопов, тем чаще становятся блиндажи. Блиндаж, это — подземное жилище, защищенное от снарядов. Стены и потолок выведены из бетона. Над потолком несколько рядов толстых бревен попеременно с землей, а в более солидных блиндажах — с бетоном. Низкий вход со стороны, противоположной позициям противника. Крыша с небольшим уклоном в ту же сторону. Трудно представить себе, какой силы снаряд и какое совершенно исключительное попадание потребовались бы для того, чтобы пробить это сооружение.

Среди сотоварищей по вагону несколько местных жителей. Они рассказывают, с какими удобствами были обставлены подземные жилища у немцев. Об этом отчасти еще и теперь говорят проволоки, идущие к блиндажам, и изредка встречающиеся остатки трансформаторов, которые превращали ток высокого напряжения в ток низкого напряжения, пригодный для освещения.

Блиндажи заросли высокой травой, бревна частью растасканы местными жителями. Но этих бревен так много, так много леса наготовили немцы, — попадаются обширные площади, на которых напоминанием о лесе торчат только низкие пни, — что много бревен еще остается на блиндажах и около блиндажей.

Основательно сооружали их немцы. Видно, до сих пор в них ничто не обвалилось и не завалилось. После небольших поправок, а пожалуй, и без всяких поправок, ими все еще можно было бы пользоваться. И они были бы лучше, чем русские сооружения в то время, когда они только-что были построены.

Сейчас же сзади блиндажей, а иногда и между блиндажами, тянутся тонкие линии узкоколейных подъездных дорог. Кое-где на них еще стоят вагонетки. Местами вагонетки навалены грудями. Разбросаны рельсы и сложены штабеля неиспользованных железных шпал для этих дорог. Валяются боченки с цементом, — десятки и сотни боченков. От некоторых доски отлетели, и остались крепкие цементные цилиндры, из которых можно было бы сложить целые колоннады.

Еще дальше виднеются обширные склады железных арок в поперечнике более метра. Это — устои для цементных сводов в блиндажах. И везде и повсюду мотки и клубки неиспользованной колючей проволоки. Ее хватило бы на мощные дополнительные позиции протяжением во много-много десятков верст.

Везде столбы и столбики с сохранившимися проволочными проводами; в разных местах валяются брошенные принадлежности и части электрических машин. Местные жители говорят, что по колю-

чим заграждениям перед позициями пускался электрический ток. Об этом много раз писали корреспонденты буржуазных газет во время войны. Электротехники, с которыми я беседовал на этот счет, полагают, что наступающий противник, прижав проволоку к земле, без труда мог ее обезвредить. Да едва ли была надобность в токе. Паутина настолько густая, на германской проволоке так много страшных колючек и так много параллельных рядов колючей изгороди перед позициями, что я положительно недоумеваю, каким образом, несмотря на адскую артиллерийскую подготовку, можно было пробиться через них. Вероятно, фактически пробирались по горам трупов, истерзанных и повисших на проволочных заграждениях.

При всей своей промышленной слабости империалистская Россия старалась тянуться за своим богатым врагом. Но она только тянулась. То же, да не так и не то же. Слабые ряды проволоки: четыре-пять, а где всего два ряда. Более редкие и не такие густые пучки колючек на проволоке. Уже теперь обвалившиеся и завалившиеся окопы. Блиндажи исключительно из земли и дерева. Большею частью они провалились, и скоро на месте их темные ямы будут раскрывать свои черные рты. Почти полная пустота в тылу. Редкие телефонные линии. Наскоро выкопанные ямы с редкой колючей изгородью перед ними: это—приготовления на тот случай, если бы пришлось очистить позиции. Нет узкоколеек, цемента.

В соответствии с своей экономической отсталостью старая Россия своим главным козырем в империалистской войне считала „переменный капитал“, „живую рабочую силу“. И, сравнивая германские и русские окопы, еще теперь видишь, с какой беспощадной расточительностью расходовала царская Россия живые жизни крестьян и рабочих. И вспоминаешь, с каким торжеством, с какой надеждой на окончательную победу газеты царских союзников говорили о богатстве России пушечным мясом. И много же они его истребили! Я думаю, что один бой под Сморгонью, Лидой и Молодечно унесли в несколько раз больше жертв, чем потребует вся теперешняя война с лакеем Антанты—панскою Польшею.

Пространство между позициями и даже отдельные участки возле самых окопов во многих местах распаханы. На них желтеет тощая и редкая рожь: почва песчаная, тощая, лето засушливое. Поля,—как и огороды, и дворы в деревнях, городах и местечках,—нередко обнесены колючей проволокой, взятой с позиций. Так использовали жители Белоруссии и Литвы страшные сооружения империалистской войны. Громадное количество проволоки взяли они со старых позиций,—еще больше до сих пор остается ее на позициях.

Сзади наших и немецких позиций нет-нет покажется крест над маленьким холмиком. Это—могилы отдельных офицеров, павших в бою. На германской стороне я заметил несколько таких бугорков с бетоно-цементным плоским камнем на них. На одном до сих пор лежат свитые в круг тонкие прутья. Это—остатки живого венка. Вероятно, на таких камнях есть надписи. Но ни родственники, ни друзья не станут разыскивать их. Умирает, корчится в последних судорогах та капиталистическая Германия, за которую сознательно или бессознательно положили свою жизнь эти борцы. Она истощила все свои силы, создав окопы, блиндажи, узкоколейки на протяжении многих сотен верст на востоке и западе и выбросив на них неисчислимые миллионы пудов взрывчатых веществ и снарядов, колючей проволоки и цемента.

А вот вдали показался большой курган с высоким крестом над ним. Это—братская могила крестьян и рабочих, которых ненасытный капитал послал на завоевание для него новых земель и новых рабов.

По дороге я видел Сморгонь, или, вернее, то место, которое некогда так называлось. Я вспоминаю, что это был уездный город не из совсем маленьких, — помнится, от 10 до 12 тысяч жителей. В нем было несколько фабрик, в особенности кожевенных и щетинных.

Он стоит в стороне на пригорке. Все видно отчетливо. Первое впечатление: да ведь это немаловажный промышленный центр. Высоко-высоко вздымаются кирпичные стены заводов и фабрик в два-три этажа. И как их много! И не только там, на пригорке, где было, видимо, несколько крупных фабрик, но и в окрестностях.

Но это впечатление тотчас рассеивается. Зданий нет,—стоят одни стены. Местами одна-единственная стена вместо громадного фабричного здания. Мертвый промышленный город. Ни дымка, ни звука—и ни души. Ни одного муравья не копошится около этого разоренного и выкуренного муравейника. Жители буквально все разбежались или погибли.

То там, то сям среди пустынного поля валяется большой паровой котел, пробитый, продырявленный, проржавленный. Не понимаю, как и зачем он сюда попал. А вот два больших котла на каменной кладке и среди тесных полуразрушенных стен. И тоже вокруг только трава и нигде ни буторка, ни валика, ни пригорка. Разгадка нашлась: здесь стоял какой-нибудь завод или фабрика, построенные из дерева, и только паровая, котельная, была каменная. Все сгорело до тла и развеяно, и только остатки котельной стоят среди чистого поля. Настолько уничтожено всякое воспоминание о некогда стоявших здесь постройках, что нет даже крапивы, которая многими десятилетиями удерживается около развалин и обрастает развалины. Должно быть, даже для этого неизменного спутника человеческого жилья окончательно вытравлено все, что напоминало бы о людях, копошившихся здесь всего пять лет тому назад.

Немного в стороне от мертвого фабричного города, справа, высится огромный костел в виде замка с башней. Жадно вглядываюсь. Нет, это—тоже труп, развалина. Далеко, но все же видно, что окна смотрят, как глазные отверстия из черепа. Среди фабрик чуть виднеется еще костел,—тоже одни полуразрушенные кирпичные стены.

И только. И ничего больше. Кругом ярко и густо зеленеет трава. Но как же это? Ведь не могли же здесь существовать только фабрики и костелы? Жили же где-нибудь рабочие? Были же здесь лавки? Дома и домишки сползали же с пригорка во все стороны и доходили до самой железнодорожной линии, до вокзала?

Около двадцати лет тому назад в сибирской ссылке я встретил товарища из Сморгони. От него я знаю, что это было типичное белорусское „местечко“ с несколькими тысячами мелких ремесленников и торговцев, с голодающей еврейской беднотой черты оседлости, с сотнями домов, домиков и дачуг. От всего этого не осталось никакого следа,—место, на котором кипела жизнь, покрылось ровной зеленой травой.

Однако здесь не было озорства, не было низкой мстительной злобы. Позиций противников тянулись по обе стороны Сморгони, и этим ее судьба была решена...

Недавно, всего три-четыре дня тому назад, в этих местах снова разыгралось сражение. Разбитая под Борисовым, выгнанная из Минска, почти уже обойденная в виленском направлении, старая Польша сделала попытку зацепиться за массивные сооружения старой Германии.

Есть признаки, что это решение не было неожиданным: к такому повороту паны готовились. И они, казалось, имели все основания рассчитывать на успех.

Конечно, численность их армий не идет ни в какое сравнение с теми массами, которые бросала на окопы Германия,—но Рабоче-Крестьянская Россия в этом отношении еще дальше отстает от империалистской России. Генералы империалистской войны признали бы крупные части Красной армии всего лишь партизанскими отрядами, не больше.

Конечно, теперешняя Польша не располагает таким сокрушительным изобилием истребительской техники, каким располагала Германия Круппа и Гогенцоллернов. Но за то победители, раздавившие Германию в захватнической войне, и в первую очередь Франция, щедро снабдили панскую Польшу всем, что осталось у них не использованным против Германии. Польша не знала нужды ни в орудиях, ни в снарядах, ни в винтовках, ни в патронах, ни в обуви, ни в одежде, ни в продовольствии. Мировой капитал требовал от нее только пушечного мяса,—только десятков тысяч крестьян и рабочих,—да обязательства впоследствии уплатить за счет добычи, которую польские господа надеялись получить, ограбив крестьян и рабочих Украины, Литвы, Белоруссии, а в случае особой удачи—крестьян и рабочих России.

А панскую Польшу должна была выбивать из германских окопов Рабоче-Крестьянская Россия: Россия, превращенная в нищую страну многовековым хозяйничаньем помещиков с их чиновниками и Романовыми, ограбленная, разоренная, истощенная хозяйничаньем капиталистов, окончательно обескровленная империалистской войной, ланотная и совершенно босая, вооружившаяся главным образом тем, что она отняла у Колчака и Деникина, раньше снаряженных против нее мировым капиталом.

Да и командный состав! С одной стороны—цвет польского и отчасти русского офицерства, испытанного в многочисленных сражениях прошлой войны, прошедшего специальные военные школы. И не только польского и русского. Мировой капитал, натравливая на нас капиталистическую и помещичью Польшу, хорошо знал, что он делает. Он знал, что эта Польша—одна из последних плотин, которые еще задерживают волны революционного потопа, угрожающего смыть весь эксплуататорский мир. Отборные французские, отчасти и английские офицеры отдали все свое военное искусство и опыт на службу польских панов.

А что имеется в Красной армии? Вчерашние революционеры, совсем недавно вышедшие из подполья и еще года три тому назад не грезившие, что им суждено будет участвовать в создании революционной армии; немногочисленная молодежь из старого командного состава,—бывшие поручики, подпоручики, прапорщики,—вошедшие в большевистскую партию в самые трудные для нее времена, не прошедшие специальной подготовки и вырабатывающие теорию войны в самом ходе этой войны; и, наконец, совсем уже малочисленные высшие военные специалисты, глубоко сработавшиеся с новой армией и нерасторжимо связавшие свою судьбу с судьбами Советской России. Все это слишком бедно, слабо, скудно по сравнению с тем блестящим офицерским составом, которым располагали все наши противники и в особенности располагают поляки.

Отпор Красной России должен был разбиться об окопы старой Германии.

Но революция быстро продвигается вперед. Вы думаете, она остановилась перед окопами, которые соорудила старая, капиталистическая Германия? Нет, она забралась в окопы, она проникла в самое сердце польской армии. Она разлагает эту армию, т.-е. расторгает связи, которые превращали ее в организацию, послушную воле польских помещиков и капиталистов, слепо повинующуюся своим офицерам. Она расторгает старые связи, и подготавливает тот момент, когда люди по новому свяжутся между собою и общими силами сбросят своих офицеров, своих помещиков, своих капиталистов и превратят панскую Польшу в Красную Польшу.

Революция не остановилась перед окопами: она проникает дальше,—и не только в ряды польской армии, но и в ее глубокий тыл, в самые недра Польши.

Повторение недавней изнурительной позиционной войны, когда тысячи и сотни тысяч рабов капитала долгими месяцами сидели в узких и глубоких канавах, в настоящее время немыслимо: одряхлевший капитал не найдет бойцов, необходимых для позиционной войны. В современную эпоху борцам будет слишком тяжело сидеть в тесной и грязной канаве, им захочется знать, как изменяется мир,—а он каждый месяц, каждую неделю становится иным,—они все чаще будут оглядываться вокруг и назад. А кругом, и сзади, и спереди делает свою работу революция.

В настоящее время позиционная война возможна только в одной форме: когда сплошным великим окопом становится целая страна, совершившая современную революцию и отдавшаяся социалистическому строительству. Но такой окоп разлагает все армии мира, которые высылают против него капитал.

Давно известно, что всякая эпоха крупных общественных сдвигов и великих общественных переворотов выдвигает свою военную организацию, свой новый командный состав, свою новую тактику. Нет никакого сомнения, что в России создастся не только современнейший командный состав, но и новая военная школа, которая за три года успела накопить большой боевой опыт и теперь начинает его теоретически осмысливать.

Эта школа смело,—люди, сросшиеся со старой войной, с боевыми условиями прошедшего времени, сказали бы: дерзко,—отбрасывает многое из того, что еще недавно для крупнейших военных авторитетов стояло выше всякой критики и сомнений. Эта школа отчасти чутьем схватила, отчасти сознала и поняла ту тайну нашей эпохи, которой никогда не постигнут старые генералы и генералиссимусы, слишком глубоко выросшие в отношении умирающего капиталистического общества. Война для нее просто средство быстрого продвижения и распространения революции.

Атакой в лоб или фланговым обходом надо выбить противника из окопов? Конечно, полезно подвергнуть его действию артиллерийского огня, полезно обойти с фланга, но дело не только в этом. Важно также усилить внутреннюю работу, происходящую в окопах: раз она идет успешно, то и при сравнительно слабом давлении противник сам оставит окопы.

Уничтожить живую силу противника? Т.-е. физически уничтожить его; истребить его армии? „Продукт“ сражений в империалистских войнах—горы трупов, миллионы изувеченных и искалеченных. „Продукт“ боевых действий в революционной войне — „живая сила противника“, сначала отказывающаяся служить противнику, а затем превращающаяся в нашего союзника. Конечно, и в классовой

войне приходится истреблять противника: в особенности в то время, когда он, одураченный и обманутый господствующими классами, прет на страну, в которой революция уже одержала победу. Но физическое уничтожение неприятеля здесь не цель, а средство, и с развитием войны, с развитием революции в стане противника это средство фактически все более отступает на задний план перед другими.

Исход польской попытки уцепиться за окопы капиталистической Германии определился через 2—2½ дня: Артиллерийский огонь, прямое наступление Красной армии, обход со стороны Вильно и давно уже начавшееся разложение панской власти над польской армией: все это решило исход дела. Найдя кратковременную опору в окопах старой Германии,—как весь старый мир еще находит временную опору в своих старых ресурсах,—старая Польша с ускоряющейся быстротой покатила мимо этих старых окопов, все дальше и дальше, ускоряя свой бег.

В своем преследовании панской Польши, Красная армия перешагнула через эти укрепления старой Германии,—как она, превратившись в своем шествии в Интернациональную Красную армию, еще перешагнет в свое время через все рогатки, барьеры, окопы и колючие изгороди всего старого мира.

Мимо всех этих некогда страшных окопов! Через всю эту старую историю!

23 июля, спустя неполную неделю после этих боев Красной армии, я опять был под Сморгонью вместе с тов. М. Н. Тухачевским, командующим Западным фронтом. Поезд остановился, и мы обстоятельно осматривали все эти удивительные окопы и блиндажи.

Примятая трава, кое-где разбросанные обоймы с нерасстрелянными патронами, брошенная неиспользованной ручная граната, уголья и зола от недавних костров среди громадных воронок, напоминающих об ураганном огне империалистских сражений,—это следы панской армии, в отчаянии уцепившейся за прошлое.

Наступая, Красная армия кое-где выкапывала маленькие лунки,—их видно с поезда,—с дерновыми валиками, способными защитить только голову и грудь.

Только эти лунки против массивных германских окопов...

Социалистической революции некогда останавливаться. Она быстро продвигается вперед и перешагивает через старую историю с ее старыми барьерами, так долго останавливавшими движение человечества.

III. ОТ ВИЛЬНО ДО ГРОДНО.

Нелегко догнать Красную армию, которая все время следует по пятам за разлагающейся, т.-е. за охваченной начинающимся революционным брожением, панской армией. Я еду на поезде, на автомобиле,—и до сих пор (28 июля) не нагнал ее. Правда, в крупных городах я делаю остановки на 1—3 дня. Но все же...

И поразительно, как мало у нас отставших! Пропосаясь по великолепным, большею частью прямым, как стрела, шоссе, которые должны были обслуживать гродненскую крепость, мы изредка нагоняем небольшие кучки этих отставших. Это главным образом обозные. Среди

них некоторые идут в лаптях, многие совсем босые, повесив обувь через плечо. Все они идут вперед и вперед. Надо покончить с этими панами.

Часто обгоняем целые обозы подвод, которые везут снаряды и патроны для наступающей армии. Командующий N армией с удовлетворением замечает, что теперь дело пойдет быстрее: такие-то дивизии скоро не будут испытывать прежнего недостатка в патронах. Навстречу нередко попадают порожние грузовики и буквально на каждой версте большие обозы порожних конных военных повозок и обывательских подвод. Они уже отвезли снаряды и патроны под Белосток и теперь едут обратно.

Чтобы избежать сыпучих песков перед Гродно, делаем большой, верст в пятьдесят, крюк вправо. Все те же изумительные шоссе. В особенности хорошо идущее на Сувалки. Насколько охватит глаз в обе стороны, тянется широкое полотно, настолько утрамбованное и как будто залитое бетоном, что удивляешься, когда видишь на нем несколько выбитых камешков.

По обе стороны идут поля, изредка перемежающиеся лесами. Поля отличаются от наших. Гречиха, гречиха, гречиха, лен, лен, лен, по временам конопля. Ржи значительно меньше; еще меньше овса. Постоянно попадают полосы, засеянные люпином и другими бобовыми растениями. Это отчасти материал для „зеленого удобрения“, которое к осени запахивается, отчасти корм для скота.

Почва песчаная. Много холмов из песка, перемешанного с гранитными камнями. Это—дюны, закрепленные лесами и нанесенные на морены, оставленные ледниковым периодом. Во время империалистской войны германцы успели истребить на постройку шоссе, на постройку скипидара и на вывоз к себе большое количество лесов. Правда, далеко не такое, как у нас иногда сообщали. Так, в газетах до революционной войны уверяли, что Беловежская пуща не существует. Это неверно. Как ни велика была жадность империалистской Германии, как ни сильна ее техника, как ни безгранично ее хищничество, все же она истребила, как говорят знающие люди, какие-нибудь 5—7% деревьев. Значит, осталось еще достаточно много. Зубры, конечно, уничтожены: отчасти прямо перебиты солдатами, отчасти подохли от недостатка корма, который в былые времена запасался для них на зиму.

Но в тех местах, где лесов и раньше было не особенно много, уменьшение их вызывает серьезные опасения. Они задерживали передвижение песков. Теперь пески оживут и начнут засыпать поля. Приступив к лечению страшных ран, нанесенных империалистской и гражданской войной, Красная Литва,—а она скоро станет красной,—в одну из первых очередей должна будет поставить вопрос об искусственном облесении. Иначе многие пространства, отвоеванные от песков, будут потеряны.

Лен, лен, лен; гречиха, гречиха, гречиха; рожь, рожь; люпин, люпин, люпин; конопля; лен, лен, лен; гречиха, гречиха, гречиха, картофель, картофель; овес...

Наш окольный путь не был затронут польским наступлением и отступлением. Шоссейные мосты уцелели. Но уже поздно,—около 2 часов ночи по советскому времени. Дорога неизвестная. Попытки порчи мостов кое-где делались. Бегущая польская армия, начиная с Гродненской губернии, оставляет многочисленных дезертиров. Большею частью это местные уроженцы. Они разбредаются по своим деревням. Но все чаще среди таких дезертиров, уходящих от своей армии во-

оруженными, встречаются уроженцы Познани. Зачем они остаются? Не оставляются ли некоторые из них с прямым заданием составлять в тылу Красной армии маленькие „кулачки“, которые при первой же возможности станут жечь мосты, рвать телеграфные провода, а затем и нападать на обозы?

Верстах в 60 от Гродно нам рассказывали о грабительских бандах, которые составились из таких дезертиров. Они нападают на местное население, насилюют женщин, угоняют скот. Некоторые из них уже захвачены литовскими войсковыми частями, но число бандитов все более увеличивается с дальнейшим продвижением Красной армии: дезертирство поляков растет. Говорят, будто познанцы вообще не желают сражаться и уходят из легионов при первой возможности.

Совершенно стемнело. После бури с градом, захватившей нас верстах в тридцати от Вильно и вырвавшей с корнем много деревьев, от которых в двух местах пришлось освободить дорогу, наступила прохладная ночь с непрерывным нудным дождем. Решили заночевать в небольшом местечке.

В первую избу нас не пустили: ребенок болен дизентерией. Дизентерия вообще широко распространилась в краю. Польская армия бежит, сотнями бросая дизентерийных больных. Много больных среди местного населения, городского и деревенского. Врачи говорят, что главная причина не в условиях питания, а в войне. В реках гниют лошадиные трупы. Да и закапываются убитые не с такой тщательностью, как это требовалось бы. Питьевая вода повсюду испорчена. Кроме этих общих причин, на польскую армию оказывает влияние гнетущая обстановка всякого спешного отступления, по временам переходящего в бегство.

Потерпев неудачу в первой избе, пошли „на огонек“. Отворив дверь, к своему приятному изумлению открыли, что попали на спектакль! Играла кочующая труппа из двух актеров и двух актрис. Она подкрепилась одним местным молодцом-статистом и одним местным же парнем, который „поднимал“ и „опускал“ „занавес“, т.-е. сдвигал цветную занавеску, подвешенную на проволоке. Коптящая лампа, спускавшаяся с потолка, изображала освещение а гюгно. Высокая „сцена“ составляла шага три в ширину и шага четыре в длину. Когда на сцене стоял стол и два стула, на ней лишь с трудом помещалось четыре человека. Это была уже толпа — с инквизитором-кардиналом, с стражей и слугами святой инквизиции, изображавшимися всего двумя персонажами.

Весь театр представлял довольно большую недостроенную избу с земляным полом: сажени пять в длину, сажени три в ширину. На стульях и на досках, положенных на обрубки бревен, сидело человек 50—60 публики: почти сплошь местная еврейская молодежь.

Артисты играли на еврейском жаргоне драму, составленную из оперы „Жидовка“. Уйдя за „кулисы“, — маленькую занавеску, отделявшую крохотный уголок, представлявший „уборную артистов“, — каждый актер тотчас же превращался в суфлера. Суфлеру приходилось работать отчаянно: драма выезжала преимущественно на его плечах или, вернее, на его громком и настойчивом шопоте. Иногда начинал суфлировать один из артистов, сидящих на сцене, который поэтому все время упорно смотрел на стол, только по временам поднимая глаза на публику. Но надо отдать справедливость артистам: свои речи они произносили с большой выразительностью. И я здесь впервые убедился, что жаргон может звучать очень красиво.

Мне показалось, что суфлер читал по рукописи, а не по печатному экземпляру. К сожалению, я не успел спросить об этом. Но я несколько не удивился бы, если бы оказалось, что кто-нибудь из артистов был и автором драмы.

Одним из крупных достоинств этого произведения была его неопишуемая краткость, а вместе с тем и величайшая жизнь и движение. Ни один из пяти актов не растягивался дольше 15 минут, некоторые продолжались каких-нибудь десять минут.

Возможно, что артисты многое урезали. Зрители говорили между собой, что труппа недовольна малочисленностью публики, и играет неохотно, хуже, чем она могла бы играть.

Тем не менее и благородные мысли, и речи о религиозной свободе, и вся борьба двух мировоззрений видимо трогали и захватывали чуткую публику. Каждый раз занавес задвигался при ее дружных аплодисментах. В бедной жизни местечка появление бродячей труппы было событием.

По этим местам legionеры не проходили. Местное население только по наслышке знает о еврейских погромах и грабежах, которые они учиняли. Тем более удивила меня любезность и ласка, с какими мы, внезапно ввалившиеся шесть человек, были встречены хозяевами избы и публикой. Несмотря на сопротивление, нас усадили в переднем ряду. После спектакля самовар, чай, сахар, хлеб,—в количестве, о каком мы не мечтали. На следующее утро опять самовар и хлеб; кроме того добыли молока у соседей. И ничего напоминающего корыстные виды: „Да чего тут! Дайте сколько знаете!“. И это не были пустые слова. Ах, как хорошо было бы, если бы во многих наших деревнях вместо „мужичков“, заваленных хлебом и вообще очень „хозяйственных“, были бы еврейские семьи!

На следующий день, не проехав и часа, мы были остановлены литовским караулом в одном местечке всего в 40 верстах от Гродно. Литовский комендант приказал никого не пускать через мост. Это, убеждали нас, в наших собственных интересах, потому что в окрестностях появилась шайка польских дезертиров. С самого начала было видно, что караул ничего не имел бы против нашего пропуска. Приятное впечатление оставили эти литовские солдаты. Молодые, стройные, чистенькие, в чистеньком обмундировании—тоже антантовского происхождения: ведь Литва еще так недавно против нас воевала,—безукоризненно вежливые, с винтовкой в руках и с парой огромных бомб за поясом, они производили, да видимо, и хотели производить, какое угодно, но только не устрашающее впечатление.

Вполне возможно и даже вероятно, что кое-кто из литовских legionеров смотрит на нас по-другому, иначе, чем комендант, сейм или Гариба. Не даром Литва—чисто земледельческая страна с крупными польскими и ополячившимися литовскими землевладельцами. Для нее и прежде всего для ее армии соприкосновение с Красной армией Рабоче-Крестьянской России не могло пройти без следа. Литовские офицеры, в подавляющем большинстве офицеры старой царской армии, до нашего прихода щеголяли золотыми погончиками. Теперь почти всем офицерам пришлось расстаться с этими украшениями. И рассказывают, будто тонкие, стройные, чистенькие и вежливые солдатики разговаривали с упорствующими языком, очень близким к истинно-русской словесности. Кстати сказать: большинство литовцев говорит по-русски куда лучше, правильнее и красивее, чем некоторые уезды, напр., Тульской или Орловской губернии. Я положительно не могу

представить себе, каким бы это способом Литва на долгое время осталась белой, зеленой, оранжевой или желтой.

Наша литовская остановка оказалась непродолжительной. Литовцы быстро признали основательность наших доводов, и литовский комендант позволил себе склониться перед таким соображением, что нам необходимо срочно доставить огромный пакет за шестью сургучными печатями огромной величины, который мы ему показали. После этого он беспрепятственно отпустил нас в лапы польских бандитов.

Впоследствии мы узнали, что литовский комендант просто соблюдал демаркационную линию, установленную по соглашению с нашим командованием. Надо прямо признать, что литовцы вели себя таким образом, как будто эта разграничительная линия с Красной Россией была им навязана извне.

С приближением к Гродно и особенно под самым городом учащаются напоминания об империалистской войне. Попадают земляные окопы с массивным бетонным блиндажем посреди и с густой паутиной колючей проволоки перед ними. Как и повсюду, много проволоки уже разнесло окрестное население. Теперь она охраняет от скота поля, сады и огороды. Среди холмов, где-нибудь на склоне, вдруг покажется крест, увенчивающий довольно большой холмик. Это — братская могила. По всей области разбросано много-много этих братских могил, и много надежд, много возможностей закопано в этих могилах. Немудрено, что теперь повсюду такой недостаток в работниках. Но как же мало жертв требует теперешняя классовая война по сравнению с империалистской войной!

Повсюду глаз видит воронки, оставленные снарядами. Они успели обрасти травой, края осыпались, тем не менее они все еще довольно глубоки.

А вот следы новой войны и тех боев, которые закончились здесь на прошлой неделе. Польский пан, который, усвоив от длинного ряда своих предков чисто потребительскую психику, не может и шагу ступить без содействия еврея-фактора, арендатора или комиссионера, без содействия капиталистических гешефтсмахеров, свою ненависть к „движимому капиталу“ распространил и на еврейскую массу, совершенно неповинную в капиталистических грехах: куда этим мелким ремесленникам и старьевщикам, дневная выручка которых едва дает кусок хлеба да луковицу, куда им до торговых, ростовщических и посреднических операций с паном помещиком. Форштадт (пригород) Гродно, отделенный от города быстрым и глубоким Неманом, населен главным образом евреями: достаточное основание для того, чтобы пан приказал спалить и разрушить форштадт. Получившие приказ постарались, поскольку у них было для того время.

Великолепные мосты через Неман, железнодорожный и шоссе-ный, были разрушены еще во время империалистской войны. В Гродно и теперь продаются германского производства открытки, изображающие эти мосты в разрушенном состоянии. Великолепные фермы сорваны с огромной высоты и погнутые, искривленные лежат частью целиком в реке, частью опираясь одним концом в ее дно. Еще во времена оккупации немцы построили деревянные мосты. Конечно, поляки при отступлении их уничтожили. С обычной для панской армии бестолковостью, не имеющей ничего общего с требованиями войны, уничтожили они и станционные здания. Вообще, познакомившись с их опустошительной работой, не можешь отделаться от впечатления, что ее производили очень злые, но и очень невежественные противники. Не понимая, что разрушениями в одном-двух пунктах

совершенно парализуется вся работа железных дорог, они разрушали все под-ряд. Так оно будет вернее!

Что-то неладное вышло у них на шоссе на мосту. Одни говорят, что они преднамеренно побросали отсюда орудия в Неман. Другие уверяют, будто мост провалился под орудиями или был подожжен не во-время, в момент, когда еще шло отступление. Первое представляется правдоподобнее, тем более что в Неман свалилось слишком много орудий. Большая глубина и быстрота реки и краткость времени еще не дали возможности выяснить их количество. Во всяком случае со временем здесь будут выужены значительные трофеи.

В Гродно я узнал, что количество русских по происхождению офицеров в польской армии очень невелико, да и те, которые вступили в ее ряды, тяготеют своим положением. Польские офицеры относятся к ним с нескрываемой подозрительностью, рядовые проявляют прямую вражду. Нередки случаи оскорбительных выходок. Пилсудский и К° и в ничтожной мере не использовали тех дополнительных сил, которые могли бы им дать бывшие царские офицеры русского происхождения.

Сначала я склонен был видеть в этом просто промах теперешних польских властей. Но, вдумавшись в дело, нахожу, что трудно быть умным в их положении.

Дело было бы очень простое, если бы они могли выразить задачи и цели начатой ими войны с такой ясностью и честностью, с какой Советская Россия вступает во все навязываемые ей войны. Но тогда польские власти должны были бы заявить: „идите к нам все, кто отстаивает священные права собственности! Идите к нам, капиталисты без капиталов, фабриканты без фабрик, помещики без поместий, отобранных российской красной революцией! Идите к нам все, кому угрожает такая же революция в других странах. Раздавим общими силами очаг мировой революции, спасем собственность!“. Но сказать это, значило бы открыто признать чисто классовый характер борьбы, значило бы без всяких прикрытий выступить наймитами и гладиаторами мирового капитала, — значило бы разом оттолкнуть от себя рабочие и крестьянские массы. А без этих масс, из одних собственников, не создать боевой силы.

Впрочем, будем до конца справедливы к Пилсудским и другим польским панам, какова бы ни была их официальная партийная окраска! Они положительно неспособны к такой деловой, трезвой постановке вопроса. Так может ставить, — и для себя, но не для одурачиваемых, ставит, — вопрос Деникин, Врангель, Струве, Милюков, может быть, какой-нибудь Роман Дмовский и польские Милюковы разных фамилий. Но даже у нас оказались необходимыми некоторые прикрытия для Савинковых, Маевских и других меньшевиков и социалистов-революционеров. Для них прикрытием и приманкой послужило Учредительное Собрание и всякие демократические свободы, на которые в свое время милостиво осклабились царские генералы и адмиралы: если простаков можно привлечь таким способом, пусть себе немного потешатся. Для польских простаков, для пе-пе-эсовцев (Польская Социалистическая Партия Пилсудского и Дашинского) требовалось другое прикрытие. Они — читатели и почитатели Генриха Сенкевича, барда старой эксплуататорской, насильнической Польши. Они — романтики. Их идеал — в прошлом, в изукрашенных романтикой исторических воспоминаниях об этой безвозвратно погибшей Польше. Вместо деловой, отчеканенной в классовом смысле программы XX века — карта 1770 года.

Польским Гучковым это было до поры до времени так же на руку, как демократические иллюзии русским Колчакам и Деникиным. Современная классовая борьба быстро развертывалась в Польше, разоренной и растерзанной империалистской войной. Рабочий и крестьянин уставали ждать, как они уставали у нас во времена Керенского. Надо действовать, надо что-то предпринять для того, чтобы охранить священные права капиталистической и помещичьей собственности в самой Польше. И почему бы польским собственникам в 1920 году не попытаться счастья на том, что удалось собственническим правительствам в 1914 году?

Польские власти подчинялись велениям мирового капитала и, развернув классовую войну в международном масштабе, выступили передовым наймитским отрядом собственников всего мира; но они придавали этой войне характер старинных, национальных, захватнических войн. Если же война захватническая, национальная („карта 1770 года“), то как могли бы они доверять, — как вообще могли бы терпеть в своих рядах украинских и русских офицеров? Эти офицеры могли бы служить польскому делу только путем прямой, наглой, циничной измены своей родине. И для этой измены и предательства не оставалось никакого прикрытия. Немудрено, что русские офицеры встретили в польской армии самое оскорбительное и презрительное отношение к себе. Они вполне его заслужили...

Гродно впервые встречается с Советской властью. Вся революционную эпоху вплоть до германской революции (ноябрь 1918 года) он жил под суровым германским оккупационным режимом. После революции германская армия сама „демобилизовалась“ в формах, по организованности не возвышавшихся над развалом старой русской армии во времена Керенского и позже. Наступила очередь коалиционных, демократических, социалистических, соглашательских польских правительств. С национализмом было сильно, со свободами — слабо.

Таким образом Гродно не знал ничего подобного русской политической жизни первых и последних месяцев 1917 года. Наш митинг, устроенный 30 июля в городском театре, был для горожан в сущности первым свободным революционным митингом. Перед театром стояли толпы, живо напомнившие мне о митинге, который мы в корниловские дни 1917 года устроили в Москве в Советском Театре. Многие в Гродно еще отзывается медовыми днями свободы. Хотя уже налицо тревожная озабоченность, — очень тревожная. Советскую власть видят впервые, а в слухах и отзывах о ней положительно путаются. А затем — что представляет Литва, которая со временем включит в свой состав Гродно? Значит, будет опять новый режим, — трудно подсчитать, который с начала империалистской войны. Как жить, как устраиваться, по чему равняться? Все время — в походе, маршрут и этапы которого неизвестны.

Одно можно твердо сказать: при Советской власти и Красной армии не будет еврейских погромов. Не будет польского озорства, когда рядовые и офицеры легионеры доставляли себе развлечение, останавливая на улице евреев и оттапывая им бороды каким-нибудь тупым орудием.

IV. ОТ ГРОДНО ДО БЕЛОСТОКА.

Мы ехали по той самой дороге, по которой отступала разбитая под Гродно польская армия,—мы ехали в Белосток, занятый Красной армией всего два-три дня тому назад.

По обе стороны дороги попадаются коробки из-под консервов. Кое-где виднеются кучки углей. Здесь войсковая часть давала себе небольшой роздых. Перед некоторыми деревнями правильным рядом поперек дороги идет линия лунок с небольшим возвышением из дерна, выброшенного впереди валиком в виде дуги. Если лунки направлены дугой к Гродно, это значит, их делали отступающие поляки. Если положение их обратное, это значит, что их делали красноармейцы, наступавшие на Белосток. Останавливаясь на ночлег, по большей части около деревень, части выставляли сторожевое охранение, ограждавшее себя такими лунками от огня противника.

По этим дорогам в последние дни прошли многие тысячи людей и многочисленные обозы. Прямо приходится удивляться, как мало пострадали поля. В сущности они вовсе не пострадали. Как ни внимательно я всматривался, я не видал даже вытравленного овса, который однако представлял бы превосходный корм для лошадей. Картошка уже цветет, на некоторых полосах в полном цвету. Следовательно, здесь было бы чем поживиться. И, действительно, на бороздах близ шоссе явным образом хозяйничали. Но и тут затронуты только самые окраины.

Причина понятна. Бои под Гродно были тяжелые, упорные. Но после того, как противник был сломлен, он быстро покатился на юго-запад, иногда оставляя далеко позади Красную армию. При быстроте передвижения некогда было задерживаться и сворачивать в стороны.

В Василькове, верстах в шести перед Белостоком, поляки сожгли мост через небольшую речку. Но около самого моста довольно мелкий брод, и конные подводы проходят без особенных затруднений. Переправился и наш автомобиль. Шедший за нами санитарный автомобиль свернул несколько в сторону и остановился, так как вода потушила огни. На следующий день, 1 августа, удалось восстановить мост.

Панский погром не коснулся Белостока. Легионеры жестоко громили Украину, Белоруссию и Литву. Очевидно, у них самих нет веры в реальность „карты 1770 года“. Но Белосток они считали уже действительной Польшей. Начиная отсюда, они уже только грабят и всячески унижают евреев. Но не поджигают городов, не подвергают дикой и бессмысленной бомбардировке, как Полоцк, нередко оставляют неразрушенными железнодорожные здания и мосты, восстановление которых потребовало бы больших трудов и расходов. И в Белостоке они ограничились тем, что угнали подвижной железнодорожный состав и сняли телеграфные и телефонные аппараты да кое-где подпилили столбы. Эту работу они выполнили таким образом, что многие столбы пока держатся. Но при ветре или небольшом сотрясении они падают и иногда обрушиваются на железнодорожное полотно. Только после проверки всех столбов можно будет уверенно сказать, что телеграфная связь восстановлена прочно.

В Белостоке, как и в Гродно, и в Вильно, и в других городах, при господстве польских панов существовала тайная организация Польской (или Литовско-Белорусской) Коммунистической Рабочей Пар-

тии. Связи между местными организациями и с Варшавой были нерегулярные. Коммунисты фактически стояли вне закона. Демократические и социалистические правительства с одинаковым рвением выслеживали коммунистов, ловили их самих и их издания, расправлялись с ними в судебном и в несудебном порядке. Как наши дооктябрьские правительства 1917 года, так и все польские правительства, какое бы количество социалистов ни входило в них, одинаково были правительствами подавления рабочего класса и массового крестьянства.

В первые дни по освобождении Белостока в коммунистической организации насчитывалось до 80 членов. Ее ожидает стремительный рост. Рабочие пе-пе-эсовцы просят в нее. В местных газетах они опубликовали заявление, в котором признают, что были жертвами соглашательского обмана. Нет никакого сомнения, что разложение пе-пе-эсовцев пойдет много быстрее, чем шло у нас разложение меньшевиков и эс-эров: новой Польше пойдет на помощь многострадальный опыт Рабоче-Крестьянской России.

Впрочем, организация пе-пе-эсов в Белостоке была слабая. Раз пе-пе-эсы пустились в национальную, чисто завоевательную авантюру, их должны были побить буржуазные чисто национальные партии и организации, без всяких социалистических прикрас, хотя бы только в названии. Рабочих пе-пе-эсы не могли заманить. Партия, выражающая действительные стремления польских рабочих, была вынуждена оставаться слабой подпольной организацией. Открытые и покровительствуемые партии были явно враждебны рабочему классу. При таких обстоятельствах рабочие предпочитали держаться вообще в стороне от политических партий и больше всего вступали в кооперативные организации, беспартийные хотя бы только на словах.

Местные товарищи-коммунисты с большой сдержанностью относятся к кающимся пе-пе-эсовцам. Тяжелая работа в подполье при белопольском господстве наложила на них известный отпечаток. Глядя на них, невольно думаешь: такими были и мы в 1917 году, впервые оставив подполье. С того времени широкая практическая работа, деятельность *управления* коренным образом изменила нас. Мы сделались решительными, смелыми, настойчивыми, уверенными. И в особенности велика наша уверенность, когда дело идет о рабочем классе. Он должен быть с нами,—он не может быть ни с кем иным, кроме нас: это убеждение живет в каждом русском коммунисте и определяет его линию поведения. Нам казалось бы совершенно естественным усвоить эту линию и по отношению к *рабочим* пе-пе-эсовцам.

Момент теперь не таков, чтобы в Коммунистическую Партию пошли карьеристы. Красная армия, преследуя разбитые легионы, пока быстро продвигается к юго-западу. Но сопротивление с дальнейшим продвижением все более возрастает. Канонада под Гродно уже напомнила о сражениях империалистской войны. Из-за Ломжи разыгрались еще более упорные бои. Поляки уплотняются и опираются на сильную железнодорожную сеть. А Красная армия редет и все дальше уходит от железных дорог, на которых удалось восстановить движение. Таким образом для каждого ясно, что с панской Польшей далеко еще не покончено. Будто бы „нейтральный“ обыватель глубоко верит в ее скорое возвращение.

Устройство партийной недели,—конечно, с последующими перерегистрациями членов,—при таких обстоятельствах было бы очень кстати. Партийная неделя дала бы возможность выяснить самым широким массам, что такое Коммунистическая Партия. Она искоренила бы все,

что еще осталось от лжи, посеянной нашими противниками. И в ряды партии влились бы многие сотни хороших работников.

Я не могу отделаться от впечатления, что белополяки переусердствовали. Когда приближалась Красная армия, деревенское, отчасти и городское польское население нередко пряталось по домам, целыми днями держало ребятишек в подвалах. До сих пор не удалось выяснить, что рассказывали про нас паны и ксендзы, что они про нас выдумали. Надо полагать, что-нибудь очень страшное. Пожалуй, изображали нас сказочными чудовищами, которые поедает детей.

Пересол всегда вреден. Повредил он и в данном случае. Красноармейцы, сражающиеся с польскими legionами, стоят выше всяких похвал. Есть одна-две небольших части, обнаруживающие прорыв в сторону мародерства. Но против них приняты самые энергичные, самые решительные меры, которые немедленно привели к ожидавшимся результатам. А с другой стороны и население понимает, что единичные случаи нельзя ставить в счет Красной армии: решающим остается ее общее поведение и отношение командного состава к таким случаям.

Таким образом через несколько часов пребывания Красной армии вся многомесячная работа панов и ксендзов идет на смарку. Рабочие, а затем и крестьяне открывают, что пришла, действительно, Рабоче-Крестьянская армия, и пришла не как завоевательница, а как освободительница трудовой Польши.

Красная армия освободила Белосток 29 июля. А уже 2 августа на площади Костюшко был устроен большой митинг, на котором тов. Мархлевский, председатель Временного Революционного Комитета Польши, возвестил об организации последнего и осветил стоящие перед ним задачи. Т.т. Полуян, Тухачевский (командующий Западного фронта, приехавший в эти дни в Белосток) и я приветствовали Красное Правительство Польши от Советской России, Р. К. П., Красной армии. Тов. Мархлевский предложил приветствовать в лице тов. Тухачевского Красную армию, несущую свободу Польше трудящихся. Митинг прошел с замечательным подъемом.

Еще больше был подъем на митинге рабочих белостокского железнодорожного узла, устроенном в тот же день на вокзале. Тов. Мархлевский говорил о задачах, стоящих перед Красной Польшей, я — о тех препятствиях, которые русские соглашатели и мировая буржуазия ставят и ставят на пути социалистического строительства. Предложенная нами резолюция прошла *единогласно*. Своей работой по восстановлению железнодорожного движения т.т. железнодорожники в ближайшее дни показали, что они вполне сознают всю важность и ответственность исторического момента. Они — поляки в подавляющем большинстве — не щадят сил, делая все возможное для того, чтобы скорее перебросить растянувшиеся тылы и обозы за Красной армией в глубину Польши. Все наблюдения убеждают, что рабочий класс в Польше скоро сделается сплошь коммунистическим, как в России.

8-го августа белостокские рабочие вручили Польскому Ревкому замечательное по изяществу работы красное знамя. К сожалению, в этот день я ездил в только что занятые Красной армией Ломжу и Остроленку и сам не видал демонстрации. По общим отзывам, до сих пор Белосток не переживал ничего подобного. В демонстрации участвовало не менее 12.000 человек — для небольшого города с 70—80 тысячами жителей, из которых крупно-промышленные рабочие составляют едва ли более одной восьмой доли — цифра огромная. Польский Ревком сразу находит широкую и надежную опору.

У еврейского Бунда повсюду сохранились организации; некоторые из них считали за собою значительное количество членов. Но политическая ценность этих организаций ничтожная, если не сказать прямо—нулевая. Внутренно они давно и глубоко разложились,—пожалуй, еще больше, чем наши меньшевики. У них нет никакой позиции, никакой ориентации. У наших меньшевиков все же был какой-нибудь курс: то на саботаж Рабоче-Крестьянской власти, то на „Учредилку“ и демократию, то на свободу торговли и сначала на пощаду, а потом на восстановление капитала, то на „долой гражданскую войну“, каковой флаг должен был объединить самые разнородные силы для решительной расправы с большевиками. Все это русскими меньшевиками изживалось медленно, во всякий момент давая внешнее подобие какого-то определенного курса. У бундистов все как-то разом, с самого начала выветрилось. Получилась полная пустота.

Если бы чуточку приоткрыть двери, начался бы форменный наплыв бундистов в Польскую Коммунистическую Партию. И, казалось, можно было бы смелее отнестись к той части Бунда, в которой обнаруживается несомненный сдвиг в сторону коммунизма. Коммунисты-поляки готовы пойти навстречу рабочим-бундистам. Но они встречают сопротивление со стороны тех членов, которые вошли в коммунистическую партию еще в период польской оккупации. Здесь сказываются опасения растворить Коммунистическую Партию шатущими мелкобуржуазными элементами, унаследованными от Бунда. Но, быть может, в несколько неожиданных формах проявляется и своеобразный национализм.

Вся история Польши за последние полтора столетия делает понятным, что национальные чувства развились у поляков до некоторой болезненности. Это сильно затрудняет задачи русской Красной армии,—и до поры до времени облегчает работу панов и ксендзов. Слишком мучительны и живучи воспоминания о той роли кровавых палачей, которую играли здесь царские армии после 1905 года, когда они расстреляли и виселицами подавляли крестьян и рабочих.

Стратегически невыгодна для наступающей Красной армии экономическая география Польши. Наблюдая, как всего в одну неделю Белосток сделался Красным Белостоком и превратился в опору Временного Ревкома Польши, я невольно думал: как жаль, что Белосток отделен от других промышленных районов, от Лодзи, Домброва и даже от Варшавы, обширными чисто земледельческими областями. Иначе освобождение Польши быстро приняло бы характер самоосвобождения: Красная армия не успевала бы подойти к промышленным центрам, как рабочий класс взрывал бы их изнутри и захватывал власть в свои руки. От Красной армии в такие города могли бы входить только небольшие делегации с целью товарищеского общения.

Мучительно хочется знать, что делается теперь в этих промышленных центрах. Самые определенные сведения имеются из Домброва. Там все кипит и бурлит. Домброво сделалось бы красным еще быстрее, чем Белосток. Оно разом превратилось бы в одну из главных баз Коммунистической Партии. Но до него так далеко. И его отделяют от нас чисто земледельческие губернии с многочисленными кулацкими элементами среди крестьянства. Скоро ли у населения этих губерний раскроются глаза? Скоро ли оно поймет, что его место—не против Красной армии, а плечом к плечу с нею?

Наши аэропланы уже 5 или 6 августа летали над Прагой (предместье Варшавы по эту сторону Вислы) и бросали манифест Польского Ревкома и различные воззвания.

8-го августа, когда я был в Остроленке, над ней пролетал неприятельский аэроплан. Иногда залетают польские аэропланы и в Ломжу и даже в Белосток. Но залетают исключительно с военно-разведочными целями. Они уже не разбрасывают никаких листов и воззваний. И что могли бы эти обманщики сказать нашей Красной армии после того, как она встретила с польскими рабочими и крестьянами и узнала от них, что представляет и что несла с собою в Россию, Литву, Белоруссию и на Украину панская армия? И что могли бы сказать эти погромщики местному населению после того, как оно познакомилось с Красной армией и увидало, что она несет власть трудовых масс, воплощаемую теперь Временным Революционным Комитетом Польши?

Если бы даже нам суждено было впоследствии пережить некоторые превратности, области, освобожденные из-под власти собственников, уже никогда не возвратятся к безропотной покорности правительствам собственников.

Плуг революции идет все дальше и роет все глубже.

В несчастливый для себя час толкнула Антанта Польшу в войну против Советской России.

V. ОТ БЕЛОСТОКА ДО ЛОМЖИ.

После Белостока, уходя на запад, польская армия делала неоднократно попытки задержать преследование. Часто встречаются длинные ряды лунок, выкопанных то с польской, то с нашей стороны. Ближе к Ломже они становятся еще многочисленнее. Под Ломжей разыгрались серьезные бои, затянувшиеся дня на четыре.

Старая Польша делает судорожные усилия, цепляясь за жизнь. Объявлено, что Польша в опасном положении, вновь и вновь призываются добровольцы. Буржуазия бежит из Варшавы. В Германии она появилась уже такими массами, что там поставили вопрос о закрытии для нее границы, так как она разносит с собою сыпной тиф и другие эпидемии. Понятно, что дело с добровольцами идет туго. Рабочие и крестьяне остались глухи к призывам Дашинского и Пилсудского. Да и не ко времени эти призывы: рожь почти убрана, начинают косить овес, поспевают гречиха, затем на очереди озимой сев.

Директора учебных заведений попросту записывают в добровольцы всех учащихся старше 12-летнего возраста. На бумаге получаются внушительные цифры. Варшавские газеты сообщали, будто число записавшихся перевалило за шестьдесят тысяч. В действительности получился корпус тысяч в двадцать,— правда, зато выдержанно белый, собственнический. Он очень полезен для панской Польши в качестве полицейского или жандармского корпуса. И нужда в нем не малая: идут большие нескончаемые аресты среди коммунистов и рабочего класса. Старая Польша в великой опасности.

Посредством новых и новых мобилизаций польское правительство с лихорадочной поспешностью формирует новые части и почти без всякой подготовки вливает их в армию. Боевое значение их пока невелико. И в Белостоке, и по дороге к Ломже и Остроленке я видел многочисленные толпы этих наскоро выброшенных солдат, сдавшихся в плен.

Удивительный народ эти пленные из панской армии! Впервые я встретился с ними еще в Смоленске, где в половине июля провел митинг у них. Говорил о причинах и вероятных результатах войны между Советской Россией и панской Польшей, играющей роль наймита Антанты. Говорил прямо, открыто, как коммунист. Слушали с напряженным вниманием, наградили шумными аплодисментами. Чувствовалось такое настроение, как на каком-нибудь удачном митинге в каком-нибудь рабочем районе Москвы.

Правда, среди пленных поляков в Смоленске велась уже некоторая работа, направлявшаяся коммунистом-поляком, который был назначен комиссаром при пленных. Но то же явление повторяется повсюду, где удастся устраивать митинги у только что приведенных пленных поляков. Товарищи, приехавшие в Белосток вместе с Польским Ревкомом, провели в Белостоке несколько таких митингов. И результат везде одинаковый: в один голос пленные заявляют, что польские власти их обманули, и все просятся в Красную армию.

Конечно, на войне меньше всего допустима простота и доверчивость. С другой стороны, по словам польских товарищей, века тягостной панщины, еще более жестокой, унижительной, кастовой, чем русская барщина, привели к тому, что они сами считают своих соотечественников „хитрыми“. Только польский пролетариат в своей классовой борьбе преодолевает это историческое наследие. Но при всей осторожности нельзя не признать, что панская армия дает трещины.

Папы и ксендзы нам вообще помогают. Они изображали Красную армию, как орду гуннов. Они уверяли легионеров, что Красная армия после жестоких пыток расстреливает или вешает пленных. На некоторое время они достигали своей цели. Польские солдаты дрались до последней возможности и сдавались лишь после того, как оружие выбивалось из их рук. Еще недавно был такой случай. Значительная группа польских солдат, в том числе большое количество юной молодежи, попало в плен. Все сидели и лежали в буквальном смысле как приговоренные к смерти. Когда их позвали обедать, многие начали плакать: они решили, что это — уловка, что их зовут на убой. Можно же представить себе, какой перелом совершился в их умах, когда они познакомились с действительной Красной армией. Немудрено, что польские рабочие в целом давно порвали с пепеэсами. Невозможно же оставаться в партии явных и жестоко изобличенных обманщиков!

Чего ни коснешься, тотчас же открываешь, с каким подлым презрением отнесся к Польше мировой капитал. Польское правительство должно было дать пушечное мясо, — десятки тысяч крестьян и рабочих. Антанта доставила снаряжение и вооружение. Она недурно одела и обула польскую армию, сносно ее продовольствовала, — хуже, чем архангельскую армию, так как там предполагалось, что главную силу составят английские войска, — но все же не плохо. Но вооружение польской армии, это — великий скандал, кровавое издевательство над несчастными, которых через польское правительство поработил себе мировой капитал.

Конечно, если посмотреть на аэропланы, танки, бронепоезда, орудия, изобилие снарядов и т. под., то надо будет признать, что Франция и Англия не скупилась на остатки от империалистской войны: по хорошим ценам сбыли много завали, — но отдали и много, очень много, удовлетворительного с военной точки зрения.

Если остановиться на такой небольшой воинской части, как рота или даже полк, здесь все покажется тоже благополучным: вооружение

едва ли уступает деникинской армии, которая так богато снабдила нас орудиями, винтовками и боевыми припасами.

Но если взять крупную часть, напр., дивизию, то получится другая картина. Встречаются дивизии, в которых отдельные части вооружены винтовками *пяти различных систем*. Легко представить себе, какая путаница и неразбериха получается при подвозе патронов. Бывает, что, несмотря на общее изобилие вооружения, части долгое время остаются без патронов. В результате польская армия, вообще несущая много больше жертв, чем Красная армия, несет их неизмеримо больше, чем несла бы при однородном вооружении. Пользуясь густой сетью железных дорог, работающих в общем очень недурно, польское правительство, проводя повторные мобилизации, бросает на театр войны новые и новые массы пушечного мяса, законтрактованного Антантой.

За снаряжение и снабжение Польше придется платить высокой ценой. Она уже и теперь расплачивается. Сахар превратился в предмет роскоши, хлеб становится все недоступнее. Много вывозится за границу в расплату за военное снаряжение. Но это — лишь начало платежей. Впоследствии долговая петля должна крепко стянуть Польшу и начнет выжимать из крестьян и рабочих все соки. Колония Антанты, — вот какую участь готовит для Польши правительство Дашинского и Пилсудского. Такую же участь для России готовили соглашатели с их ориентацией на Антанту.

От полевых штабов наших армий в последние дни получаются единодушные отзывы. Выбрасывая на передовые линии новые и новые легионы, польское правительство достигает своей цели. Сопротивление польской армии явно растет. К югу и западу от Ломжи опять завязались упорные, жестокие бои, напомнившие об империалистской войне. Выбрасываются формирования почти с фантастически высокими нумерами, но во всяком случае не перекрашенные, а действительно новые. Старая Польша напрягает все силы, и помощь Антанты, несмотря на растущую бдительность европейских рабочих, несомненно, пробирается к ней и просачивается в виде оружия и снарядов. Здесь нет ничего неожиданного. Ставка Антанты и польского правительства огромная. Отчаянная попытка задержаться на Западном Буге и Нареве окончилась неудачей. Теперь надо ждать решающих сражений на Висле. Все эти господа начали понимать, что под Варшавой решаются судьбы капиталистического мира. Здесь уже ему приходится помышлять о „передышке“.

Отступая, польская армия не просто уходит, но в то же время занимает и более выгодное положение. Это так ясно, что здесь все с этим считаются. С продвижением к юго-западу линия фронта в несколько раз сократилась. Но вместе с тем польская армия сжалась, уплотнилась, приблизилась к базам снаряжения и продовольствия и к источникам пополнений и оперлась на густую сеть железных дорог.

Напротив, Красная армия, гонясь за нею свыше полутысячи верст, разбросалась по обширным пространствам. Случайно отставшие настойчиво бредут и бредут, — но неделями тщетно стараются догнать свои части. Расстояние между пополнениями и быстро передвигающейся боевой линией тоже скорее растет, чем уменьшается. Были недели, когда Красная армия с боем проходила в среднем по 25—30 верст в день. Для нее это — *погоня* за подбитым, но не уничтоженным противником. Напротив, отставшим и пополнениям трудно противостоять искушениям идиллической обстановки. Погода роскошная, ночи теплые, поспела картошка, топлива вволю, у всех котелки. На остано-

как время летит незаметно. И выходит, что, если действующая армия проходит 25—30 верст в день, нагоняющие, при полной добросовестности, делают 20—25 верст.

За Ломжей, проезжая с членом Ревкома N армии, мы обогнали часть, которая этому товарищу показалась знакомой. Остановив машину, он убедился, что видел ее еще под Полоцком. Но тогда это пополнение отставало верст на сто, теперь оно отстало на верных полтораста верст.

Основная причина этого явления—порча всех путей сообщения, не только железнодорожных, но и шоссейных, на которых до Белостока сжигались не только мосты, но и мелкие мостики в 5—6 бревен шириной. Исправление ведется с лихорадочной энергией и поспешностью. В сущности, до Немана все восстановлено, к югу от Немана—тоже. Но возобновление движения задерживается из-за этой широкой и быстрой реки с высокими берегами.

У меня, как и у всех, кто здесь бывал в это время, тысячи раз вставал вопрос: не правильнее ли и не осторожнее ли будет временно приостановить наступление и преследование и, избрав стратегически наиболее выгодную линию, стать на ней и стоять до тех пор, пока не подойдут пополнения, пока по исправленным дорогам не подтянется тыл.

Я много раз ставил этот вопрос лицам командного состава и получал один и тот же ответ: наша остановка будет выигрышем и для противника. Он успеет собраться с духом, передохнуть, оправиться и не только набрать, но и организовать новые силы. И нелегко решить, кому больше на пользу пойдет остановка, хотя бы она была довольно кратковременной.

С другой стороны, настроение в Красной армии таково, что ее не без труда удалось бы остановить и основания остановки были бы для нее неясны и непонятны. Усталая и обносившаяся, она рвется вперед и вперед,—в старую Польшу, которая должна сделаться новой, Красною Польшей крестьян и рабочих.

Остается одно: направить величайшие усилия на быстрейшее восстановление дорог, на поспешное подтягивание отставших тылов, на доставку снарядов и патронов хотя бы посредством гужевой перевозки.

Постоянно приходится обгонять обозы со снарядами, патронами, полевым телеграфом, походными кухнями и т. д., догоняющие Красную армию. Порожные подводы, составив громадные вереницы, движутся в обратном направлении.

Но все обозы, какие я видел до Ломжи, показались ничтожными по сравнению с той сплошной вереницей подвод, которые, растянувшись местами на 10—15 верст, иногда в два ряда, подтягиваются к Остроленке. Приходится сильно замедлять движение машины, особенно когда здесь же врезаются обратные обозы порожних подвод.

В Литве и Белоруссии легионеры, отступая, угоняли лошадей у крестьян, паны и их управляющие уводили их из имений. Тем тяжелее ложится подводная повинность, да еще в разгар полевых работ, на местное население. Но оно видит, что Красная армия действует в строгих рамках военной необходимости. Всякие злоупотребления пресекаются в самом зародыше. Путем опросов я убедился, что в совершенно единичных, исключительных случаях лошади пропадают. И, насколько можно было установить, виновники таких случаев—не собственно Красная армия, а подозрительные одиночки, отбившиеся от нее и избегающие ее контроля.

В результате даже в Ломжинской губернии деревенское население отнеслось к Красной армии много лучше, чем мы ожидали, исходя из бесстыдной работы польских панов и ксендзов и из влиятельного положения кулацких элементов. Нигде не остается прямой враждебности. Все чаще начинает пробиваться сознание, что в действительности несет с собой Красная армия.

Отступающим белополякам до сих пор удавалось частью угонять, частью сжигать и взрывать подвижной железнодорожный состав. Приходится перешивать сравнительно узкую польскую (германскую) колею до размеров, приспособленных к нашим вагонам и паровозам. Железнодорожные рабочие поразительно быстро справляются с этой работой: все, — и рабочие белостокского узла, как я уже упоминал, почти сплошь поляки, — одушевлены страстным желанием, чтобы Красная армия скорее добила панскую Польшу.

Громадную работу выполняют особые организации, следующие за нашей наступающей армией.

Я удивляюсь, как это Каутскому до сих пор не подсунули нового великолепного козыря против большевистского варварства. Он мог бы порассказать, что в ближнем тылу за Красной армией следуют гаремы, которые с величайшим цинизмом прямо называются таким именем, но, в отличие от восточных гаремов, составляющих монополию какого-нибудь султана или пашы, обслуживают армию в целом. Он мог бы порассказать, что каждый такой гарем представляет большой поезд с многочисленными вагонами, в которых набито несколько сотен несчастных. Он мог бы повздыхать об их горькой участи и призвать весь мир к единению против большевистских злодейств.

В действительности работа „горемов“, по крайней мере некоторых, — одна из блестящих сторон в жизни нашей Красной армии. „Горемы“ не имеют ничего общего с гаремами. „Горем“, это — „головной ремонтный отряд“. Поезд „горема“ следует за неустанно наступающей армией и спешит восстановить движение по железным дорогам, разрушенным отступающим неприятелем. Я уже говорил, что в этой области делаются положительно чудеса. Там, где инженеры считали возможным наладить движение в несколько недель, выдающийся по работоспособности „горем“ справлялся в несколько дней...

В Ломже мы останавливались два раза: в первый раз на пути в Остроленку, во второй — на обратном пути, и каждый раз на короткое время.

Минск, Вильно, Гродно, Белосток произвели на меня определенное впечатление: это не только Белоруссия, Литва, Польша, — это больше всего еврейские города. В усиленной степени я сказал бы то же самое и о Ломже (а также об Остроленке). Русский язык понимает почти все население. Правда, дети, выраставшие во времена германской, а затем польской оккупации, охотнее и лучше пользуются еврейским жаргоном и польским языком. Но все же, проходя по улицам названных городов, наиболее часто слышишь русскую речь (в Ломже — жаргон), затем еврейскую, потом польскую, — и уже совсем редко литовскую. Белорусский язык ближе к нашему языку, чем украинский.

Еврейский вопрос встанет перед пролетарским правительством Польши, а также Литвы и Белоруссии не как национальный, а как тяжелый экономический вопрос.

Не подлежит сомнению, что некоторая часть польских рабочих не вполне свободна от антисемитских настроений. Один из их вероятных источников — „голодная конкуренция“ еврейских рабочих. Поль-

ский рабочий относится к ним так же, как американский — к китайским кули. Скученный в своих местечках, забитый, задавленный, всеми гонимый, под постоянным страхом погромов, еврей сократил свои жизненные потребности до последних пределов возможного. Головка луку или чесноку да кусок хлеба — таково его нормальное питание. Нервный, истеричный, подгоняемый голодом, он поневоле подвижен, — и не мудрено, что польскому рабочему кажется, что голодный конкурент повсюду опережает его. Без голодной суетливости и предприимчивости и без голодной стадности он не мог бы существовать в таких условиях.

В Белостоке мы с самого начала встретились с чем-то напоминающим антисемитские настроения. Во времена германской оккупации еврей работали на железных дорогах. Теперь польские железнодорожные рабочие белостокского узла отказывают им в приеме. Мотивировка показалась нам запутанной и вовсе неубедительной.

Тов. Мархлевский нашел удачный практический выход. Все согласны, что основная задача в настоящее время — как можно быстрее восстановить железнодорожное движение. Пусть же еврей, бывшие железнодорожные рабочие, являются на работы и вместе с польскими рабочими приступают к перешивке колеи, исправлению насыпей, мостов и т. д.: в такое время их не прогонят.

Совет оказался удачным. Отношения на железных дорогах налаживаются, еврей и поляки срабатываются.

Вообще удивительно действует Советская власть одним своим появлением, одним фактом своего возникновения. Национальные вопросы, которые еще недавно вызывали такую страстную борьбу и казались проклятыми, неразрешимыми, вдруг утрачивают свою остроту и становятся такими маленькими-маленькими по сравнению с грандиозным, захватывающим дух социалистическим переустройством всех общественных отношений. Коммунизм разом расторгает все традиционные связи, при которых люди соединялись с одними, враждовали с другими, захватывает их, как ураган, по-новому перемещивает и сплавливает, по-новому сталкивает. Все старое разрывается, рушится, — но вместе с тем рождается, завязывается новое.

Какая-нибудь неделя прошла с тех пор, как Временный Революционный Комитет Польши начал действовать в Белостоке. С ним прибыло пока только 4—5 товарищей. Остальные задержались в Вильно, Минске, едут из Москвы и Петербурга. Все еще нет достаточных сил развернуть широкую работу и вовлечь в нее массы. Тем не менее национальная склока быстро идет на убыль и ее отголоски уже производят впечатление полной никчемности.

При советском строе многие вопросы, из-за которых еще недавно велась жестокая борьба и нередко лилась кровь, становятся какими-то старомодными, ветхими, дохленькими. В первые же дни по прибытии членов Польского Ревкома в Белосток один из местных товарищей поставил ряд вопросов, которые должны были выяснить курс нового правительства. Он спросил между прочим: „какой язык будет признан государственным языком“. Надо было видеть полное равнодушие и даже лень, с какою член Временного Правительства Польши выяснил, что языком официальных сношений будет польский, но что учреждения должны будут отвечать на том языке, на котором отдельные лица обращаются к ним с запросом. Все это было так сказано, что сразу почувствовалось, что в вопросах местного товарища выглянула из могилы старая, стмирающая история, — но что ответами она опять уложена в гроб.

Все это так,—но все это нисколько не решает *экономических* вопросов, связанных с бытом еврейства. Мелкое ремесло, мелкая торговля, мелкая спекуляция с парой старых штанов и с парой заплятанных пиджаков, луковица и кусок хлеба на обед, луковица и кусок хлеба на ужин, отвратительная конура, переполненная взрослыми и ребятишками, грязные отрепья вместо одежды, зеленые чахлые дети, тщедушные, нервные юноши, впалая грудь, руки и ноги без мускулатуры, в 35 лет полное истощение, инвалидность, непригодность к сколько-нибудь тяжелому физическому труду: вот такая несчастная раса создана вековыми гонениями, и вот в какой обстановке протекает ее жизнь. Что предстоит ей при советском строе? В чем средства ее подъема? Чем вообще она будет существовать?

Вопросы тяжелые, и Красной Польше долго придется работать над их решением.

Приход Советской армии везде приветствуют с восторгом: торжественные встречи, цветы, слезы радости. И восторженнее всех встречают ее евреи: они знают, что там, где Красная армия, погромов не будет, и погромные попытки будут подавлены с беспощадной суровостью. Из-за личной безопасности, из-за освобождения из-под неотступно гнетущего страха погромов даже еврейская буржуазия воображает, что отныне она—непоколебимая сторонница Советской власти. При этом характерная черточка: и еврейская буржуазия, и широкие еврейские массы предпочли бы русскую Советскую власть польской Советской власти. Они еще не научились отделять польских коммунистов от старой Польши, не знают их, не видали их в деятельности, между тем как Советскую Россию давно сумели оценить со стороны ее борьбы с погромами. Вообще можно ожидать, что среди здешнего еврейства еще долго сохранится тяга к России. Паны не вышибут ее своими погромами.

Но эти настроения взбудораженности, вызванной резким переходом от погромной власти панов к безнациональному, классовому режиму пролетариата, побледнеют, улягутся, отлетят. К тому же Советская власть начнет действовать и создавать новые экономические отношения.

Фабрики, заводы Белостока, имеющие сколько-нибудь серьезное экономическое значение, на днях будут национализированы и 10 августа пойдут в ход, уже как *национализированные* предприятия. Товары во всех крупных, да отчасти и в средних магазинах, с первых же дней пребывания здесь Красной армии берутся на учет, и вольная торговля ими становится невозможной. Это чувствительно затрагивает еврейскую буржуазию, и хотя она еще говорит о своей преданности советскому строю, в ее уверениях уже звучат слезы невысказанной обиды.

Но это—только начало. Общее экономическое и продовольственное положение заставит все быстрее и все глубже вторгаться в хозяйственную жизнь и в одной сфере за другую переходить к государственным монополиям. Средняя, а затем и мелкая торговля не найдут товаров для своих операций, будут уничтожены созданием государственных распределительных аппаратов. По отношению ко многим отраслям ремесла встанет вопрос: следует ли предоставлять ему сырые материалы, — или надо предпочесть, лучше оборудованные, более рационально поставленные производства. В общей организации нового, социалистического хозяйства останутся только поры, более мелкие, чем оставлял капитал для мелкой торговли и ремесла, и притом быстро суживающиеся и сокращающиеся: с каждым месяцем, с каждой

неделей. Нет сомнений, что мешечничество, мелкая и крупная спекуляция, центральные и захолустные „Сухаревки“ развернутся здесь шире, чем в России. Но это—только на время. И это не даст выхода для широких еврейских масс, которые до сих пор ухитрялись добывать для себя луковицу и кусок хлеба.

Некоторые линии советской политики в еврейском вопросе ясны и бесспорны. Первым делом коммунисты внесут в среду еврейства острую классовую борьбу, без которой нет политического сознания, нет никакого движения. В общем, еврейская буржуазия сравнительно меньше страдала от национальных гонений. Она умела недурно устраиваться. Даже польские погромы коснулись ее только частично и разорили не в такой степени, как еврейскую бедноту: ее капиталы только в редких случаях и в малой мере были затронуты погромами, между тем как у бедноты буквально все уничтожено.

Однако будто бы бесклассовый, будто бы чисто и сплошь национальный характер антисемитизма дает еврейской буржуазии возможность держать в узде еврейские массы. Эксплуатируемые спланиваются с эксплуататорами будто бы общими и одинаковыми национальными интересами, перед которыми ступеньваются классовые интересы. Общность угнетенного положения гонимой национальности заставляет эксплуатируемый класс еврейства забывать о своей особенной угнетенности.

Я несколько не удивляюсь, что бундисты, позвидимому, еще более размазни, чем даже наши эс-эры и меньшевики. И не удивляюсь, что соглашательство составляет их истинную натуру. Они политически все еще не освободились от гегемонии буржуазии, а еврейская буржуазия в свою очередь умела соглашательски приспособляться ко всяким режимам, от царского, через германский, до панского. И я начинаю понимать, почему польские товарищи с некоторым недоверием относятся даже к той части Бунда, которая объявляет себя коммунистической.

Буржуазия вообще, и еврейская в частности, во всех обширных областях, которые я объехал, живет очень недурно. Между прочим квартиры у нее такие, о каких никто и не мечтает в Москве или Петербурге. Широкий простор, море света, ковры, роскошная мебель, большущие сады с фруктовыми деревьями и цветниками, обширные огороды. А рабочая, ремесленная и торговая беднота ютится в зонючих закоулках, в подвалах, в знойных летом, ледяных зимою чердачных помещениях, какие я видел в Ломже и Белостоке,—умирает сама и убивает детей.

Квартирный вопрос, это—один из первых вопросов, которые должна будет поставить здесь Советская власть. Перераспределение квартир по трудовому принципу, по общественно-гигиеническим принципам. Посмотрим тогда, много ли останется от гражданского мира, от национального единения, которого не разбил, которому фактически подчинялся Бунд. Национальная самооборона и здесь сменится гражданской войной, обостряемой нервозностью, истеричностью, унаследованной от подлой, мучительной старой истории. Тогда массы начнут понимать, что такое коммунист, тогда мы получим выдержаннейших и преданнейших коммунистов.

Как только позволит продовольственное положение, надо широко поставить вопрос бесплатного детского питания, дошкольного и школьного. Немедленно надо начать работу среди молодежи и среди женщин, совершенно поработанных семей и прокопченными, просаленными домашним очагом. Через детей агитация делом; творческой работой,

а вместе с тем и развитием сознания и самосознания, легко сумеет добраться до еврейской женщины.

Но все это еще мало касается общих экономических условий, в которых до сих пор жила еврейская масса, и которые, несомненно, будут расшатаны и разрушены советским строительством. Что здесь предпринять?

Напрасно думают, что быть заморышем, худосочным, слабосильным, к 35 годам превращаться в инвалида—расовые свойства евреев. Я видал в Сибири евреев, которые в детском возрасте последовали за уголовными ссыльными отцами, сумели удержаться при них и добились того, что им позволили заниматься земледелием. Удивительные богатыри получились из этих евреев! Они выделялись даже среди крупного и красивого сибирского населения („челдонов“). До 70 лет они еще оставались чудо-работниками.

То же наблюдается и в тех местах Херсонской и Екатеринославской губерний, где евреи каким-то чудом сумели добраться до земледельческого труда. Вспоминаю я также бундистов-кожевников из Сморгони, которых лет 20 тому назад встретил в Бутырской тюрьме, перед отправкой в Сибирь. По сложению, по мускулатуре это были лошади, дьяволы,—люди совсем другой расы, чем те хлопотливые, тощие, жалкие бородатые фигуры с провалившейся грудью, в нелепых кафтанах („лапсердаках“), в еще более нелепых картузах, которыми кишат здесь площади, улицы, переулки и закоулки.

Богатея, превращаясь в буржуа, русский хозяйственный мужичок и еврейский мещанин наживает большое брюхо и весь заплывает дряблым жиром. Делаясь работником и получая сносное питание, человек приобретает хорошую мускулатуру и хорошее сложение.

И вспоминаю я изможденных, испитых белостокских рабочих, еврейских и польских. Одинаковый рост, одинаковая худоба,—только после внимательного осмотра решишь, где еврей, где поляк. Одинаково высасывал их капитал, и ни во внешнем виде, ни в работе нет между ними разницы.

Выходит, что нет особого еврейского экономического вопроса. Уничтожение старых источников существования должно сопровождаться созданием новых. Надо создать работы, и надо обеспечить за работу достаточное питание. Надо широко и стройно организовать на новых началах все производственные и распределительные отношения. Может быть, инвалидам и тем, кто слишком глубоко сжился с отмирающими условиями, уже не поможешь. Их придется лечить, им придется помогать другими способами, им надо дать отдых. Но молодежь во всяком случае может и должна ступить на новый путь.

Сложные, трудные задачи, но во всяком случае не неразрешимые.

VI. ОТ ЛОМЖИ ДО ОСТРОЛЕНКИ.

Из Белостока в Ломжу мы приехали к ночи и, остановившись на какой-нибудь час, двинулись дальше, на Остроленку. Там мы рассчитывали встретиться с тов. Гаем и начальниками нескольких дивизий, еще раньше извещенными о прибытии тов. И. Т. Смилги, члена Реввоенсовета Западного фронта. В Остроленку же приехали, как нам сообщали, представители германских „Спартакцев“ с какими-то предложениями.

На газет, оставляемых отступающими белополяками, мы узнаем о настроениях, господствующих в польском правительстве. Последние газеты, доходящие до 30 июля, совершенно ясно показывают, что капиталистическая Польша на что-то надеется, — конечно, на Антанту, — что мира она не хочет, что переговоры о перемирии, и самое перемирие должны дать ей просто выигрыш времени.

И „мирная“ польская делегация, прибывшая в первых числах августа, в сущности не давала себе труда скрывать, что она приехала именно за отсрочкой, за перемирием, а не за миром: ее полномочия исчерпывались заключением перемирия, она не была уполномочена вести переговоры о мире.

Да и те условия перемирия, которые она должна была нам предложить, и о которых неосторожно разболтал Дашинский, явным образом били на то, чтобы мы их отвергли, и чтобы Польша еще раз могла разыграть перед Антантой комедию миролюбия, разбившегося об „империалистские стремления“ большевиков.

На что в самом деле они надеются? И для чего так лезают?

Они совершенно не понимают мира, который их окружает. Правительства Антанты, сила вчерашнего дня, которая еще старается корчить из себя сегодняшнюю власть, не нуждается в мирных демонстрациях со стороны Польши: эти правительства с самого начала подкрепили ее миролюбие орудиями, снарядами, танками, предметами снабжения. А рабочий класс, который в настоящее время все еще думает, что он так же бессилен, как вчера, но завтра поймет, что он способен сделаться новою властью, и сделается этой властью, — рабочий класс Запада все отчетливее разбирается в разворачивающейся борьбе и все решительнее становится на сторону Советской Республики...

Трудно пробираться ночью среди бесконечных обозов. Удивительно, что за всю дорогу туда и обратно мы ни разу не наскочили ни на лошадь, ни на повозку. До Остроленки добрались среди ночной темноты, часа в три по советскому времени. Застали лишь немногих из командного состава дивизий. Хотя в некоторых пунктах фронт подходит к Остроленке на какие-нибудь 12 верст, и хотя наши войска продвигаются, лишь преодолевая упорное, местами ожесточенное сопротивление, тем не менее Красная армия разбросалась на большое пространство, а Гай со своей конницей по обыкновению забирает вперед и вперед. Только немногих из командного состава удалось известить во-время.

Нелегко дается это стремительное наступление, одно из редкостных во всемирной истории войн. Конница утомилась, всадники засыпают, сидя в седле. Часто ведут лошадей на поводу и садятся в седло только перед атакой. Но при всем том не хотят выпустить поляков из-под удара, не хотят задержаться, рвутся все вперед и вперед. Такое же удивительное настроение и в пехоте.

Обносились свыше всякой меры; многие совершают переходы босиком, чтобы сохранить обувь, у других уже нечего сохранять. Нет другой армии в мире, которая могла бы совершать поход в подобных условиях! Она идет *сама*, она *сама* не хочет остановиться. Нет другой такой армии в мире, потому что это Красная армия, армия сознательных, свободных людей, защищающих собственную Республику Труда и идущих на освобождение польских крестьян и рабочих.

Дня на три-четыре завернули дожди, настали прохладные ночи. Все приуныли: преследование делается труднее, польская армия выйдет из-под удара. Но дожди скоро прошли. Погода в общем на

редкость благоприятная. После дождей знойные дни сменились умеренными.

Удивительная эта война! Если бы паны нас побили, они проглотили бы Белоруссию, Литву, правобережную Украину, выдвинулись бы на левый берег Днепра. И, чем больше они били бы Красную армию, тем необузданнее разыгрывались бы их аппетиты. А за победоносными панами пришел бы мировой капитал и под тем или иным соусом („сфера влияния“, „временная“ оккупация, „мандат на управление“ и т. д.) поглотил бы Россию, превратив ее в колонию, — или в ряд колоний, из-за которых началась бы грызня между державами, повелителями Польши.

Мы уже больше месяца сильно бьем панов, — бьем так, что дальше, казалось бы, некуда. Мы очищаем от них область за областью, город за городом. Но как бы Красная армия ни била их, это не оказывает влияния на будущую разграничительную черту между Польшей и Россией. Нашими победами она не передвигается к западу: хотя бы Красная армия распространилась по всей Польше, граница, как была у нас намечена, так и останется *восточнее* той линии, которой Антанта хотела осчастливить панскую Польшу.

Этого никогда не поймут панские враги. Или, вернее, им всегда придется притворяться, будто они этого не понимают. Но для Рабоче-Крестьянской армии это совершенно естественно и понятно. С красными знаменами, с звуками „Интернационала“ идет она в панскую Польшу, — и радостная, с сознанием выполненной задачи, оставит Красную Польшу, провожаемая с красными знаменами и пением „Интернационала“. Таковы для нас конечные цели этой войны, если нас заставят вести ее дальше. И эти цели будут тогда поставлены и достигнуты уже не столько нами, сколько польским пролетариатом...

Сидели в „Гостинице Бристоль“, которая, пожалуй, в свое время была трактиром средней руки. Теперь в ней нет никакой обстановки, указывающей на ее бывшее предназначение.

Сейчас в ней нашел временное помещение полевой штаб X армии. Идут непрерывные разговоры, постоянно входят новые лица. Обмениваются сообщениями. В Варшаве возник Совет Солдатских Депутатов и издал превосходный энергичный протест против войны с Советской Россией... Еще решительнее воззвание Центрального Комитета Польской Коммунистической Рабочей Партии. Кое-кто проскакивает из Варшавы. Там царит белый террор. Коммунистов и подозреваемых в сочувствии к ним хватают сотнями. Это — симптомы.

Снова и снова ставили вопросы, каким образом польское правительство так налегке пошло в эту кровавую авантюру. Объяснение только одно. Оно видело, что на польском фронте у нас в сущности нет армии, — есть только маленькие отряды. В последние зимние месяцы оно произвело переброску сюда значительных сил. Что мы окажемся в состоянии ответить переброской, об этом у него мысли не было: наш транспорт умирал, последние дымки, казалось, вылетали из паровозов.

Изумительное напряжение сил, сделанное под руководством Коммунистической Партии на трудовом фронте и в особенности в сфере транспорта, повело к изменению всей обстановки. На польский фронт были переброшены силы, которые сначала задержали польские легионы, а затем по всей линии перешли в решительное наступление.

Оно было полной неожиданностью для Пилсудского. Легкий грабительский поход превращался в серьезную войну, несущую смертельную опасность старой Польше. Польское командование, как и вся армия, растерялись.

Недели три продолжалось такое положение. Только когда полякам удалось выбросить на боевую линию новые массы, — и очень крупные массы, — начинаются упорные сражения. А до того времени все усилия клонились к одному: вывести польскую армию из-под удара и спасти сосредоточенные на севере склады и боевые припасы...

Сидим за чаем, обмениваемся новостями и впечатлениями. Попросили тов. Мархлевского рассказать о втором конгрессе Третьего Интернационала, о первых днях его работ, которые захватил тов. Мархлевский, о борьбе направлений. Слушают с напряженным вниманием, закидывают вопросами. Жалуются, что ничего сюда не доходит: ни газет, ни листов, ни брошюр.

Один из присутствующих говорил мне, что эти сообщения создали праздничное настроение в штабе. Так велика их оторванность и так громадна потребность знать о том, что делается в мире.

А я опять думал: удивительную культурную, социалистическую силу удалось создать Советской России из Красной армии! И замечательно верным путем идет она к разрешению вопроса о командном составе!

Большинство тех военных специалистов, которых я встречал на западном фронте, уже давно бьется в рядах Красной армии. Многие из них бывали на чехо-словацком, колчаковском, денкинском, оренбургском и туркестанском, на кавказском фронте, некоторые побывали на всех этих фронтах.

Все они утомились, устали, исхудали, обтрепались, — но никто не думает об отдыхе.

Я не знаю, проникает ли коммунистический дух армию сверху до низу или снизу доверху. Во всяком случае влияние коммунизма чувствуется в ней на каждом шагу. Любопытно, как сами красноармейцы разбирают разные случаи походной жизни, напр., судят товарищей за мелкое мародерство. Это — не казарменные солдаты, это — не обыватели: это именно красноармейцы, которые чувствуют, за что борется Красная армия, и почему противники со всех сторон хотят задвинуть и растерзать Советскую Россию.

Конечно, многое еще только в зародыше, много, очень много, противоположных явлений, много отрывков старой истории. При желании об этом можно было бы написать целую книгу. Но ведь важно не столько то, что нами унаследовано от прошлого, сколько то, куда идет Красная армия, в каком направлении она развивается. Много, бесконечно много работы еще предстоит нам повсюду, в том числе и в Красной армии: мы ведь вообще еще в самом начале того пути, который предстоит нам пройти в деле социалистического строительства. Но и то малое, ничтожное, что уже сделано, позволяет сказать: мир еще не видал такой армии, как Красная армия...

Часов в шесть утра мы прилегли на пару часов в той же комнате, где сидели за чаем. Утром мы поняли, почему „Гостиница Бристоль“ оказалась наилучшим зданием в Остроленке, единственно пригодным для полевого штаба. Остроленка некогда значилась в календарях среди более или менее значительных населенных мест в России: в ней значилось одиннадцать тысяч жителей! Теперь ее было бы правильно вычеркнуть из числа таких мест. Она, как и целый ряд городов и местечек вдоль границы Восточной Пруссии, напр., Црасныц, жестоко пострадала от империалистской войны. Многие из этих пунктов по 10—15 раз переходили из рук в руки и подвергались жестокой бомбардировке. От одноэтажных и двухэтажных каменных зданий Остроленки остались одни стены с зияющими окнами и провалами вместо полов и потолков. Да и от стен во многих

случаях сохранились одни развалины. Каким-то чудом уцелела в стороне от разрушенных каменных зданий горсточка деревянных избушек и домов, — „Бристоль“ в том числе, — явным образом построенных еще до войны. Несомненно, деревянных зданий было много больше. Но от них, как в Сморгони, нет никакого следа: даже кучки щебня, даже бугорка или ямки.

Сморгонь — совершенно вымерший, покинутый муравейник. В Остроленке вяло ползают все те же чахлые люди с впалой грудью, большой бородой, в курьезных кафтанах и смешных крохотных картузах. Некоторая часть каменных стен приспособлена для жилья: сделаны полы, вставлены рамы. Но это как-то лишь еще больше подчеркивает запустелость местечка.

А хороша эта панская Польша: еще не приступив к лечению ран от империалистской войны, театром которой она сделалась, она уже целиком по своей собственной воле поддалась провокации Антанты и бросилась в завоевательную войну.

Нигде еще не встречал я такого большого количества заброшенных, давно не обрабатываемых полей, как в направлении к Ломже и Остроленке. Население частью уничтожено, частью разбежалось. У оставшихся мало скота, нет орудий. А ведь скоро будет два года, как закончилась германская оккупация. И всякий, кто знает, как быстро оправляется земледелие при той преобладающей роли, какую играет в нем переменный капитал, живая сила работника, легко представит себе, что могло бы сделать польское правительство, если бы оно не было правительством мороченья масс, кровавых преступлений и авантур...

Германских „спартаковцев“ мы не застали в Остроленке. Они проехали на Ломжу и разминовались с нами. В Ломже мы встретились. Представителями „спартаковцев“ приехали два молодых человека, которые во многих отношениях напомнили нам, чем были мы сами в далекие-далекие времена, пожалуй, еще до революции 1905 г. Оба интеллигенты. Из их рассказов, тщательно и трезво взвешенных нами, видно, что приближение Красной армии взбудоражило революционную Германию и прежде всего — рабочий класс. Большую глупость сделала Антанта, толкнув Польшу в войну, которая так приблизила нас к Западу!

Как и подобает людям, которые не прошли тяжелой школы конспиративного воспитания, многие „спартаковцы“ уже выслежены шейдемановской полицией, им угрожает арест, как и прибывшим к нам двум товарищам. Как и подобает очень хорошим, очень революционно настроенным людям, они переоценивают шансы революционного взрыва, а многое недооценивают или попросту игнорируют.

Любопытна была эта встреча: сошлась как будто наша собственная юность с нашим теперешним зрелым опытом, — с привычкой все хладнокровно и внимательно взвешивать, окидывать широкие перспективы, оценивать разнообразнейшие обстоятельства.

Но как ни осторожны мы были, все же единодушно пришли к убеждению: кипит и бродит Германия! Пусть были задавлены разрозненные взрывы: никакие Шейдеман и Носке, никакие Ллойд-Джорджи и Клемансо не спасут ее от великого взрыва, который превратит ее в Германию Советов, в Красную Германию. И соприкосновение Красной армии с германскими границами только ускорит этот взрыв.

К нам приехали члены Германской Коммунистической Партии, а не Германской Коммунистической Рабочей Партии, — группы с синдикалистским уклоном („с детской болезнью левизны“, употребляя

выражение тов. Ленина). По их словам, которые подтверждаются и другими сообщениями, Коммунистическая Партия быстро растет, между тем как Рабочая Коммунистическая Партия падает. Успешно развивается и левое крыло независимых, к которому наши посетители относятся очень положительно.

Великий сдвиг в Европе и во всем мире вызвала Советская Республика своим существованием и своими победами не только над польской Польшей, но и над Антантой, предметом страстной ненависти миллионов и сотен миллионов угнетенных. Мы превратились в „великую державу“, — в „мировую державу“ не только пролетариата, но и всех угнетенных всего мира. Слепые, осужденные на гибель, ориентируются на Антанту. Дальнозоркие, смелые, все, кто чувствует, что за „сегодня“ последует „завтра“, начинают ориентироваться на нас.

А хорошо, что мы пробились до Запада. И неожиданные же гости наносят нам визиты...

Но именно потому, что это хорошо для Советской России и для всех угнетенных мировым капиталом, мировой капитал этого так не оставит и не может оставить. Он еще постарается отбросить нас, — он хотел бы нас раздавить.

Не может быть, чтобы он примирился с теперешним положением, созданным неожиданными для него победами Красной армии.

VII. ОТ БЕЛОСТОКА ДО ВЫШКОВА.

Удивительные шоссейные дороги в Польше! Такие же, как по которым я ехал от Вильно в Гродно и от Гродно в Белосток. Прямые, как стрела, с глубокими выемками, с высокими насыпями и ровные, укатанные, сколоченные, как асфальт. Верно, их давно не чинили: не до того было. Но и теперь выбоин мало и, хотя автомобиль по временам развивает быстроту более 60 верст в час, нигде не подбрасывает. Только около мостов машина замедляет свой ход. В единичных случаях отступающие legionеры сжигали мосты; в одном случае каким-то образом уцелела только одна сторона моста. Мосты тоже давно не поправляли, и потому на них приходится быть осторожнее.

По обеим сторонам дороги прямыми рядами идут колоссальных размеров деревья, иногда в полтора—два обхвата: ветлы, особый вид тополя, березы. Часто попадаются большие дикие грушевые деревья, усеянные многочисленными плодами. Много груш-дичков стоит среди полей. Сырые они не съедобны, но, говорят, если сварить, есть можно. Будет время, когда эти дички заменятся привитыми деревьями, и когда проезжающие не станут расхищать незрелых плодов.

В одном месте между Замбровом и Островом шоссе прорезает сосновый лес, который с небольшими перерывами тянется, думаю, верст на пятнадцать, если не больше. Деревья не из крупных, главным образом сосны. В свое время немцы и тут поспешили попользоваться, главным образом для гонки скипидара. Об этом еще теперь напоминают кое-где сохранившиеся подъездные узколейки, убегающие в глубину леса. Они зарастают травой и разрушаются. Германский империализм хозяйничал в этих местах давно, в первые годы войны.

Громадное напряжение сил развернул германский империализм в Польше, Литве и Белорусии, — колоссальные производительные ресурсы бросил сюда, много взял из этих краев и рабочей силы, и лесных богатств. Извлек, увез, — и ничего-то от этого не осталось, кроме колоссальных окопов и бетонно-стальных блиндажей на востоке и западе, кроме разоренной Германии и обнищавшего человечества, да кроме буржуазии, верхушки которой сделали колоссальные накопления, а теперь в смертельном страхе дрожат за награбленное.

Новая классовая война быстрее и легче пронесется по земной поверхности. От истощенного войной человечества она требует жертв, которые ничтожны по сравнению с жертвами империалистской войны, но бесконечно тяжелы при великой разрухе, к которой издыхающий капитализм привел человечество. Но зато каким юным, обновленным, полным молодых творческих сил и надежд выйдет мир из этой войны!

Попадаются толпы пленных легионеров. А действительно, хорошо одела их Антанта. Идут молодые люди в безукоризненных френчах, — часто в таких щегольских, что совестно было бы показаться в таком в Советской России, в театре и в особенности на митинге. Свежие, чистенькие. Сразу видно, что этих молодцов обмундировали недавно, и они начали свой поход с плена. На большинстве исправные сапоги и башмаки с хорошими обмотками. Обувь преимущественно американская, изредка австрийская.

Немного в пиджаках, потрепанных брюках. Не думайте, что непременно произошло „перераспределение“ обмундировки. Обычная история такова: пленные вступают в местечках в „товарообмен“ и, сняв непривычную для них щегольскую одежду, получают поношенный пиджачишко и известную сумму денег в придачу.

Конечно, бывают случаи, что красноармейцы не могут противостоять искушению и сами совершают некоторое „переодевание“. Но это делается главным образом в боевой обстановке, тотчас по захвате пленных, да и там в немногочисленных случаях. Красноармейское командование ведет борьбу с подобным принуждением к „одностороннему обмену“.

Я жалею, что я не художник, и что на фронте, кажется, вообще нет художников. Болтаются несколько фотографов, которые замечают далеко не все, что следовало бы фотографировать.

Получилась бы удивительная историческая картина, которая, как вспышка молнии, в отчетливых очертаниях показала бы, в чем величие и сила нашей эпохи.

У края дороги остановилась на отдых группа пленных легионеров в своих щеголеватых френчах и свеженьких четырехугольных фуражках, в крепкой обуви с новенькими обмотками. Кое-где дымятся костры. Чистят картошку. Долго вглядываешься, пока не заметишь пару-другую конвойных. Они сидят в сторонке или заболтались в толпе. Их открываешь только по винтовкам, которые иногда без всяких опасений откладываются в сторону. Всматриваешься. Бледные исхудалые лица с выступающими от худобы скуловыми костями, провалившиеся глаза. Они резко выделяются среди свежих пленных, которые из дома попали. действительно, почти разом плен. Конвоиры проделали великий поход: они шли от Полоцка, от Минска. На ногах разлезшиеся обутки, часто никакой обуви. Трепаная гимнастерка, положительно неприличные брюки и вконец замызганная и выцветшая фуражка.

Яркое солнце, нежный, ласкающий южный воздух, в котором уже чувствуется предвестие осени.

Есть что-то символическое в таких толпах нарядных пленных с их босыми и обдерганными конвоирами. Мировой капитал, в мучительном порывании отвертеться от смертного часа, снарядил их. Босая Рабоче-Крестьянская Россия забрала их в плен, — и они остались нарядными, чистенькими, а она пока остается раздетой и босой. Не для этого ведем мы борьбу! Мы свой, мы новый мир построим! Не с вами мы воюем, а с теми, кто прельстил ваши власти и этим обмундированием, и тем снаряжением. Мы воюем с ними и с этими властями, которые превратили вас в пушечное мясо для собственников, еще владеющих почти всем миром!

Мирно разговаривают, мирно сидят и лежат, мирно бредут по бесконечным шоссе, залитым ярким солнцем, конвоиры и пленные.

Усталая, голодная, полуголая Рабоче-Крестьянская Россия бьет новую карту мирового капитала, наносит ему новый удар. Много ли карт еще остается у него?

Но в этих картинах франтоватых пленных и босых конвоиров есть что-то такое, что непосредственно не укладывается в голову, чем не сразу овладевает логика, в особенности логика людей, поставленных в обстановку войны и хорошо знакомых с действиями империалистских армий. Да возьмите хотя бы ту же панскую армию. Она действует совсем по-другому. Об этом рассказывают не только наши товарищи и красноармейцы, вырвавшиеся оттуда, — об этом прямо вопиют оставленные ею развалины и ограбленное ею мирное население.

Один из членов Польского Ревкома, с которыми я еду, все время изумленно и недоумевающе говорит о том, что мы видим. Он тесно спаян с Россией, он хорошо знает теперешнего красноармейца, — но то, что он видит, слишком уже расходится с непосредственными чувствами, с непосредственными побуждениями и с суровой логикой войны. Он даже как будто растерян, не может охватить того, что так обычно и, несмотря на обычность, так красиво, что так непонятно, но и так просто, естественно в классовой войне. Я слушаю его недоумевающие рассуждения и невольно ухмыляюсь их непосредственности..

И много же пленных берет Красная армия. Краткие оперативные сводки, печатающиеся в газетах, не дают об этом достаточного представления. Больше того: и на фронте мало интересуются подсчетом этих „трофеев“. Я убедился в этом случайно. Присутствуя в штабе 11 армии на оперативном докладе, я спросил: что же, легионеры, должно быть, не сдаются в плен? Начальники нескольких дивизий указали, что, напротив, такая-то небольшая красноармейская часть взяла полтысячи пленных, такая-то — несколько сот, а такая-то целый полк, превосходявший ее численностью. И я увидел часть этих пленных, когда их отводили из ближайшего тыла.

В подробной оперативной сводке по фронту тоже не упоминалось о пленных, не вошли они и в краткую оперативную сводку. Это дело превратилось в какое-то простое, будничное. Им мало интересуются. Есть красноармейские части, которые за время похода от Полоцка захватили в плен раз в пять, в десять больше своего собственного состава. Напротив, легионерам удается брать в плен только в самых исключительных, совершенно единичных случаях, — когда отдельные лица, выполняя ответственное поручение, должны слишком далеко выдвигаться вперед. Настроение в Красной армии таково, что она может брать, но не может давать пленных. Чем могла бы привлечь их Польша эксплуататоров и торговцев крестьянами и рабочими?..

Автомобиль мчится по прекрасным шоссе. В голове все время стоит мысль: „война раньше достигла выработанности, чем мир“. В России, в особенности в центральной, я не видал таких прекрасных шоссе, хотя некоторые из них еще недавно имели первостепенное торговое значение. Здешние шоссе строил российский империализм в добавление к стратегическим железнодорожным линиям. Их предназначение—чисто стратегическое. Они должны были служить разворачиванию армий и обслуживанию крепостей. Еще старинный русский „империализм“ наполовину феодального, наполовину торгово-капиталистического характера, приложил и свою руку к этому делу. В некоторых местах сохранились остатки дорог, построенных в екатерининское время, другие от той же эпохи использованы при сооружении новейших шоссе.

И то надо сказать: в этой стране легко строить шоссированные дороги. Повсюду песок и почти повсюду гранитные камни. Песок, перемешанный с камнями, образует большие холмы. Камни от морен ледниковой эпохи с переносными песками от морских дюн.

Поля убирают. Ржи не осталось, белеют редкие полосы овса, снопики льна сложены в кучки, остается картофель и гречиха,—овса и гречихи здесь много меньше, чем в Литве,—картошка еще долго будет расти.

В одном месте по обе стороны шоссе на большом протяжении, верст на пять в длину, большее количество коробок из-под консервов. Полосы земли за шоссе буквально усеяны коробками и жестянками от коробок. В особенности многочисленны они на местах остановок, между кучками угля и золы от костров. Очевидно, по этим путям подтягивались к Варшаве главные армии, разбитые на севере и востоке.

Видно, легионеры делали отчаянные попытки остановить свои ноги. Чаше, чем на прежних дорогах, встречаются лунки, и эти лунки становятся все солиднее, превращаясь местами почти в сплошные окопы. Да вот и свежие окопы, не такие массивные, как те, что сохранились и еще долго будут сохраняться от империалистской войны, но все же достаточно серьезные, способные дать защиту не только от ручейного огня, но и от огня легкой артиллерии. Наступающая Красная армия тоже была вынуждена останавливаться, выдвигать длинные цепи стрелков, которые торопливо выкапывали защитные лунки. В лесистой и изрезанной холмами местности приходилось двигаться с большой осторожностью. Чем дальше на запад, чем ближе к Вышкову, тем чаще такие остановки, тем труднее приходилось преодолевать их. Сжатая панская Польша назначала мобилизации за мобилизациями, новые формирования шли навстречу к отступающим армиям, вливались в них, усиливали их. Да и отступающие полки легионеров все более уплотнялись как раз потому, что все они стягивались к Варшаве и опирались на сравнительно густую сеть железных дорог.

Рассказывают между прочим, что поляки выбросили на фронт две „колчаковские“ дивизии. Название в значительной мере чисто провокационное. В них, действительно, входит небольшое количество чехо-словаков и русских колчаковцев, переброшенных сюда из Сибири. Но главную массу этих дивизий составляют поляки.

В Вышков мы приехали в сумерки, часов в 11 по советскому времени. В недалеком расстоянии, верстах в двенадцати, шел ожесточенный бой. Непрерывно слышались орудийные выстрелы.

В штабе N армии мы подробно познакомились с сложившейся обстановкой, о которой могли догадываться еще в то время, когда

выезжали из Белостока. Прибывший сюда же командир соседней N армии сделал дополнения к подробному оперативному докладу. Картина получилась исчерпывающая.

Поразительно боевое настроение Красной армии. Начиная с боев 4—6 июля, она неудержимо рвется вперед. Ее боевой клич—нечто своеобразное: „Даешь Вильно“, „Даешь Ломжа“, „Даешь Остроленка“. Как при разговорах с китайцами, японцами и вообще с иностранцами почему-то принято думать, что они скорее поймут ломаный русский язык, на котором говорят сами, так и в данном случае прибегают к ломаному языку. Теперь везде и повсюду слышишь: „Даешь Варшава“. Этим возгласом обмениваются возвращающиеся назад обозники с идущими вперед пополнениями, раненные—с теми, кто идет им на смену. И надо слышать выражение, с каким произносятся эти слова: непоколебимая уверенность, твердая решимость, полное спокойствие. Такая армия не может не дойти до Варшавы, а если потребуется, то и дальше. Ее можно задержать на время, можно временно отодвинуть назад, но нельзя отвести непреодолимое. Она неудержима, как современная революция. Контр-революция временами может переживать торжество; но это только отсрочивает ее окончательное поражение; революция, казалось бы, окончательно отбитая, почерпает новые силы даже из торжества контр-революции и, накопив их, делает новый натиск.

То же много раз бывало,—и еще не раз будет с нашей Красной армией, которая,—это надо помнить,—пока одна бьется в Европе против капиталистических правительств всего мира. *Пока одна...*

Но из боевого подъема Красной армии вытекло и то, что произошло под Варшавой 15 августа, когда мы приехали в Вышнев. Одна из армий в боевом порыве слишком быстро и далеко выдвинулась вперед. Получился некоторый промежуток между нею и соседней армией. Конная часть противника использовала положение и превратила промежуток в прорыв. За ней двинулась пехота, и прорыв был расширен. Полевой штаб выдвинувшейся армии, занимавший Цеханов, попал в опасное положение: его грозили отрезать от армии. Вызвали красноармейцев из обоза, вместе с работниками штаба получили до 50 винтовок и прорвались к своим частям.

Вообще бои в этот день достигали огромной напряженности. Если для нас боевым кличем сделалось: „даешь Варшава“, то для панов основная политическая задача свелась к тому, чтобы Варшаву отнюдь не сдавать.

Во всякой войне оказываются такие пункты, стратегическое значение которых, может быть, невелико, но которые приобретают громадное значение в качестве политических символов. Таким символом сделались Варшава и Львов, потом сделается, вероятно, Краков. Возможно, стратегически более чувствительным ударом было бы обойти Варшаву и перерезать пути отступления,—я этого не знаю, я остаюсь невежественным человеком в военных делах. Но по политическим соображениям во всяком случае не приходится игнорировать Варшаву. Выражаясь недипломатическим языком, это был бы демонстративный удар для Антанты, который произвел бы огромное впечатление и на Западе, и на Востоке,—во всем мире. И эта же демонстративность поражения повела бы к более быстрому разложению панской армии. Таким образом и в стратегическом отношении удар по Варшаве приобретал большое значение.

Впрочем, тут же надо оговориться, что на этот счет у нас не было единодушия и ясности. Может быть, панская Польша уже доста-

точно побита? Может быть, следует дать некоторое время на раздумье, на то, чтобы массы уразумели, какой кровавый кошмар заставили их пережить господствующие классы? Тогда внутренняя революционная работа доделает дело Красной армии. Напротив, угроза Варшаве не пойдет ли на пользу контр-революции? Не сумеет ли она, раздув патриотические чувства, хитро использовав исторические воспоминания, вновь овладеть массами, которые явно выходят из подчинения?

И теперь, через месяц после событий, не знаю, какая тактика была бы хитроумнее. И больше того: я нахожу, что все хитрые стратегемы оказались бы чисто бумажными.

Повторю еще раз, что польская армия уплотнилась благодаря отступлению, и еще больше уплотнилась новыми формированиями. Подготовка к обороне Варшавы началась давно. Здесь было сосредоточено громадное количество артиллерии разных калибров, старые форты приведены в порядок, построены новые укрепления.

К 15 августа части Красной армии подошли на такое расстояние к Варшаве, что вскоре могли бы начать обстрел буржуазных и аристократических частей города, и таким образом ускорить развязку. Но в то же время они попали в сферу действия ураганного огня соседних фортов. Наша артиллерия могла отвечать лишь в несколько раз слабее: при большой быстроте наступления она оторвалась от своих баз.

Как бы ни напрягались средства гужевого транспорта, сколько бы местных перевозочных средств ни привлекалось к передвижению военных обозов, все это слишком слабое возмещение железных дорог. По общим отзывам, несмотря на превосходные шоссе, лошади настолько истощены, что при дальних перевозках на каждую приходится класть всего пудов десять полезного груза. Подавляющее большинство подвод одноколенные. Предположим, что, при расположении сплошной вереницей, мы получим двести подвод на версту: преувеличенно большая цифра. Если каждая подвода несет груз в 20 пуд., — опять-таки цифра почти вдвое больше действительной, — то окажется, что обоз длиною в целую версту даст полезного груза всего 4000 (четыре тысячи!) пудов, — чуть-чуть побольше, или даже не больше, четырех товарных вагонов. Значит, вместо сплошного обоза, растянувшегося на десять верст, было бы достаточно одного товарного поезда!

Из этого следует, что при колоссальном потреблении снарядов современной артиллерией и патронов винтовками и пулеметами, военный транспорт в состоянии питать армию лишь при самых коротких расстояниях от баз, когда каждая подвода может сделать несколько концов в день.

15-го августа встретила армия, стоявшая, можно сказать, на своей базе, и разбросавшаяся армия, не только далеко оторвавшаяся от своих баз, но и удалившаяся сотни на две верст от железных дорог, дававших ей связь с базами. Недосток не только снарядов, но иногда и патронов остро почувствовался в Красной армии.

К утру 16 августа Красной армии пришлось оставить Радзимин, — или ту грудку развалин, которая после свирепой бомбардировки удерживает это название. Сделалась необходимой соответствующая перегруппировка, а затем и отступление всех армий.

Впоследствии я узнал, что по таким же причинам и то же самое разыгралось на Брест-Литовском направлении. На решительный нажим нашей армии польская армия теперь была способна ответить

энергичным контр-наступлением. Несмотря на изумительный героизм Красной армии, недостаток технических средств повел к тому, что ей пришлось начать общий отход.

На фронте причины разыгравшихся событий видны с полной отчетливостью. И столь же ясно, что наш отход *сам по себе*, независимо от других мер, изменяет соотношение сил Красной и польской армий в нашу пользу. Поэтому я наблюдал среди командного состава огорчение, досаду, но не видал тревоги за общий исход кампании. Обидно, что международная сволочь на время опять поднимет голову и обнаглест. Тяжело, что борьба с экономической разрухой и всесторонний подъем опять отсрочиваются на некоторое время. Грустно, что у панов все еще не скручены руки, и они еще сумеют причинить много вреда и Польше, и России, и всему человечеству. Но это только временная отсрочка.

В Вышкове мы получили варшавские газеты от 13 августа, отобранные у пленных поляков. Статьи дышат с трудом скрываемой, а иногда и нескрываемой злобой против Антанты. Она покинула и предала разбитую Польшу. Она рекомендует мириться на условиях, слишком уж приемлемых для большевиков: сведение армии до 50.000 человек, разоружение, отказ от Восточной Галиции. Польше она предлагает только офицеров да „моральную поддержку“, и ничего более реального. Ллойд-Джордж договорился с Каменевым!

Из тех же газет мы получили информацию о Белостоке, из которого только что приехали. Оказывается, большевики, т-е. мы, уже расстреляли в Белостоке 16 человек и арестовали 9000 (девять тысяч),—это в городе с населением, составляющим 70—80 тысяч. С глубоким интересом узнали мы несколько фамилий арестованных и расстрелянных лиц, которые еще часов пять тому назад, когда мы выезжали из Белостока, добросовестно работали в разных отделах Ревкома. И, разумеется, мы произвели в Белостоке еврейский погром, что не мешает тем же газетам в своих статьях и воззваниях приглашать на борьбу с большевизмом, как с властью евреев.

Варшавские газеты от 13 августа повторяли выдумки, которые были пущены в оборот еще за два месяца до того времени. Видно, им очень мучительно признать, что их легионы разбиты нашим новым командным составом. Для их самолюбия было бы легче, если бы их побили бывшие царские генералы. С другой стороны, им необходимо скрыть от одураченных масс, что это не национальная, а классовая война, что она, действительно, ведется за их и нашу свободу. Поэтому газеты в самых демагогических тонах кричат, что наше войско ведут на Польшу царские генералы и министры, Брусилов и Поливанов. Борьба с большевизмом превращается у них едва ли не в борьбу с царским режимом, возвращением которого наша армия будто бы грозит Польше.

„Лига Наций“ очень хотела бы оказать самую серьезную помощь в деле сокрушения Рабоче-Крестьянской России, но ее горе в том, что власть все больше от нее ускользает. Из тех же варшавских газет мы узнали, что германские рабочие в разных местах зорко следят, как бы контрабандными способами, — напр., под видом санитарных грузов, — не проникло в Польшу снаряжение от Антанты. Настроение рабочих масс таково, что даже шейдемановская социал-демократия призывает рабочих пресекать всякие попытки Антанты оказать военную помощь правительству Дашинского и Пилсудского. Еще хуже, что славянские государства в достаточно решительных выражениях требуют предоставить панскую Польшу ее собственной участи и предостерегают

Чехо-Словакию, Румынию и Венгрию от вмешательства. Тон варшавских газет обиженный и слезливый.

Польша должна все больше напрягать свои собственные силы. Перебежчики и пленные сообщают, что за одну последнюю неделю было проведено четыре мобилизации, т.е. призвано четыре возраста, и давно добрались до 45-летних. Все чаще становятся перебежчики, спасающиеся от мобилизации...

Часа в четыре ночи среди такой темноты, что в пяти шагах ничего не было видно, ушли мы из штаба. С юго-запада по-прежнему доносились частые орудийные выстрелы.

На ночь мы остановились в доме местного ксендза. Ксендзов было три, но два из них, помоложе, сбежали с legionерами. Остался только старший, лет за пятьдесят. Крупный, высокий, несколько мужиковатый в своих широких движениях, сильный, но и пухлый в то же время, безукоризненно чистый, с бритым лицом, коротко остриженной головой, живыми и умными глазами, с крупными мягкими руками, он был типичен. Такими изображают ксендзов на картинках, таковы они в кинематографах.

Он занимал большой дом с электрическим освещением. Вышков — маленький городишка. В Польше, как и в Литве, электрическое освещение распространено очень широко. Его встречаешь не только в местечках и городах, иногда даже в больших деревнях.

Не могу однако не отметить, что в некоторых отношениях мы не могли бы завидовать Польше и Литве. Во всех городах положительно на каждом шагу преследует запах клоаки. В Вильно перед империалистской войной начали строить канализацию, но и теперь неизвестно, когда удастся двинуть это дело вперед. По всем улицам, — и по главным, „аристократическим“, — в канавках („лотках“) около тротуаров всегда сочится гниющая зеленая жидкость, стекающая сюда со всех дворов. Выгребные ямы везде переполнены: не находится рабочих на такую работу, да и перевозочных средств недостаточно. Я видал, как в Белостоке обыватели иногда старательно выметали и вычерпывали грязь из лотков в ведерки и затем обрызгивали и обмазывали канавки разведенной известью. Но через час-другой по канавкам опять сочилась зловонная зеленая жидкость. И чем крупнее город, тем он зловоннее. Вышков в этом отношении куда лучше, чем Вильно или Белосток.

Итак, ксендз жил в большом доме, с электрическим освещением, хорошей мягкой мебелью, с превосходными пуховиками, — не даром в народе ксендзов называют „перинниками“, — и с замечательно мягкими и нежными пуховыми одеялами.

На стенах картины: Ян Собеский, вдохновлявший многих польских художников, и талантливых, и банальных, кардинал, папа, знаменитый польский проповедник. И здесь же карта: Польша в границах 1770 года, даже две таких карты. Эта карта в разных изданиях, — очевидно, романтические мечтания вызвали на них большой спрос, — встречаешь на каждом шагу: и в частных квартирах, и в ресторанах, и в гостиницах, и в государственных учреждениях. Велики были тогда „земли польские“ („Mara ziem polskich“ — так называются эти карты): Литва, Белоруссия, значительная часть Латвии, правобережная Украина. Все это и теперь хотели бы проглотить польские капиталисты и паны, пользуясь тем покровительством, которое Лига Наций, стоящая на страже справедливости, оказывает своим вассальным большим и малым нациям. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы разом получился ответ: за что воюет панская Польша.

К дому ксендза примыкает большой, — верно, не менее десятины, — фруктовый сад, одной стороной прямо выходящий на Западный Буг. На следующий день мы любовались отсюда с высокого правого берега открывающимся широким видом. И нельзя было не любоваться.

Гостеприимный хозяин, — действительно, на редкость любезный, приветливый и радушный, — сразу завязал разговор. Он пренебрежительно отзывается о Пилсудском и затеянную им войну считает злополучной авантюрой. Послушать его, так подумаешь, что он все время сохранял трезвенность и был чужд велико-польским мечтаньям. Но в таком случае зачем попала к нему „карта земель польских в 1770 году“, и даже в двух различных изданиях? В этом отношении ксендз не оригинален. К Пилсудскому и К^о теперь все повернулись спиной.

Ксендз узнал, что перед ним — польские коммунисты, являющиеся в то же время и русскими большевиками. Он заявил, что впервые встречается с ними, и постарался использовать встречу. Все разговоры сводились к тому, что коммунизм в идее прекрасен, но осуществлен быть не может, так как этому мешают многие причины, в особенности неизменные наклонности, живущие в людях. Соображения ксендза были не умнее, но и не глупее, чем тысячи книжек буржуазных ученых, доказывавших всю практическую безнадежность социалистических и коммунистических стремлений. Видно, святая католическая церковь подготавливает своих слуг к борьбе с коммунизмом. Но эта борьба может быть и не прямой, а весьма изворотливой. Не даром наш ксендз несколько раз возвращался к той мысли, что христианство содержит в себе коммунистические учения.

Оставшись наедине со мною, присутствовавшим в качестве безмолвного слушателя, ксендз рассыпался в похвалах своим польским гостям. Какая образованность, какие знания, как они интересны и мнзны! Он никогда не думал, что большевики таковы.

Перед отъездом тов. Мархлевский представился сам, как председатель Польского Ревкома, и представил товарищей Кона и Держинского, как членов Ревкома. Получился редкостный сюжет для кинематографа. Бритое лицо нашего хозяина так выразительно, что ему могли бы позавидовать многие актеры, „наигрывающие“ киноленты. Как, это тот самый Держинский? Это тот самый, о котором так много писали газеты, да и теперь пишут, говоря о составе Ревкома? — „Да, да, — с веселой улыбкой подхватывает Держинский, — они говорят обо мне, как о „червоном кате“ („красном палаче“). — „Никогда бы я не поверил, — изумленно говорит ксендз, — что вы таковы“. И ксендз снова и снова с жадным любопытством всматривался в тов. Держинского, которому, кажется мне, и впредь суждено своей репутацией затмевать остальных членов Ревкома.

Я не думаю, что ксендз просто разыграл ловкую сцену. Вопиющее противоречие между тем, что кричат о Держинском буржуазные газеты всего мира и потихоньку испуганно шепчут между собой и думают наши контр-революционеры и спекулянты, и действительно Держинским не может не поражать всякого, кто хотя бы один раз поближе встретился с ним. В самом деле, кто мог бы подумать, что этот закаленный в битвах революционный борец, с 20-летнего возраста много раз отведавший и тюрьмы, и этапы, и ссылку, и каторгу, что этот „мрачный Торквемада“ большевизма — удивительно деликатный, мягкий, на редкость привлекательный человек с ясной душой, с нежным сердцем? А ксендз при его большом жизненном опыте должен был сразу почувствовать это.

Любопытно, что рассказывает он о своих ночлежниках теперь, когда Вышков снова занят поляками? И что говорит о них в своих проповедях? Неужели размалевывает по варшавским газетам? И неужели умеет придать своему актерскому лицу ужас при одном упоминании о большевиках?

На следующее утро, часов с одиннадцати по советскому времени, опять началась канонада в юго-западном направлении. На Буге слышались крики и частый стук топоров. Отступая, поляки оставили в целости длинный и чрезвычайно высокий железнодорожный мост. Но шоссе мост, почти такой же высокий и тянувшийся не только над рекой, но и над противоположным низким берегом вплоть до холмов, в общем, пожалуй, на целую версту, поляки взорвали. Уцелели ледорезы, уцелело два-три устоя, от остальных устоев издалека не видно никакого следа. Исковерканные железные фермы рухнули в реку и на низину противоположного берега. Кое-где положены доски. По ним и разрушенным фермам осторожно ползут, перебираются на тот берег одинокие человеческие фигурки.

Шум и стук топоров над рекой. Это делают временный деревянный мост взамен разрушенного поляками. С нашего высокого-высокого берега видно, как толпы евреев-работников суется над бревнами и досками, сложенными на берегу. Подвозят новые бревна. Частью исправляют, частью заново устраивают спуск к реке, к тому месту, где будет временный мост. Работа идет нервно, энергично. И я опять вспоминаю о евреях-земледельцах и евреях-кожевниках, об их богатырских фигурах.

Вчера была суббота. В штабе рассказывали, что евреев потащили на работу насильно, „за фалды“. Я слушал это, и — пусть возмущается, кто хочет, — считал такое „насилие над религиозными убеждениями и верованиями“ естественным и неизбежным, положительно одобрял его. И теперь, видя, как споро работают кучки евреев, словно торопясь подкрепить Красную армию, ведущую борьбу с погромной Польшей, я думал, что „насилие“ было лишь комедией насилия, что оно просто дало евреям возможность уплатить приличествующий долг своей „религиозной совести“.

Часов в семь вечера, закончив все дела, мы двинулись в обратный путь. С юго-запада все еще доносились орудийные выстрелы.

Опять Остров, опять Замбров. Еще накануне мы узнали, что здесь создались ревкомы с участием местных коммунистов, что были здесь палки митинги, устраивались демонстрации с красными знаменами, что здесь не просто расклеили манифест, воззвание Польского Ревкома и т. д., но и отпечатали значительное количество в местной типографии. Над общественными учреждениями висят красные плакаты и флаги с надписями: „Да здравствует Третий Коммунистический Интернационал!“, „Да здравствует Коммунистическая Партия!“

В этих насквозь мещанских, насквозь мелко-ремесленных и мелко-торгашеских местечках и городах загорается новая жизнь. Никогда еще за их многовековое существование не бросалась в них разом такая масса новых идей и новых понятий. Никогда еще плуг старухи истории не проводил таких широких и глубоких борозд, никогда еще не взрывались до таких недр наиболее застоявшиеся, неподвижные, несмотря на свою внешнюю нервность и суетливость, пласты общества. Да здравствует Коммунистическая Партия! Да здравствует она, повсюду вносящая жизнь и движение, революционизирующая весь мир!

Перегоняем порожние повозки, толпы пленных, обозы с ранеными, санитарные повозки. Один раненый поднялся на возу и бодрым, четким голосом крикнул нам вдогонку:

— „Даеть Варшава?“

— „Даеть Варшава!“—весело и уверенно откликнулись мы.

Даеть Варшава, даеть весь мир.

Варшава—один из ключей ко всему миру.

Но „даеть Варшава“, „даеть мир“ не нам, а коммунизму, который мы несем теперь в Польшу, а потом вместе с новой Польшей понесем всему миру.

Но это знаем не только мы: это слишком хорошо знают и наши враги.

Канонада под Варшавой не умолкает.

VIII. УСЛОВИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ПОЛЬШЕ.

Как быстро и естественно все это делается! Временный Революционный Комитет Польши приехал в Белосток,—и оказалось, что рабочие как-будто уже давно его ждали. Еще неся власть Пилсудского, они как бы знали, что вся общественная машина должна быть пущена в ход по-новому. Быстро возникают комиссии, комитеты и отделы, быстро вокруг Временного Правительства вырастают новые учреждения.

Несмотря на все блокады и ложь, рабочие понимали, что делается в России, и чувствовали, что то же самое пора делать и в Польше.

10-го августа пустили в ход крупнейшие текстильные фабрики Белостока, уже как национализированные фабрики. По этому случаю утром опять была устроена большая манифестация. Представители рабочих Белостока вручили членам Польского Ревкома портфели. Отныне они—Временное Правительство „помазанием“ рабочих Польши. От имени этого Правительства с большим подъемом говорили т.т. Мархлевский и Кон. Замечателен энтузiazм, но вместе с тем и сосредоточенная трудовая решимость, какую дышало все торжество.

„Интернационал“ поют пока плохо, только научаются петь. Нестроинно выходит даже „Красное знамя“ („Червоный штандарт“). Демократические и социалистические режимы не терпят революционной поэзии, даже старой. Да и вообще дело рабочего класса не петь, а работать.

Многим из бывавших в Петербурге показалась любопытной одна маленькая подробность. Манифестанты собрались на площади перед зданием учебного заведения для „благородных девиц“, с балкона которого говорили все ораторы. Характер здания, внутренняя обстановка и бывшее предназначение живо напоминали о Петербургском Смольном.

С конца июля я почти неразлучен с Польским Ревкомом, выполняю некоторые работы по его поручению, составляю проекты приказов по Красной армии, вступающей в пределы коренной Польши. Пора бы ехать в Москву, но нет сил оторваться от фронта и от того уголка Польши, в который вступила Красная армия. По этому уголку все же составляешь некоторое представление о том, что делается в глубине Польши.

С Польским Ревкомом пока приехало очень мало работников. Красная Польша в свое время создаст их в процессе работы.

Нам очень на пользу пошел период русской революции с марта по октябрь 1917 года. Мы получили поле для развертывания своих сил и, несмотря ни на что, с успехом отражали все атаки на этот плацдарм. Это был подготовительный период, и мы недурно использовали его. Возьмите хотя бы наши газеты. Конечно, теперь они несравненно теснее спаялись с массами и повседневной работой. Но в литературном и пропагандистском отношении, по количеству обслуживавших их сил газеты октября 1917 года, право, стояли не ниже, чем газеты 1920 г. К октябрю успел сложиться у нас необходимый технический и организационный аппарат не только газетного дела, но и книгоиздательства.

Польским товарищам все это приходится стрепть с самого начала. В марте мы вышли из подполья и стали учиться дышать свежим воздухом. Сначала, в особенности до приезда товарищей из-за границы, нас была в сущности горсточка. Но у нас оказалось в распоряжении почти восемь месяцев для количественного и внутреннего роста. И негодующие вопли противников, сопровождавшие каждый наш шаг в эти месяцы, и исход октября — наилучшее свидетельство того, что это время мы не потратили даром.

Подпольная кучка превратилась в массовую партию, превратилась в штаб, за которым уже тогда шла колоссальная армия; она маневрировала, выполняла оперативные задания, вводилась в русло организованных действий, научалась подчинять своей воле противников, и даже после поражений отступала, как организованная армия. Но в то же время партия научалась и *управлять*, — по крайней мере все ближе и ближе, несмотря на сопротивление буржуазии и соглашателей, подходила к задачам управления. Я не беру тех случаев, когда в некоторых городах за нами еще летом 1917 года оказалось большинство, и когда буржуазная публика с содроганием узнавала из своих газет о царьцынской или саратовской „республиках“. В Москве до конца августа мы оставались меньшинством в составе Совета, — но с самого начала сделались влиятельным меньшинством. Управление делами, секретариат, — везде нашим товарищам принадлежала руководящая роль. И тогда же, хотя „рабочий контроль“ встретил страстную вражду со стороны смиренномудрых меньшевиков и во всем согласных с ними эс-эров, наши товарищи заставили фабричные и заводские управления раскрывать свои „тайны“. Муниципализации, национализации и устранение капиталистов от управления были для нас не совершенно новым делом, а в значительной мере продолжением того, что мы начали делать еще до переворота, еще в меньшевистско-эс-эровский период Советов.

С другой стороны, открытая работа в Советах, в армейских комитетах, в городских думах выделила сравнительно широкий круг товарищей, которые не только накапливали практический опыт, но и делали для масс своими людьми, приобретали известное влияние. Эти товарищи в несколько раз увеличили ряды подпольной дореволюционной организации, — увеличили те кадры, на которые партия может рассчитывать, как на испытанных товарищей, переживших вместе с нею тяжелые времена, как на людей, которые уже в 1917 году доказали свою пригодность для самых ответственных положений.

Насколько это было существенно, я убедился, разъезжая по западному фронту. В Смоленске, в Минске, Вильно, даже в Гродно, в красноармейских и советских учреждениях, в партийных комитетах, в ревкомах, на всех сколько-нибудь ответственных должностях я постоянно встречаю знакомых, — товарищей, которые в 1917 году, как

большевики, работали в Московском Совете. На самых же ответственных должностях я нахожу лиц, с которыми, как оказывается после короткого разговора, встречался в партийной работе еще в 1908—1911 годах, если не раньше.

Внутренне, психологически к концу 1917 года мы, конечно, еще не были тем, чем стали впоследствии. У нас еще не было позднейшей твердости и полной убежденности, что мы делаем именно то, что должны делать, чего требует история. Мы еще не знали, до какой степени прочно наше положение. Да и победа, действительно, казалась не решительной, не уничтожающей. Тогда мы канителились с городской думой Руднева, разводили церемонии с Викжелем и патриархом, выносили оправдательный приговор Пуришкевичу, уговаривали и убеждали левых эс-эров,—тогда мы еще не чувствовали в себе единственной партии социалистической революции, тогда мы еще не были той монопольной партией, которой сделала нас решительная революционность в революционнейшую из эпох.

Но при всем том мы уже не были и такими, какими в марте 1917 года вышли из подполья. Насколько отношения, среди которых мы работали в 1917 году, были бесконечно шире тех отношений, в которых мы вели свое нелегальное бытие, настолько и мы выросли, поднялись на высшую ступень. Колеблущимися, неуверенными, неопытными вступали мы в эпоху революционных бурь. К ноябрю 1917 г. за нами все же был позади опыт весенних демонстраций 1917 года, от которых слетали министерства, опыт открытой, широкой и успешной борьбы с соглашателями, опыт руководства широкими солдатскими, а следовательно, и крестьянскими массами, опыт июльских и корниловских дней,—и чего-чего только не было! Мы стали другими, отрешились от многого наивного и ограниченного, неразрывно связанного с узкими отношениями нелегальной работы,—мы уже успели приобрести многое из того, что необходимо для практического управления.

Бесспорно, Коммунистическая Рабочая Партия Польши в настоящее время относительно много сильнее, чем была большевистская организация к 1917 году, и найдет несравненно более обширный штаб работников на ответственные должности, чем было у нас в мартовской революции. Это—большой плюс. Но один минус будет наверстан лишь с течением времени. Как бы ни обрушивались противники на наши газеты летом семнадцатого года, какую бы погромную агитацию ни вели против наших партийных организаций, как бы жестоко ни преследовали некоторых товарищей,—несколько человек было убито толпами громил, многие неделями и месяцами сидели в тюрьмах, другие неделями и месяцами вынуждены были скрываться,—все же мы, опираясь на массы, так защищали Советы и так крепко и настойчиво уцепились за них, что противникам не удалось их уничтожить, не изгнать нас из них; мы так прочно и широко успели связать свою партию с рабочими, солдатскими и деревенскими массами, что каждый раз при новых и новых угрозах противников могли с полным хладнокровием отвечать: „Руки коротки! Не уйдем! Не оторвете от открытых связей с массами!“.

В этом отношении положение польских товарищей много хуже. Открыто они не существовали и не действовали. В областях германской и белопольской оккупации даже смиренный соглашательский Бунд был вынужден вести нелегальное существование. Целый ряд признаков указывает, что при успешном ходе войны Дмовские, Грабские и Сапегы быстро добрались бы до пе-пе-эсов и начали бы

громить их рабочие организации. На польских коммунистов и подозреваемых в симпатиях к ним все время сыплются непрекращающиеся гонения, живо напоминающие о царском режиме. Поэтому польским товарищам еще предстоит тесно срастись не только с деревенскими, но отчасти и с городскими пролетарскими массами. Мы в свое время следили за всяким шагом и действием меншевиков и эс-эров и немедленно, по свежим следам, с поличным накрывали их на политическом шарлатанстве, обманах, предательстве по отношению к рабочему классу и крестьянству. У польских товарищей не было такой возможности. Но белостокский опыт показывает, что наверстать это удалось бы в самое короткое время. Останется еще тот дефект, что массы пока не успели сработаться в организацию.

Опыта широкой положительной работы у польских товарищей, живущих на местах, — и теперь в огромном количестве арестованных белополяками — до сих пор не было и не могло быть. Но они сумели бы использовать опыт, накопленный в Советской России. Многие из поляков, советских работников, несомненно возвратились бы в Польшу.

По относительному значению крупной промышленности Польша стоит много выше России. Но за время войны эта промышленность жестоко пострадала, и в особенности жестоко пострадал польский пролетариат, некогда вызывавший изумление героизмом и упорством своей революционной борьбы. Тысячи рабочих разбежались по всему миру, — в Россию, за океан. Обрато возвратились немногие, а из возвратившихся многие, вероятно, деклассировались. Десятки тысяч во времена германской оккупации были принудительно вывезены в Германию, где их отдали в рабство помещикам и военной промышленности. Их заменили новые рабочие, не прошедшие школы революционной борьбы, в значительной степени женщины или пролетаризированные войною ремесленники и крестьяне.

Если бы не такое опустошение пролетариата, в Польше уже давно произошел бы революционный взрыв, и Красной армии вообще не пришлось бы идти так далеко.

Городское ремесло распространено в Польше бесконечно шире чем в России. Города и местечки буквально кишмя-кишат ремесленниками, и не только еврейскими. Нелегко будет организовать эти элементы. Здесь надолго останется готовая почва для бесшабашных истерических выступлений, для анархистской бестолковщины и безалаберщины, для бандитизма, для обидчивой оппозиции коммунизму. Только после большой, изнурительной и душемотательной работы удастся включить эти элементы в общий аппарат социалистического строительства.

Очень трудной будет для польских товарищей борьба с церковью. По части оплетания масс русскому попу никак не угоняться за польским ксендзом, как и вообще православие в этом отношении и в подметки не годится католицизму. Он опутывает буквально всю жизнь своих духовных чад. Он действует не только духовным оружием, но и работает так, как если бы планомерно, рассчитанно применял своеобразный экономический материализм к практической политике. Он старается организационно охватить все существование не только крестьянина, но и рабочего. Он создает общества взаимопомощи, кооперативы, кассы Райффейзена и везде старается занять командующее положение. Без ксендза не только не попадешь в рай, но и на земле не проживешь ни одного дня. О нем вспомнишь не только перед смертью, но и при устройстве самых мирских житейских дел.

Русским попам никогда не удавалось подчинить себе более или менее широкие группы не только рабочих, но и крестьян. Поп Гапон выполнял предназначения не церкви, а полиции; в связанном с его именем выступлении рабочих Петербурга церковной была только форма, внешность; да и она пристегнута была механически, имела ничтожное значение и при первых же залпах расстрела бесследно исчезла. Напротив, польский ксендз сумел найти ходы даже в рабочему классу, по крайней мере к некоторым его слоям, и, опекая их через свои организации, успешно обдѣлывает дела святой церкви и поработает, калечит, сгибает и сжимает ум рабочего. В деревне положение еще того хуже.

Мировая организация католицизма, имеющая за собой почти двадцать веков школы, опыта и традиций, куда изворотливее, чем хростоватое даже в своих хитростях православие. Католицизм будет сопротивляться упорнее и борьбу поведет хитрее, чем наши попы. Приспособляемость его бесконечна и найдет границу только в коммунизме. Он попытается приспособиться и к советскому строю. Характерно, что уже в прошлом году один католический епископ заявил, что в Советской России католицизм получает такую свободу движения, о которой не мог и мечтать при царизме, и адресовался к папе с письмом, приглашая к примирению с Советской властью. И уже теперь здесь находятся ксендзы, заявляющие о готовности работать в полном согласии с революционной властью Польши.

Как ни умны католические попы, а вероятно и они не представляют себе, какой глубокий переворот во всех человеческих отношениях знаменует новая власть. Они, пожалуй, думают и здесь выехать на фальшивом размежевании: им только „душу“, — притом и в душе только наиболее „глубокие“ и „возвышенные“ переживания, — всего остального они не касаются.

Не стоит ставить вопрос, может ли католицизм отрешиться от многовековых традиций и перестать быть опорой собственности. Ответ давно дан: церковь может сохраняться только в обществе, построенном на частной собственности, а религия в свою очередь станет быстро отмирать вслед за крушением собственнических отношений и за перестройкой всего общества на трудовых началах. Религия и коммунизм не могут ужиться: слишком различно их отношение ко всему миру. Да и не останется при коммунистическом строе никаких корней, никаких зацепок для религиозных настроений. Могут ли примириться с приближением и с осуществлением коммунизма люди, которые из религии сделали свое ремесло? Из теперешних попыток католицизма приспособиться не выйдет ничего путного. И, само собой разумеется, будто бы приспособляясь, он в действительности постарается подчинять и накладывать цепи на развитие к высшим формам жизни, к полному освобождению человечества.

В Польше есть одна область, которая, по всей вероятности, окажется своего рода Вандеей. Это — Познань. Сплошь земледельческая, она находится в полном духовном рабстве у ксендзов. Огромные латифундии, высокая земледельческая культура в крупных имениях, — но батраки настолько отсталые, что очень не скоро превратятся в одну из опор переворота. А с другой стороны, много сильных крупнокрестьянских хозяйств, кулацкого типа, из которых будет исходить упорное сопротивление.

Аморфные, атомизированные массы не могут оказать большого сопротивления включению в ту или иную организацию, созданию из них новой общественной формы. Польская деревня очень далека от

такой аморфности. „Народова демократия“ и ксендзы в дружном соревновании и в сотрудничестве между собою давно успели охватить крестьянство сетью всевозможных братств, товариществ и союзов — церковных, кредитных, сельско-хозяйственных, взаимопомощи, будто бы просветительных и т. д. В этих организациях развилась известная сила сцепления между атомами. Весь строй их таков, что они имеют глубоко консервативное, охранительное значение для общества собственников. Здесь приходят на память рассуждения тов. Бухарина. Недостаточно будет овладеть старыми организациями сверху, — их, несмотря ни на что, придется разложить и потом уже приступить к созданию новых сочетаний из элементов, приведенных в состояние распада. Понятно, насколько сложна и трудна эта задача.

Но в Польше есть и такие особенности по сравнению с Россией, которые способны облегчить дело социалистического строительства. Я уже не говорю о более высоком уровне промышленного развития: хотя и разреженный, хотя и разбавленный новыми элементами, крупно-промышленный пролетариат все же является пролетариатом. Пережив буржуазные и соглашательские режимы, он, как блестяще показал пример Белостока, представляет самую благодарную почву для коммунистической партии и Советской власти.

Польская деревня экономически тоже стоит выше русской. В Польше насчитывается до 20.000 фольварков, — помещичьих имений крупной и средней величины. В России помещики сдавали большую часть земли в аренду крестьянам. Даже при наиболее совершенной форме аренды, денежной аренде, хозяйство оставалось чисто крестьянским и по-крестьянски отсталым. Собственное хозяйство помещиков лишь в исключительных случаях и в небольшой части велось наемным трудом и собственным инвентарем. Главную массу работников для помещичьих владений давали соседние малоземельные крестьяне, которые обрабатывали землю для помещика своим трудом, со своей лошадью, своими плугом и бороной.

Поэтому помещичьи хозяйства в общем представляли небольшой шаг вперед по сравнению с крестьянским хозяйством: почти та же система земледелия, слабо повышенная урожайность.

При таком положении на первых порах трудно было противостоять чисто крестьянской программе в аграрном вопросе: она так прозрачна, так непосредственна. До сих пор помещичьи земли обрабатывались крестьянством, но весь доход доставался помещику, — надо и впредь оставить за крестьянами обработку земли, с той разницей, чтобы отнять у помещика его долю, которую он получал за голое право собственности.

До известных границ, пока на первый план выдвигались боевые, а не созидательные задачи, коммунисты могли не противиться такому методу предварительного решения специфически русского аграрного вопроса, могли даже оказывать ему прямую поддержку. Крестьянин настолько основательно разворачивал дворянские гнезда, что после этого совершенно устранялась опасность возрождения помещичьего сословия и помещичьего землевладения. По революционно-тактическим соображениям коммунист мог до поры до времени, внутренне ухмыляясь, посматривать, как социалисты-революционеры, воображая, будто они идут к какой-то „социализации“ земледелия, фактически осуществляют „разделизм“. Массовый крестьянин революционизировался, втягивался в непосредственную борьбу, находил свое место на стороне решительнейшей и единственно до конца революционной партии, большевистской партии, основательнейшим образом, бесповоротно разворачи-

вал старый экономический и политический строй. Все это было колоссальным выигрышем для революции.

Но зато мы стоим теперь перед чрезвычайно трудной задачей: переходом от мелких, раздробленных форм земледелия, сопряженных с расточением сил природы и рабочих сил человека, к рациональному крупному сельско-хозяйственному производству. Пользуясь незначительными зачатками, унаследованными от прошлого, мы должны создавать это производство в виде советских хозяйств, трудовых коммун и т. д.

Польские товарищи имеют возможность поставить и поставят вопрос по-другому. В огромной части фольварков ведется собственное хозяйство на капиталистических основаниях. У них собственный инвентарь, живой и мертвый: усовершенствованные породы скота, рабочего, молочного и мясного, которые в некоторых случаях создавались самими фольварками путем тщательного отбора, производившегося в течение десятилетий; собственные орудия и машины, вообще применяемые в размерах, о которых типичные русские хозяйства не дают ни малейшего представления.

Крупное и среднее земледельческое производство польских фольварков давно и несравненно решительнее порвало с рутинной, чем русские помещичьи хозяйства. Обычное явление в фольварках — многопольная система с самым широким плодосменом. В некоторых случаях оборот хлебов охватывает восемь лет. Под паром земля фактически не гуляет: поля засеваются люпином, клевером, тимофеевкой и другими кормовыми растениями, а также кормовыми же корнеплодами и, совершив такой обновляющий оборот, опять поступает под рожь или пшеницу. Конечно, становится необходимым усиленное удобрение. И оно применяется в разнообразнейших формах: навоз, зеленое удобрение, материал для чего дает как раз многопольный севооборот, минеральные удобрения. Такое хозяйство невозможно вести без ученых агрономов и научно подготовленных управляющих. И все это мы находим в типичных фольварках, хотя и в размерах, определяемых предпринимательскими соображениями о наибольшем барыше при возможно малых и быстро возвращающихся затратах.

Большое количество скота, рациональная постановка ухода за ним, кормления, отбора и т. д., применение машин, требующих искусства и навыка в обращении с ними, — все это немислимо без значительного количества постоянных рабочих, прочно связанных с фольварками. И, действительно, в Польше насчитывается до миллиона батраков и безземельных крестьян, обслуживавших хозяйство фольварков.

При таких обстоятельствах наши польские товарищи могли с самого начала придать своей очередной аграрной программе более пролетарский отпечаток. Дробление фольварков ничего не дало бы безземельным и малоземельным крестьянам и сельскохозяйственным батракам: получились бы такие жалкие клочки земли, на которых невозможно никакое хозяйство. Но оно понизило бы общую сумму земледельческого производства и обострило бы продовольственное положение, которое и без того доставит немало забот. С другой стороны оно оставило бы буквально без всего те сотни тысяч батраков, которые до сих пор находили работу и заработок в помещичьих хозяйствах.

Конечно, малоземельные крестьяне должны получить некоторую долю земли, занимаемой фольварками. Это в первую очередь те участки, которые излишни для собственного хозяйства последних или неудобно расположены. С другой стороны, крестьянам следует немедленно указать на церковные земли.

От сохранения крупных культурных хозяйств, от их быстрого превращения в социализированные хозяйства, крестьянство выиграет больше, чем оно получило бы от их дробления. И при господстве капитализма крупные хозяйства служили для крестьян своего рода опытными станциями, показательными хозяйствами. Крестьянин заимствовал от них многое. Сделавшись советскими хозяйствами, фольварки поставят прямой своей задачей планомерное содействие подъему крестьянских хозяйств. Многие из того, что применяется в фольварках, будет доступно и для крестьянина. Лучшие сорта семян, применение минерального удобрения, усовершенствованные методы обработки, возделывание новых растений и т. д.,—все это из образцовых крупных хозяйств будет переходить и в крестьянские. Агрономические силы этих хозяйств станут обслуживать и крестьянство. Многие машины,—веялки, сеялки, жатки, молотилки и т. д.,—в свободное время могут передаваться в пользование крестьянам. В своей совокупности все это представит для крестьянства более реальную помощь, чем прирезка маленького клочка земли.

По инициативе Временного Ревкома Польши по Красной армии было издано несколько приказов-воззваний, приглашающих охранять фольварки от разгромов и расхищения. С такими же воззваниями Польский Ревком обратился и к трудовому населению Польши.

В местах, занятых Красной армией, немедленно создавались фольварочно-батрацкие комитеты, которые брали на себя заведование всем хозяйством. Они немедленно связывались с земельными отделами уездных ревкомов и таким образом с самого начала включались в общую систему советского строительства.

Такой подход к аграрному вопросу встречает энергичные возражения со стороны русских товарищей. Им кажется, будто он продиктован в значительной степени каутскианскими мечтаниями о мирной революции, о социалистической революции без революционных потрясений, о глубочайшем общественном сдвиге без понижения производительности труда, без хотя бы временного экономического развала. По их мнению, в слишком сильном стремлении к экономической рационалистике эта программа отодвигает на задний план революционную рационалистику и игнорирует революционно-тактические задачи. Она как бы исходит из предположения безболезненного переворота,—собственно даже не переворота, а мирного перехода от одного строя к другому. Действительная первоочередная задача для нас—мобилизация и создание революционных сил, которые могли бы поддержать и закрепить захват власти пролетариатом.

Недостаток очень ясной и очень умной программы Польского Ревкома, продолжают критики, в том, что восстановление экономической власти панов становится слишком легким. Если бы им удалось возвратиться, как они возвратились теперь в уезды, недавно занятые Красной армией, они нашли бы, что все сохранилось в полном порядке, в такой неприкосновенности, что в военных условиях они не могли бы и мечтать о чем-либо большем. Весь аппарат мог бы немедленно заработать по-старому,—сохранился живой и мертвый инвентарь, сделаны надлежащие запашки, остались прежние рабочие, иногда кроме того управляющие, агрономы и приказчики.

Но русские товарищи несколько преувеличивают значение „разделывания“, как средства революционизирования деревни. Не следует забывать, что вся историческая обстановка для теперешней Польши совершенно иная, чем была в России в 1917 г. Тогда задача заключалась между прочим в том, чтобы выгнать помещиков с их свитами

из „дворянских гнезд“ и тем самым искоренить деревенско-полицейский аппарат сверху до-низу. Неважно было, сколько каждому крестьянину достанется земли или инвентаря из поместьев. Важно было, что деревня в целом приходила в движение. Конечно, грустно, что разрушены многие дома, которые можно было бы использовать под колонии, санатории и т. д., уничтожены хозяйственные постройки, которые пригодились бы для теперешних крупных хозяйств, расхищен и частью уничтожен живой и мертвый инвентарь. Но тогда, в период развертывающейся революционной борьбы, все это отступало на задний план перед фактом втягивания масс в эту борьбу и в особенности перед фактом радикального изгнания помещичьего сословия.

Когда возобновится продвижение нашей Красной армии в Польшу, все это будет достигнуто другим способом. Помещики и управляющие бегут при ее приближении. Останется только в декретном порядке подтвердить, что они изгнаны из своих бывших имений, которые теперь подвергнутся национализации, и под страхом наказания не должны в них возвращаться. Так же будет уничтожен и весь старый аппарат управления, обслуживавший их интересы. Новой Польше не придется переходить через начальные стадии гражданской войны. Она с большей непосредственностью, почти разом, должна будет перейти к высшим формам классовой войны. В этом, конечно, заключается особая трудность положения. Но с этим ничего не поделаешь, и приходится искать силы, которые быстрее поняли бы, что необходимо немедленно и всеми силами защищать складывающийся социалистический строй. И эти силы скорее всего удастся найти в рабочем классе деревни.

С другой стороны, никак нельзя сказать, чтобы «разделизм» уже так бесповоротно приканчивал с помещичьей собственностью. Помещики возвратились с деникинской армией. Конечно, в их бывших усадьбах сохранилось немного, а кое-где мало осталось и от самих усадеб. Но как бы ни уничтожались межевые знаки, как бы ни распределялась помещичья земля между крестьянами, помещики очень хорошо определяли, какие запашки были произведены крестьянами и по-просту выколачивали от „самовольных захватчиков“ от половины до двух третей урожая. Следовательно, немедленно возрождалась арендные отношения, притом в еще более тягостных и жестоких формах, чем уничтоженные.

Конечно, это было уроком для крестьянства, служило средством для его наглядного политического обучения. Оно сразу схватывало разницу между старым и новым порядком вещей,—и в тылу у Деникина быстро начали формироваться партизанские отряды и вспыхивали крестьянские восстания одно за другим.

Необходимо сделать так, чтобы батраки польских фольварков быстро почувствовали, что принес им советский строй, и начали дорожить этими приобретениями так же, как русский крестьянин дорожит возможностью производить запашки на бывших помещичьих землях. Возможно ли достигнуть этого?

Полагаю, что не только возможно, но и легко. Решительное улучшение жилищных условий, полная устойчивость в положении батрака, независимость, сокращение числа рабочих часов,—все это можно осуществить почти непосредственно. Питание же улучшается настолько резко, что одной из трудных задач Советской власти становится его приведение к нормам, доступным при данных условиях для промышленного пролетариата. Все это такие перемены, которые быстро оценит каждый батрак. Следовательно, сотни тысяч наемных

сельско-хозяйственных рабочих превращаются в опору революционной власти, в одну из плотин, предохраняющих от реставрации старых отношений. И эта сила — тождественная с промышленным пролетариатом.

Те опыты, которые были произведены в очищенных от панов местностях, показывают, что дело с батраками пойдет. Батраки схватывают, что несет им Красная армия. Под Белостоком мне удалось провести митинг в одном небольшом фольварке, и я убедился, что советская работа с батраками скоро наладится. Конечно, и при сохранении хозяйства фольварков неизбежно произойдет временное понижение и даже частичное разрушение производительных сил. Достаточно указать на тот факт, что даже крупно-промышленному пролетариату потребовался не малый период для того, чтобы от режима внешней принудительной капиталистической дисциплины перейти к пролетарской классовой самодисциплине. За этот период производство падало, между прочим, вследствие понижения напряженности труда при одновременном сокращении числа рабочих часов. То же повторится и в фольварках. Нам никак не отвертеться от „издержек социалистической революции“, употребляя выражение тов. Бухарина.

Польское крестьянство пока оказывает своеобразное сопротивление проведению „русских“ методов в перестройке земледельческих отношений. Помня об этих методах, красноармейцы в некоторых местностях настойчиво предлагали малоземельным, безлошадным и т. д. крестьянам забирать из помещичьих усадеб коров, орудия и т. д. или возмещать лошадей, угнанных легионерами. В большинстве случаев крестьяне отказывались: их страшит возвращение панов, т.-е. как раз то самое восстановление старых отношений, против которого должна была бы застраховать эта мера. Но, разумеется, эта сдержанность быстро минует.

Охотнее шли навстречу „разделизму“ батраки. В том фольварке под Белостоком, о котором я упоминал выше, немедленно по его освобождении был проведен довольно широкий раздел скота между батраками. Но здесь после некоторых колебаний батраки согласились восстановить фольварочное хозяйство. В других местах при таких же обстоятельствах батраки и малоземельные крестьяне, получив скот из поместья, поторопились продать его. Следовательно, дело свелось к тому, что они просто получили довольно крупную для данного времени сумму. Конечно, это не может иметь никакого прочного политического или экономического значения.

Возможность прямее и быстрее приступить к социалистическому строительству в области аграрных отношений приводит и к одной внешней особенности. Наше Советское Правительство мы привыкли называть „Рабоче-Крестьянским Правительством“, мы говорим о пролетариате и массовом крестьянстве, как социальной основе Советской власти. Польские товарищи сознательно избегают такого способа выражений. Они говорят о „трудовом народе“, о „власти трудящихся“. Для нас в этом почувствовался бы привкус эс-эровщины. В Польше нет таких народнических течений, — пе-пе-эсы ближе к нашим меньшевикам, чем к эс-эрам.

Поворот на театре войны отсрочивает превращение панской Польши в Советскую Польшу. Но эта отсрочка может быть только временной. Затяжка войны, — а исход ее может быть только один, — сделает взрыв более острым и решительным. Таким образом все задачи, на которых мы здесь останавливались, выдвинутся перед Трудовой Польшей.

IX. КРАСНАЯ АРМИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

Капиталистическая эпоха закончилась мировой империалистской войной. Социалистическая эпоха открывается классовой войной, которой предстоит развернуться, если она еще не развернулась, тоже в мировую войну.

Империалистская война, закончившаяся разгромом германской буржуазии, непосредственно повела бы за собой целый ряд новых империалистских же войн. Этого пока не случилось единственно потому, что буржуазия всего мира поставлена под угрозу гражданской войны, развертывающейся в мировую классовую войну. Впрочем, даже теперь, перед лицом «большевистской опасности», зависшей над всем капиталистическим миром, буржуазия Франции, Англии, Америки и Японии лишь с трудом подавляет раздирающие ее противоречия и улаживает ссоры, вспыхивающие каждый раз, когда дело касается раздела добычи, которая к тому же не хочет даваться ни одному из торжествующих победителей.

Для буржуазных правительств, снаряжавших и снаряжающих против нас белогвардейские банды Деникина, Колчака, Юденича, Финляндии, Латвии, Польши, новая война является по своим целям между прочим и продолжением последней империалистской войны. Если бы западный капитал вышел победителем из теперешней схватки, он в той или иной форме,—прямыми захватами, под видом концессий или посредством принуждения к уплате контрибуций, к признанию займов и т. д.,—подчинил бы своему господству Россию, как подчинял и подчиняет колониальные области.

Но и для него эта война—не просто захватническая война. На первый план для него выдвигается разгром пролетарской диктатуры, угрожающей уничтожить его диктатуру над миром.

Совершенно новой по своим задачам, чисто классовой войной, новая война является только для России. И пока только ее армия, Красная армия, коренным образом отличается от всех старых армий.

Технически старые армии представляли, может быть, наиболее совершенный продукт капиталистического общества. Они были поразительно стройным сочетанием фабрики и мануфактуры в самых совершенных и современных формах последней: в таких формах, в которых мануфактурному расчленению производственного процесса между отдельными высоко квалифицированными работниками и большими группами сравнительно простых рабочих принадлежит еще значительная будущность.

Но социально, по своим внутренним отношениям и по отношениям к внешнему для нее миру, старая армия представляла огромный шаг назад даже по сравнению с создавшим ее буржуазным обществом.

Казарма и подчиненное положение рядовых являются возвратом к крепостническому, если только не к рабовладельческому отношению.

Военнопленный на все время войны превращается в раба победителей. Методы управления в захваченных областях стоят в вопиющем противоречии со всеми декларациями прав человека и гражданина, прикрывающими в буржуазном обществе отношения господства и эксплуатации. Это—колониальные методы управления и хозяйничанья.

Страна-победительница,—т.-е. правительство, творящее волю буржуазии этой страны,—на первую очередь ставит прямое разграбление захваченных областей. Кроме непосредственной добычи оно приводит еще к тому результату, что, уничтожая промышленность в захваченных центрах, радикально и на долгое время сламывает их конкуренцию.

Об этом достаточно красноречиво говорит хозяйничанье германцев в Польше и Бельгии и теперешние повторные расправы французской буржуазии над побежденной Германией. Прямое уничтожение заводов и шахт, вывоз машин, вагонов и паровозов, захват искусных рабочих побежденной страны и превращение их не в наемных рабочих, а в военнопленных, в рабов победоносного капитала,—вот первые шаги этого хозяйничанья.

Белополяки являются достойными продолжателями своих повелителей. Я уже много раз говорил, что производимые ими разрушения идут далеко за пределы стратегически необходимого и целесообразного. Но с точки зрения польской буржуазии и в этих бессмысленных опустошениях есть свой смысл и своя логика. Разрушение всех станционных построек и всех крупных общественных зданий вынудит страну, захваченную поляками, направить все свои силы на восстановление разрушенного и на долгое время парализует развитие ее промышленности.

Польское нашествие распространилось на области, чрезвычайно отсталые в промышленном отношении. С другой стороны, наступление Красной армии началось слишком неожиданно для поляков и слишком быстро разворачивалось. Только поэтому они могли сделать очень немногое по части вывоза машин и т. д. Но все же их погромная энергия на-ряду с железнодорожными сооружениями особенно выделила фабрики и заводы.

Таким образом старые империалистские армии преследуют одну задачу: ослабить, экономически уничтожить, вытеснить буржуазию захваченных областей из ее господствующего положения, но только затем, чтобы подчинить эти области господству своей собственной буржуазии. Остатки побежденной буржуазии, ослабленной и разоренной, в конце-концов должны раствориться в капиталистическом классе победившей страны. Империалистская армия не несет нового общественного строя,—напротив, в экономических отношениях и в организации управления она приносит с собою возврат от буржуазных к феодальным формам.

В противоположность этому Красная армия представляет огромную культурную силу, которая несет в себе и с собою *социалистический строй*. Это—колоссальный аппарат, который не завоевывает, а освобождает, не охраняет старые отношения господства, а заменяет господство капиталистического класса освобождаемой страны диктатурой пролетариата той же страны.

Краткий очерк организации Красной армии и тех учреждений, которые она несет в себе, даст некоторое представление об этой стороне дела. В дальнейшем я воспользуюсь сведениями, которые получил от начальника полит-управления Западного фронта К. И. Шутто, старинного товарища, с которым, тогда еще юношей, я встречался в партийной работе еще в 1905 и впоследствии в 1915 и 1916 годах. Заваленный работой, до бесконечности переутомленный, он не отказался от длинной беседы, чтобы дать ответы на мои докучливые вопросы.

Высшим военным учреждением Советской России является Революционно-Военный Совет (Реввоенсовет) Республики, возглавляющий

Красную армию. Ему непосредственно подчинены Всероссийский Главный Штаб, орган нормального, так сказать, мирного управления армией, и Полевой Штаб Республики, который в теперешнее военное время естественно выдвинулся на первое место.

Я не стану останавливаться на чисто военной стороне дела, на учреждениях, связанных с основными задачами Красной армии, которая, подобно всякой другой армии, создана в первую очередь для войны. Я постараюсь дать некоторое представление только об учреждениях, предназначенных для организации мирного управления в освобождаемых областях и обслуживающих культурно-политические потребности Красной армии.

Порядок учреждений, связанных с Полевым Штабом, соответствует общему плану строительства Красной армии. В непосредственном подчинении от Полевого Штаба находятся революционно-военные советы (реввоенсоветы) фронтов: Западного, Юго-Западного и т. д. Каждому такому реввоенсовету подчинены реввоенсоветы армий, находящихся на данном фронте. Каждая армия составлена из нескольких дивизий, дивизия—из нескольких бригад, бригада—из полков, полк—из рот.

В ведении реввоенсовета каждого фронта находятся отдел ревкомов, чусоснабарм, опродкомфронт, полит-управление (до августа называвшееся полит-отделом), особый отдел, трибунал.

Функции последнего из названных учреждений не нуждаются в особых объяснениях. Функции особых отделов в общем соответствуют функциям чрезвычайных комиссий по борьбе с контр-революцией.

Отдел ревкомов—одно из характернейших для Красной армии учреждений. Он направляет и объединяет деятельность отделов ревкомов, существующих при каждой армии. Их задача—организация мирного, «гражданского» управления в занятых областях.

Империалистские, «национальные» армии действовали здесь очень просто. Они брали тот административный аппарат, который находили на месте. Они сохраняли все истари сложившиеся отношения господства и подчинения и в широких пределах могли использовать механизм этого подчинения. Городской голова, городская управа, сельский фогт или староста, иногда городская дума и полиция,—все оставалось на своих местах. Все это только подчинялось военной диктатуре, осуществляемой каким-нибудь генералом аракчеевского типа, вроде фон-Безелера. Над местными учреждениями создавалась надстройка, которая, не изменяя их социального, классового характера, а следовательно, и направления их деятельности, должна была обеспечить за победителями возможность феодальных или колониальных форм эксплуатации. Эта форма эксплуатации просто добавлялась завоевателями к капиталистической эксплуатации, которую они, найдя в завоеванной стране, оставляли в полной неприкосновенности.

Красная армия несет с собою освобождение эксплуатируемых. Политической формой этого освобождения является советский строй, передающий всю власть рабочему классу и массовому крестьянству. Старые учреждения, которые Красная армия находила на месте, преследовали совершенно противоположные задачи; по самому своему существу и составу они не могут работать в ином направлении. Их необходимо заменить новыми. Старые организаторы,—эксплоататоры или их приказчики и наймиты,—способны вести открытую или затаенную борьбу против зарождающейся новой власти, но не работать вместе с нею. Не давать им ответственные поручения, не оставлять их в роли организаторов, а зорко и неустанно наблюдать за каждым их

шагом, если только они не бежали перед вступлением Красной армии,—вот прежде всего о чем приходится подумать по отношению к ним.

Значит, перед Красной армией встает задача заново организовать управление в освобождаемых от белогвардейцев областях и найти для этого управления людей, которые творили бы волю рабочего класса. Сравнительно легче отыскиваются работники на технические, исполнительские роли. Но и здесь на первых порах встречаются немалые затруднения, в особенности если до прихода Красной армии на месте не было достаточно сильной организации коммунистов. Ведь и технический работник, напр., машинистка, сидя в каком-нибудь новом учреждении, узнает многое, что должно оставаться в тайне, так как неприятельская армия отброшена, может быть, всего на полсотни верст, что облегчает шпионаж. При таких обстоятельствах было бы неосторожно даже на технические должности брать совершенно неизвестных людей, появляющихся без всяких рекомендаций, неизвестно откуда.

Создание новых временных учреждений для управления—задача ревкомов. Когда какой-нибудь уезд или губерния очищены, напр., от польских легионеров, отдел ревкомов соответствующей армии приступает к организации уездного или губернского ревкома. Обычно он составляется из трех членов. Проще всего разрешается задача в тех случаях, когда наша армия находит организацию Коммунистической Партии, нелегально существовавшую при контр-революционном режиме. Здесь сразу удастся найти испытанных товарищей, хорошо знакомых с местными условиями. Назначение членов ревкома сводится к утверждению отделом ревкомов лиц, намеченных местной организацией. Впрочем, один из трех членов, составляющих ревком, по большей части прямо назначается отделом ревкомов. Таким образом осуществляется более тесная связь между отделом ревкомов и отдельными иногда очень многочисленными ревкомом, расположенными на территории той или иной армии.

Состав ревкома удастся определить по большей части заранее, до занятия уездного или губернского административного центра. Поэтому с первых же дней, иногда с первых часов по вступлении Красной армии, местный ревком начинает жить и действовать. Проходит несколько дней,—и постепенно развертываются отдел образования, продовольственный отдел, жилищный, земельный и т. д. Во главе всех отделов ставятся люди, которые основную задачу видят в возможно быстром переходе к нормальному советскому строю. Когда будут произведены выборы в советы и составятся исполкомы, они находят, что Красная армия через отдел ревкомов создала необходимые остоны всех основных учреждений для нормального управления. Совершается передача дел, и ревком, как таковой, прекращает существование. Часть персонала освобождается и с продвижением Красной армии может перенести свою деятельность в другой пункт.

Отсюда видно, какие огромные, сложные и ответственные задачи ложатся на отдел ревкомов, и как много надежных работников для них требуется. Сюда приходится расходовать немалое количество из мобилизуемых коммунистов.

При организации управления волостями (гминами) отделы ревкомов придерживаются таких же принципов. Составляется волостной ревком из трех коммунистов, если таковые находятся и удовлетворяют всем необходимым условиям, или из других местных людей, способность и готовность которых работать в советском направлении не возбуждает сомнений. Волостной ревком—тоже временное учреждение, и

его, главная и основная задача—подготовка к проведению советской конституции.

Отделы ревкомов не только организуют все эти учреждения, но и направляют их деятельность. Отдел ревкомов — походная Советская власть со всем многообразием функций последней.

Чусоснабарм—представитель Чрезвычайного Уполномоченного по снабжению Красной армии. Старые армии тоже находили многие предметы снабжения в оккупируемых местах. И так как эти армии стремились выбить экономические устои из-под туземной буржуазии, чтобы обеспечить торжество своей собственной, то они очень просто смотрели на дело: пришел, разграбил и растащил,—и вся недолга.

Красная армия действует по-другому. Ее задача—не разрушать промышленность, а сохранить ее и подготовить к передаче в управление рабочему классу. Чем менее расшатана будет промышленность на Литве, в Белоруссии, в Польше, тем быстрее рабочий класс в этих областях укрепится, тем прочнее будет поддержка, которую в борьбе против мировых хищников он окажет русскому пролетариату, тем скорее закончится эта борьба. Следовательно, здесь—прямая и полная противоположность отношениям конкуренции, разделяющим буржуазию разных государств. Здесь еще раз и в наиболее яркой форме находит подтверждение та истина, что Советская Россия ведет борьбу не против пролетариата и крестьянства враждебной страны, а за них, за их освобождение. Она—их боевой товарищ.

Чусоснабарм налаживает производство в занятых областях таким образом, чтобы в возможно непродолжительном времени передать его в управление местного совета народного хозяйства (или экономического отдела). При этом он опирается на рабочие организации на комитеты рабочих данного производства.

Не скрою, что одна сторона деятельности *чусоснабармов* вызывает много нареканий. Войдя в какой-нибудь город с большими складами и магазинами, Красная армия совершенно естественно стремится изъять запасы из рук спекулянтов и предотвратить утайку предметов, необходимых для снаряжения армии и для широких слоев населения. Магазины и склады закрываются, их имущество берется на учет. Организуются трофейно-учетные комиссии, которые приступают к разборке и распределению.

К сожалению, я не успел ближе познакомиться с этим делом. Совершенно не представляю, как учитываются товары и действительно ли они учитываются. Похоже на то, как будто просто все магазины на некоторый срок закрываются. Это не мешает тому, что товары продаются, но продаются „из-под полы“. Дня через четыре по занятии Белостока я встретил на улице знакомого москвича, который, завязав знакомство с местными жителями, видимо вошел во вкус таких покупок и с восторгом сообщал мне, что он уже купил себе на пару превосходного сукна по 150 руб. за аршин, а сейчас, перед выступлением в дальнейший поход, покупает еще. Развертывается спекуляция. Я не знаю, насколько большие количества товаров охватывает она. Но знаю, что в течение нескольких дней человек, не обладающий особой предприимчивостью или полезными знакомствами, не может купить ни куска хлеба, ни фуражки, ни носового платка, ни даже детской игрушки. А в то же время известно, что все это имеется, и что все это можно достать через спекулянтов по ценам, ежедневно делающим большие прыжки кверху. Когда через некоторый срок магазины понемногу начнут открываться, оказывается, что в них

продавать почти нечего, а что есть, продается по ценам, во много раз вздутым за несколько дней.

Мне кажется, что в этой области не выработано никаких устойчивых принципов. Каждый комендант действует, как ему вздумается. И как бы ни различались в деталях действия отдельных лиц, результат везде и повсюду один: товары исчезают из открытой торговли и переходят на местные „сухарежки“, — на углы улиц, под ворота, во дворы.

Я не представляю что здесь можно поделаться. Но несомненно, что сделать что-то необходимо. Если по занятии города оставить за торговцами прежнюю свободу, все товары у них скоро будут распроданы, и цены подойдут к уровню московской Сухаревки. Всякий красноармеец, всякий случайно приехавший из России старается купить хотя бы „что-нибудь“. Торговцы это быстро учитывают. В Минске, Вильно, Белостоке к половине августа сложились такие цены: фунт хлеба 250 руб., фунт дрянного какао до 3.000 руб., мыло простое для стирки до 800 руб., небольшой кусок туалетного мыла 500—600 руб. и даже дрянная детская лопаточка 100—150 руб. Каково местным жителям испытывать такой мгновенный переворот в ценах? И во всяком случае не следует ли противодействовать тому явлению, что Красная армия приносит с собою бестоварье и дороговизну? Но как? Я этого не знаю. Но знаю, что то, что делается теперь, как будто усиливает это явление.

На первый взгляд может показаться, что многие разряды магазинов совершенно излишне брать на учет: пусть себе торгуют по вольным ценам, пока есть товары. Но и этот вопрос невозможно решить без фактического осмотра магазинов и их складов. Лавка числится игрушечной, а в ней окажется и сукно, так необходимое для армии. Магазин дамских нарядов, — а где-нибудь найдется много кусков грубой бельевой материи.

Мне кажется, имеющийся аппарат далеко не дорос до тех огромных задач, которые он должен разрешить. Получается то же самое, что мы видели у нас при муниципализациях и национализациях аптек, книжной торговли и т. д.

Повторяю, впрочем, что здесь я могу ошибаться, так как у меня не было времени глубже познакомиться с этим делом.

Опродкомфронт — особый продовольственный комиссар фронта — является уполномоченным Компрода. В его задачу входит продовольствие не только Красной армии, но и местного населения, в особенности в городах и в промышленных центрах. Ему непосредственно подчинены опродкормармы, затем следуют опродкомдивы, потом опродкомбриги и, наконец, последним звеном этой цепи является уполномоченный полка.

Опродкомфронт должен учесть, какое количество и каких продовольственных продуктов можно получить на месте, и во-время доставить из других губерний все недостающее, чтобы покрыть дефициты. Старые армии действовали в этой области чисто принудительным способом, — и максимум принудительности применяли к крестьянству. Напротив, красноармейская продовольственная организация в своих действиях исходит из того, что массовое крестьянство должно послужить одной из главных опор советского строя. Поэтому она везде и повсюду старается достигнуть добровольного соглашения. Конечно, это в высокой степени осложняет работу. Все время приходится учитывать политическую сторону дела. Ввиду этого все продовольственные органы работают в постоянном контакте с политотделами и ком-

мунистическими ячейками и действуют не принуждением, а больше всего убеждением. В деревнях устраиваются сходы, на которых выясняются потребности Красной армии и местные продовольственные ресурсы. Почти везде удается найти если не коммунистов, то все же политически достаточно толковых людей, которые помогают парализовать влияние кулацких элементов. Таким образом достигается и существенный побочный результат: политическое самоопределение той части крестьянства, которая является фундаментом советского строя. Красная армия оставляет за собою не вражду, а политическое понимание.

Повидимому, в этой области удастся достигать значительных результатов. Западный фронт не без оснований считается „голодным фронтом“. Он „голодный“ по сравнению не только с Западной Сибирью, но и с Украиной, несмотря на зедород текущего года. Положение бесконечно усложнилось и затруднилось разрушением железных дорог. Несмотря на то, продовольствие Красной армии удалось поставить вполне удовлетворительно. В мясе нет недостатка, добывается картофель и хлеб. И все это приходится добывать не в малой мере от местного населения.

Отношение даже ломжинского крестьянства к Красной армии является убедительным свидетельством тактичности, проявляемой продовольственной организацией в своих действиях.

Х. КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В КРАСНОЙ АРМИИ.

В Москве мне много раз доводилось наблюдать результаты просветительной работы в Красной армии. Я провел несколько митингов и прочитал несколько лекций в казармах на курсах командного состава, на пулеметных и артиллерийских курсах, в Лефортове, Сокольниках, Кремлевском подрайоне и т. д. Меня всегда поражала толковость вопросов и содержательность записок с вопросами, подававшихся после лекций. Они показывали, что мысль курсантов работает и овладевает предметом беседы, что среди них уже раньше велась значительная работа. Мне часто казалось, что по своей общеобразовательной и политической подготовке они в среднем превосходят курсантов Коммунистического Университета, вопросы и записки которых на первых порах обнаруживали недостаток сосредоточенности и умственной дисциплины.

Во время поездки по западному фронту я увидал, какой громадный культурно-просветительный аппарат работает в действующей армии. Он возглавляется Политуправлением Реввоенсовета Республики („Пур“). Ему подчинены политуправления фронтов. Дальнейшая иерархия учреждений соответствует подразделениям Красной армии: поларм (политотдел армии), подив, — и затем комиссар дивизии, комиссар бригады, комиссар полка, политический руководитель (политрук) батальона, политический руководитель роты (политрукрот). В каждой части имеется коммунистическая ячейка (комячейка); взаимная связь между ячейками разных ступеней соответствует организационному расчленению Красной армии.

Еще недавно политические комиссары полков, бригад, дивизий и т. д. должны были осуществлять в первую очередь политический контроль за командным составом. Безусловная необходимость его ярко демонстрировалась такими случаями, как измена Муравьева в начале

чехо-словацкого восстания или почти поголовная измена командующих на Красной Горке осенью 1919 года. В настоящее время командный состав подобрался надежный в политическом отношении, и условия его работы таковы, что командиры рот, полков и т. д. должны чувствовать себя куда лучше, чем в старой казарменной, крепостнической армии с ее тупой кастовой иерархией. Рядовые красноармейцы с присущей им чуткостью увидали, что их ведут в бой *товарищи*, которые не предадут их и всю свою жизнь связали с их жизнью. Раньше политический комиссар был необходим для обеих сторон, которые с недоверием относились друг к другу. Политический он являлся буфером, который сглаживал трения и предотвращал прямые острые столкновения. Теперь обе стороны сработались друг с другом. И если даже командующий не коммунист, что все еще остается довольно распространенным явлением, то и в таком случае коммунист-комиссар требуется в Красной армии не в качестве авторитетного посредника между сторонами, а в совершенно иной роли¹).

Характер работы политического комиссара и руководителя коренным образом изменился. В ней на первый план выдвинулась общекультурная и общеполитическая сторона.

Сухой перечень учреждений, объединяемых Политуправлением Запфронта, даст некоторое представление о громадном размахе, какой приобретает культурно-политическая работа в Красной армии.

В ведении Политуправления Западного фронта находится более десятка различных отделов. Из их числа упомянем об отделах снабжения, литературно-издательском, пропагандистско-агитационном, зап-центропечати, организационном, агит-пунктов, агентурном, секретариате, общем отделе, инспекции военных оркестров.

Ограничусь немногими замечаниями о некоторых из этих отделов.

Литературно-издательский отдел развернулся в широкую организацию. Ежедневно выпускается „Красноармейская Роста, стенная газета“. Она печатается крупным четким шрифтом. Несколько строк, набранных особенно крупным и жирным шрифтом, дает боевые лозунги или отмечает важнейшие происшествия за день. Так, напр., в номере от 15 августа значится: „Первые шаги организации Польской Революции уже сделаны: рабочие и крестьяне Польши, втянутые буржуазией в предательскую авантюру, призваны Революционным Комитетом Польши к организованному восстанию против эксплуататоров. Да здравствует Польская Революция! Да здравствует Советская Польша!“.

В тексте напечатан соответствующий приказ Польского Ревкома, оперативная сводка, важнейшие сведения, указывающие, что пролетариат Запада идет на поддержку нашей революции, сообщения о деятельности на нашем внутреннем, трудовом фронте и т. д.

С 10 августа начал выходить „Агит-бюллетень Запфронта“. Его основная задача — дать материал для местной печати. Программа издания, изложенная в первом номере, очень широкая: в „Бюллетень“ должно войти в сущности все, что интересует столичные газеты. Но кроме того особое внимание должно быть посвящено работе в Красной армии и изучению внутреннего и внешнего положения наших противников, в первую очередь Польши. До моего отъезда вышло три номера, и характер газеты, видимо, еще только определялся.

Время от времени издаются своего рода „непериодические газеты“. Так, напр., 22 августа вышел лист, по емкости близкий к по-

¹ На этой стороне дела подробнее останавливается тов. И. Т. Смилга, в небольшой, но очень содержательной брошюре: „Строительство армии“. 2-е изд. М. 1920.

дунисту „Правды“, под заглавием „Красные войска, вперед!“. В него вошли приказы и воззвания Реввоенсовета Республики, III Интернационала, Калинина и Ленина, относящиеся к польской войне вообще и к той ее фазе, которая наступила со второй половины августа, в частности. А на второй странице—несколько энергично написанных коротких статей-воззваний, сообщения, характеризующие нарастание революционной энергии в западно-европейском пролетариате, и изложение выдвинутых нами условий перемирия с Польшей.

Ежедневная газета „Звезда“, размером с наши столичные газеты, издающаяся в общем по программе последних, является органом Центрального Комитета Коммунистической Партии Литвы и Белоруссии и *Политуправления Реввоенсовета Западного фронта*. Литературно-издательский отдел последнего—издатель газеты. В составе сотрудников работникам Политуправления принадлежит видное место. До конца августа вышло уже более шестидесяти номеров этой газеты.

Я долго не кончил бы, если бы стал перечислять неперiodические издания, выпущенные Литературно-издательским отделом в течение хотя бы только тех 1½ месяцев, когда я был на фронте. Передо мной—целая груда их на русском, польском, еврейском, белорусском, литовском и латышском языках. Плакаты, листки, брошюры и брошюры. Обращение Совета Народных Комиссаров от 20 июля, воззвание II конгресса Третьего Интернационала, известная нота Керзона от 12 июля и ответ на нее тов. Чичерина, выпущенные с энергичным введением тов. Смилги, манифест Польского Ревкома, воззвание Варшавского Совета Солдатских Депутатов, воззвания Реввоенсовета Запфронта, выясняющие особые задачи Красной армии, возникающие с ее продвижением вперед. Одних листков и брошюрков тов. Демьяна Бедного, выпущенных Литиздатом Запфронта и не известных тыловому читателю, не менее десятка. Некоторые из них неоднократно переиздавались политотделами различных армий. Вообще агитационно-издательская деятельность приобретает широкие размеры. В приложениях читатель найдет некоторые образцы этой литературы. Вдумавшись в них, он признает, что она дает некоторое представление о культурной силе, вырастающей в виде Красной армии.

Целый ряд приказов говорит о борьбе с заразными болезнями, о санитарных и гигиенических мерах и т. д. Издаются листки и плакаты соответствующего содержания.

Отдел Запцентропечати организован только в августе. В то время, как отдел снабжения имеет своей целью распространение литературы в Красной армии, только что названный отдел должен снабжать литературой население освобождаемых областей. В этом смысле Запцентро-печать является органом Центропечати.

В конце лета в ведение Политуправления Запфронта начали переходить агит-пункты. Наиболее широко развернулась деятельность агит-пунктов при больших узловых станциях, на которых красноармейские эшелоны имеют длительные остановки, и через которые проходят кроме того многочисленные пассажиры, ожидающие своей очереди. Бывают дни, когда агит-пункт работает непрерывно, с небольшими промежутками, и пропускает несколько тысяч зрителей и слушателей. Приходят ораторы, приписанные к агит-пункту, и говорят речи на текущие темы. Затем сеанс кинематографа, потом граммофон, иногда появляется оркестр,—и т. д. несколько раз, со сменяющейся программой в различной последовательности.

Конечно, и здесь можно указать на случаи жалкой постановки. Большая, но грязная комната с недостаточным освещением,

со стенами, с которых сиротливо выглядывают успевшие утратить всякий интерес плакаты и „Стенная Роста“, и с представляющими безотрадную пустыню столами, на которых разбросано три-четыре экземпляра одного и того же номера столичной или местной газеты да несколько случайных брошюр, — вот и весь агит-пункт.

Указывать на такие явления следует. Но следует также помнить, как расшатан у нас транспорт, до какой скудости и нищеты доведены мы империалистской войной и непрекращающимся натиском мировой буржуазии. Все наши учреждения, — и в тылу, и в Красной армии, — не таковы, какими они должны быть в социалистическом обществе. Все они дают лишь слабый намек на то, в каком направлении станет разворачивать их пролетарский режим, когда он получит опору в безграничных производственных возможностях, освобожденных от капиталистических оков.

Агентурный отдел Политуправления не имеет ничего общего с контр-разведкой. По своим функциям он скорее приближается к отделам снабжения и центропечати. Последние обслуживают потребности Красной армии и местного населения. Напротив, агентурный отдел имеет задачей политическую пропаганду среди противника как в его армии, так и в тылу. Из общей характеристики листов и брошюр, выпускаемых Литиздатом на местных языках, видно, что многие из них предназначены для распространения среди неприятеля. В классовой войне это дело приобретает первенствующее значение.

Учреждения Политуправления Запфронта находят продолжение в учреждениях, охватываемых политотделами армий. И на этот раз приходится ограничиться голым перечнем. Политотдел каждой армии должен развернуть следующие отделения, которые, впрочем, могут различно комбинироваться в разных случаях: общее, редакционное, организационное, учетно-распределительное, инструкторское, интернациональное (обслуживание потребностей местных национальностей), информационное, статистическое, клубное, школьно-библиотечное, финансовое, экспедиционное, хозяйственное, типография, склады и мастерские, партийная школа.

Пожалуй, в некоторых случаях наблюдается размах, превышающий наличные возможности, и нет представления о надлежащем разграничении функций между центральными учреждениями Республики и политотделами армий. Я не мало был удивлен, например, узнав, что в *поездной* типографии одной армии набирается и печатается „Азбука коммунизма“. Представитель политотдела армии с торжеством заявлял, что набрана и скоро будет отпечатана уже пятая или даже четвертая часть книги. Легко представить себе, какие превратности могут встретиться на пути *поездной* типографии. Не будет ничего удивительного, если работа не продвинется дальше, и отпечатанное начало книги окажется грудой испорченной бумаги. Во всяком случае, эта работа на долгое время должна иммобилизовать *поездную* типографию, — или же продолжение ее придется снова и снова откладывать. Мне всегда казалось, что такие типографии следует использовать для маленьких работ, — для листов и брошюр, оригинальных и перепечаток. Конечно, при редкостно счастливым стечении обстоятельств данная армия через много-много месяцев может похвалиться, что у нее имеется собственное издание „Азбуки коммунизма“ в пяти-семи тысячах экземплярах. И, разумеется, организаторы могут и теперь с удовлетворением поглядывать на вагоны типографии, предвосхищая радостный момент, когда книга будет закончена. Но теперь все армии переживают неописуемо острый голод в литературе, — не только

в книгах, но и в агитационных брошюрках и даже в листках. И этот голод можно было бы хотя отчасти удовлетворить за счет бумаги и типографских возможностей, затрачиваемых теперь на „Азбуку коммунизма“.

И, дальше, если уж перепечатывать такие книги, незачем набирать их заново: можно было бы достать матрицы в Москве или Петербурге.

Заговорив о литературных делах, не могу не отметить, что местные партийные организации тоже не всегда знают, к чему приложить свои силы. Партийный комитет в одном губериском городе, в котором я останавливался, приступает к изданию большой, листов в 15—20, книги о Советской конституции. Ее написал профессор местного университета, — человек, научная и партийная ценность которого мало известна местным товарищам. Оценка книги поручена председателю комитета, старинному партийцу, умному и развитому рабочему, который много читал, но компетентность которого едва ли можно признать достаточной. А выпустить книгу предполагалось как партийное издание, со штемпелем местного комитета.

Конечно, такое кустарничество меня поразило. И поразило тем более, что, если не ошибаюсь, члены комитета убеждены, что положенная ими к изданию работа — первая работа о советской конституции, и не знают, что есть книжки (напр., тов. Стучки), достаточно пригодные для массового читателя, и что можно было бы просто переиздать их.

Неописуемый книжный голод заставляет обращаться к „своим средствам“. Но эти „свои средства“ способны лишь еще больше обострить его, а в некоторых случаях дать не пищу, а мало удовлетворительные суррогаты.

Возвращаясь к культурно-политическим учреждениям Красной армии. В заведывании политотдела каждой дивизии находится административно-хозяйственное, организационно-осведомительное и просветительное отделения.

В периоды таких быстрых наступлений, как с начала июля до половины августа, весь аппарат политуправления отрывается не только от действующей армии, но и от идущих вслед за нею пополнений. Конечно, здесь не до книжек и даже не до брошюр. Но все же кое-что было бы возможно и уже давно следовало бы сделать. И прежде всего необходимо стремиться к тому, чтобы армия держалась в курсе важнейших событий как русской, так и мировой жизни.

Надо потребовать, чтобы „Роста“ энергичнее обслуживала провинцию вообще и Красную армию в особенности. Не только в Белостоке через две недели по его освобождению, но и в Минске через месяц по вступлении Красной армии, и в Смоленске, имеющем хорошую телеграфную связь с Москвой, от „Росты“ получались невыразимо скудные сообщения, и местные газеты почти всю свою информацию вынуждены были почерпнуть из столичных газет. А эти газеты в течение долгого времени получались не каким-либо организованным способом, а „с оказией“, с товарищами, приехавшими из Москвы и, к счастью, догадавшимися привезти газеты.

Если уж „Роста“ не может быстро наладить телеграфного обслуживания, она могла бы ежедневно с поездами присылать свои сообщения, а затем политотделы сами должны наладить их немедленную рассылку по значительным центрам, еще лишенным железнодорожной связи.

Но и кроме информации кое-что было бы возможно доставить, если не действующей армии, то по меньшей мере ближайшему тылу

и пополнениям: листки, кинематограф, граммофон, летучие митинги — и применить то многообещающее начинание, которое называется „устной газетой“, и которое уже в августе с громадным успехом начали применять в прифронтовой полосе.

Политуправление Западного фронта пошло навстречу этим потребностям: политотделами армий и дивизий уже в августе начали выделяться *полевые* политотделы. Существеннейшая сторона в организации этого дела — вопрос о средствах передвижения. Отчасти удастся использовать, напр., санитарные кареты, походные кухни и т. д., направляющиеся на фронт. Но это дело настолько важное, оно способно настолько повысить уровень Красной армии и укрепить ее внутренние связи с Россией и со всем миром, что оно заслуживает в собственных, самостоятельных перевозочных средств.

Вот некоторые дополнительные штрихи, характеризующие разнообразие деятельности политотдела Запфронта и применяемые в ней способы.

Приказом от 20 июня предписано: 1) ко всем митингам привлекать медицинских работников, давая им возможность выступать хотя бы с краткою речью по тем или иным вопросам санитарии; 2) включить в программы партийных школ и различных курсов, организуемых политотделами, как обязательный предмет хотя бы элементарный курс по анатомии и физиологии, а также по гигиене и заразным болезням; 3) на всех конференциях военкомов и политработников ставить в порядок дня вопросы санитарного просвещения с той целью, чтобы привлекать к делу санитарии широкие красноармейские массы.

Приказом от 26 июня предписано: „поармам и подивам развить самую живую и усиленную агитацию — устную, письменную и изобразительную — за борьбу со всякого рода болезнями и эпидемиями, привлекая к этому делу имеющиеся в армиях медицинские и культурные силы“.

Приказом от 28 июня политотдел Запфронта предписал в 10-дневный срок реформировать агит-поезд, в котором должны быть следующие части: 1) лекторско-агитационная коллегия, 2) инструкторская коллегия, 3) кино-часть, 4) концертно-драматическая труппа с духовым оркестром, 5) клуб-читальня, 6) литературно-информационная и съемочная часть и 7) санитарно-гигиеническая часть. Район работы поезда должны составить: а) ближайший тыл Западного фронта, при чем обслуживаются преимущественно резервные красноармейские части и крестьянство; б) местности, освобожденные от неприятеля.

Лекторско-агитационная коллегия составляется из шести квалифицированных работников, из которых каждый может быть и агитатором, и лектором. Инструкторскую коллегия образуют три ответственных инструктора политуправления (в то время еще политотдела) Запфронта; они должны инструктировать политпросветительное дело в красноармейских частях (во время работы поезда в ближайшем тылу) и дело советского строительства (при работе поезда в местностях, освобожденных от неприятеля). Концертно-драматическую часть предписано организовать в составе не свыше 15 человек с таким расчетом, чтобы артисты могли давать как концерты, так и драматические представления. Духовой оркестр оборудовать в составе не свыше 23 чел. Клуб-читальня должна представлять образец маленького агитпункта и заключать в себе: клуб, библиотечку-читальню с текущей прессой, граммофон, игры, чайную, справочное бюро и бюро жалоб. Литературно-информационно-съемочная часть представляет бюро, собирающее и передающее в Литиздат весь материал, касающийся работы поезда и

культурного, экономического и политического положения как красноармейских масс на фронте, так и трудящихся в освобожденных от неприятеля местностях. Эта же часть надаёт при помощи соответствующих органов листовки, воззвания, делает снимки, наиболее ярко характеризующие боевую обстановку, и т. д. Санитарно-гигиеническая часть должна обслуживать главным образом красноармейские части в санитарно-гигиеническом отношении. При этом отделе устраивается баня, прачечная, парикмахерская, дезинфекторская и выставка по санитарно-просветительным вопросам.

Приказом от 17 июня в Смоленске, где тогда находился политотдел (позднейшее политуправление) Запфронта, были организованы двухмесячные курсы по очень широкой программе.

По приказу от 20 июля в Смоленске же при политотделе запасных войск были организованы одномесячные политические курсы для подготовки опытных политработников и для привлечения к активной политической работе красноармейских масс, а также в целях пополнения политработниками рядов армии. На курсы должны приниматься главным образом грамотные красноармейцы запасных войск фронта, желающие активно участвовать в революционной борьбе и политической жизни Советской Республики. „Главная цель курсов: выработать навыки и дать общие фактические знания о постановке политической и культурно-просветительной работы в рядах Красной армии“. Предлагается обратить особое внимание на устройство групповых бесед и выступлений курсантов среди красноармейских и рабоче-крестьянских масс. „Все окончившие курсы направляются политотделом в части, из каковых были вызваны. В исключительных случаях политотдел более видных и успешных курсантов оставляет за собою и распределяет по своему усмотрению“.

Программа занятий на этих курсах такая: 1) политическая грамота—18 часов; 2) конституция Р. С. Ф. С. Р.—8 час.; 3) основы научного социализма—18 час.; 4) история тактики и программа Р. К. П.—6 час.; 5) строительство Красной армии—8 час.; 6) организация коммючеек, политекружков, бесед, митингов, собраний, библиотек, школ, читален—10 час.; 7) теория агитации и пропаганды—6 час.; 8) гражданская война и Красная армия—6 час.; 9) итоги советского строительства за 2 года—8 час.; 10) империализм и социализм, современная война и мировая революция—8 час.; 11) по вечерам практические работы секций: агитационной, политическо-организационной, культурно-просветительной—по 2 часа в день; 12) военные занятия—по 1 часу; 13) спорт—по 1 часу в день; 14) гигиена и санитария—8 часов; 15) начатки естествознания—8 часов. Итого получается 192 часа или по 8 часов в день.

Несомненно, очень многое по части подготовки политработников можно было бы сделать в тылу, и со временем так и будет делаться. Но всевозможные курсы, партийные школы, университеты и т. д. находятся у нас еще в периоде организации и во всяком случае успели выпустить лишь самое ничтожное количество курсантов. Красноармейским учреждениям приходится налаживать это дело на фронте.

К сожалению, у меня нет данных, чтобы хотя приблизительно установить количество политработников в Красной армии. Во всяком случае оно очень и очень большое, пожалуй, даже несуразно большое. И может оказаться, что при нашей бедности бумагой, а следовательно, и газетами, брошюрами, листками, а также при бедности кинематографическими приспособлениями, средствами транспорта и т. д., количество работников, занятых в некоторых отделах, слишком сильно

не соответствует размерам работы, которая может быть выполнена: количеству распространяемой литературы, числу киносеансов, даже числу посетителей таких пустынных агит-пунктов, как характеризованные выше.

У меня не было возможности изучить эту сторону дела. Но не могу не отметить, что некоторые лица из командного состава указывали на крайнюю численную недостаточность этого состава в боевой линии и на большую убыль его в сражениях. Я знаю случаи, когда в боях первой половины августа в некоторых частях выбыло из строя до 70—80% командного состава: урон, далеко превышающий убыль рядовых красноармейцев в наиболее пострадавших частях. Пополнение комсостава идет очень медленно: обычное явление здесь — некомплект. Напротив, говорили мне мои собеседники, в политотделах все штаты постоянно заполнены и во многих случаях лицами, которые вполне пригодны на командные должности, — занимали таковые еще в старой армии, — и с политической стороны не возбуждают никаких сомнений.

По совершенно понятным причинам я просто регистрирую это мнение. Думаю, что, если оно правильно, кое-что можно было бы и следовало бы предпринять.

Опасаюсь также, что здесь у нас развелось слишком много бумажной работы, и между прочим слишком много анкет, которые накаплиются и никогда не будут разрабстаны и использованы.

В заключение скажу, что, если Коммунистическая партия создала в Красной армии еще не действительный культурно-политический аппарат, то во всяком случае осто, основу этого аппарата. Он уже и теперь выполняет значительную работу. Он развернет эту работу в широком масштабе, когда в тылу организуются партийные курсы, школы и университеты, когда пойдут бумажные фабрики и типографии, когда наладится кинематографическая и граммофонная промышленность и т. д.

Но уже и теперь Красная армия побеждает, неся в одной руке меч, а в другой — красное знамя.

XI. ПЕРСПЕКТИВЫ КЛАССОВОЙ ВОЙНЫ.

Мы живем в небывалой по революционности обстановке.

Наше сознание не успевает овладевать стремительно изменяющимися отношениями. Оно плетется в хвосте выдвигаемых ими требований.

Большевики „ломают“, „разрушают“, „искусственно ускоряют“ („форсируют“) необходимый ход вещей: таковы обычные обращения к коммунистам упреки.

Но когда у нас находится время для того, чтобы оглянуться на пройденный путь, мы открываем, что были недостаточно решительны, слишком опасливо порывали с прошлым, слишком «органически» хотели идти в революционном строительстве и потому расточали время и силы. Напомяю хотя бы наше барахтанье с потребительской кооперацией, продолжавшееся почти полтора года, и не менее нудную канитель, которая угрожает завязаться с другими видами кооперации.

Я вспомнил об этом, и мне самому стало странно. Как далеко все это отсюда, от фронта! Как ясно, просто — но и мелко — по сравнению с грандиозными задачами, которые здесь начинают схватывать!

Надо стремиться к тому, чтобы мы и тут безнадежно не отставали от требований, которые предъявляет нам и будет предъявлять

развертывающаяся мировая пролетарская революция. Надо трезво учитывать мировую обстановку и встречать подготовленными всякое ее изменение.

Были ли мы готовы к такой затяжной, непрерывной и напряженной борьбе? Когда, „приемля“ Брестский мир, мы толковали о необходимости „передышки“, у всех ли было ясное представление, что несет она с собой?

Большинство, несомненно, предвидело такие белогвардейские восстания, как, например, разразившееся в Ярославле. Чем больше будет пролетариат забирать власть в свои руки, чем энергичнее проведет он работу социалистического строительства, тем, до поры до времени, чаще будут контр-революционные выступления: это мы признавали естественным и неизбежным. Большинство представляло себе гражданскую войну преобладающе внутренним делом. Исход империалистской войны тогда еще не был даже отдаленно решен, и поэтому могло казаться, что борющимся группировкам еще неопределенно долгое время будет не до вмешательства в наши дела. Нам предстоит строить и по-прежнему подавлять внутреннее восстание, не давая им развернуться во внутреннюю войну.

Выступление чехо-словаков было неожиданностью для многих. За ним искали случайных и побочных причин, — например, склонны были думать, что восстание вызвали „неосторожностью“ и „резкостью“ обращения к чехо-словакам. В нем еще не видели первого акта открывающейся длинной полосы „интервенций“ (вмешательств) окружающего нас буржуазного мира, лелеющего надежду задавить очаг социалистической революции.

И даже в тот период, когда чехо-словацкое восстание при содействии эс-эров и меньшевиков (самарские и уфимские „учредивовцы“) превратилось в колчаковское „правительство“, в этом многое также казалось случайным. Только после долгого опыта мы пришли к убеждению, что мировой капитал, пока он существует, все время будет пользоваться эс-эрами, меньшевиками и соглашательскими правительствами то для таких выступлений, как идиотская авантюра „левых эс-эров“ летом 1918 г., то для прямой войны против Советской России (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша и т. д.).

Мы издеваемся над демократическими иллюзиями, мы воображаем, что охватили всю беспощадную суровость развертывающейся борьбы капиталистического мира против социалистической революции. Но в действительности мы еще недостаточно реалистичны, в нас еще сохраняется слишком много благодушия, — куда больше, чем у наших противников. Это сказалось даже в начале текущего года.

В основе превращения некоторых боевых армий в трудармии лежала правильная оценка международного положения первой и пока единственной социалистической республики. Выдался такой момент, когда представлялось возможным сократить численность стоящей под ружьем армии. Для инициаторов превращения некоторых красноармейских частей в трудовые армии было ясно, что это положение временное, даже по всей вероятности очень кратковременное: буржуазный мир вскоре опять вооружит против нас новые банды и полчища. Значит, преждевременно думать о демобилизации, хотя бы частичной: демобилизовавшись, следовательно, разложившись на разбросанные элементы, армия перестанет быть организацией, приспособленной для боевых действий. При необходимости вновь увеличить Красную армию придется вновь собирать разрозненные элементы (мобилизация) и связывать их в организм, необходимый для ведения

войны (повторная подготовка, подбор командного состава, необходимость всем частям и элементам „сработаться“ между собой и т. д.).

С другой стороны, при страшной экономической разрухе нечего и думать о такой расточительной роскоши: просто держать под ружьем красноармейские части, которые потребуются только в будущем. Против этого говорят даже чисто военные соображения: вынужденно праздные красноармейские части начнут разлагаться, перестанут быть стройной и сплоченной организацией.

Это было ясно для Маркса и Энгельса еще в начале 50-х годов. Среди приложений к „Разоблачениям о кельнском процессе коммунистов“ имеется документ, который можно считать первой программой Коммунистической Партии. В нем имеется такой пункт: „Всеобщее вооружение народа. В будущем армии должны быть одновременно и рабочими армиями, чтобы войско не просто потребляло, как было раньше, но производило бы больше, чем составляют издержки по его содержанию. Кроме того, это является средством организации труда“ (Маркс и Энгельс, Собрание сочинений, т. II, стр. 517).

На этот путь ступила и Российская Социалистическая Республика. Она решила использовать красноармейские части, освобожденные от боевых задач, для производственных целей, и именно таким способом сохранить их организованность. С изменением международной обстановки, они быстро могли бы возвратиться опять под ружье, в ничтожной мере утратив те связность и целостность, которые превращали их в боевой механизм.

Но и здесь кое-кому уже стало казаться, что напряженный период борьбы вообще миновал на сравнительно продолжительный срок, и что, пожалуй, пора, если не перековывать мечи в орала, то все же отодвинуть военные дела на более или менее отдаленное место. Польское наступление вывело их из мира иллюзий.

Но если даже в наших партийных кругах не обманывают себя относительно длительности и решительности борьбы, то все же нет достаточно ясного представления о степени ее неизбежного расширения и о тех требованиях, которые она предъявит нам своим расширением. Агитационно она уже давно, с самого начала перерасла государственные рамки: еще в период брестских переговоров наша делегация будила пролетариат и всех угнетенных всего мира. Но организационно и в особенности технически мы ведем борьбу, опираясь почти исключительно на ресурсы Российской Советской Республики.

При таких обстоятельствах мне было очень приятно встретиться в наших молодых командных кругах с замечательно трезвыми воззрениями на дело. В дальнейшем я постараюсь изложить эти воззрения, при чем отчасти воспользуюсь некоторыми напечатанными и еще не напечатанными работами командующего Западным фронтом тов. М. Н. Тухачевского, которые он любезно предоставил мне, а также долгими беседами с ним во время поездок по фронту.

С октябрьской революции 1917 года Россия представляет социалистический остров. Буржуазия не может допустить существования этого острова. Если бы социалистическая Россия представляла повторение Парижской Коммуны на новом уровне развития, то война могла бы прекратиться на более или менее значительный срок с ее подавлением. Напротив, в настоящую историческую эпоху война закончится только тогда, когда пролетариат завоеует диктатуру во всем мире.

Об этом говорит вся мировая обстановка, все международные отношения. Социалистическое государство не может увильнуть от этой

задачи,—и в очень ограниченной мере, только до известных пределов, может отсрочивать ее решение. У социалистического государства, как бы оно этого ни хотело, никогда не будет мирных границ с буржуазными государствами. Эти границы всегда будут представлять фронт, хотя бы и в скрытом виде. Одно это обстоятельство заставляет социалистическое государство постоянно упрочивать свои вооруженные силы. Фактически оно не выходит из состояния войны с окружающим миром. Пора перестать действовать ощупью,—пора высказать то, что есть, и поставить на очередь дня создание боевой силы, достаточной для того, чтобы мировая буржуазия была вынуждена считаться с неизбежностью возмездия за ее „интервенции“.

Но, скажут, это—задача неосуществимая. Социалистическая революция приходит и идет в сопровождении страшной экономической разрухи. Борьба с нею требует напряжения всех сил, использования всех возможных ресурсов. Есть ли какая-нибудь возможность забирать под ружье и длительно оставлять в Красной армии сотни тысяч производительных работников?

Перед страной, впервые осуществившей диктатуру пролетариата, выдвигается интернациональная задача: завершение социалистического переворота путем его обобщения, путем распространения его на весь мир. И было бы нелепо при изыскании средств для разрешения этой интернациональной задачи держаться в национальных рамках. Необходимо обобщить и возвести в систему то, что теперь делается ощупью, от случая к случаю; необходимо сказать, что источником комплектования армии является пролетариат всего мира, независимо от национальности.

В интернациональном масштабе перед пролетариатом всего мира разворачиваются те же задачи, которые нам пришлось решать в национальном масштабе. Наша Красная армия существует менее трех лет, но уже имеет за собой богатую опытом историю. Первоначально она появилась, как преобладающе партийная организация. В нее шли главным образом коммунисты, но и они шли в порядке не партийной мобилизации, а индивидуального решения. Это — Красная гвардия, формировавшаяся из добровольцев. Затем состоялся переход к системе наборов, которые однако проводились таким образом, что Красная армия сохраняла вполне определенный классовый состав. В нее брались элементы, не причастные к эксплуатации наемного труда, т.-е. пролетарские и мелко-крестьянские элементы. Кулацкие элементы не освобождались от набора, но они оставались в глубоком тылу, далеко от внешних и внутренних фронтов контр-революции, и выполняли здесь всевозможные работы по обслуживанию Красной армии. С расширением борьбы вовне и с упрочением диктатуры пролетариата внутри фактически совершился переход ко всеобщей воинской повинности. Красная армия и здесь остается классовой армией, но только в том смысле, что ее направляет воля класса-диктатора, пролетариата.

Большой опыт пережила наша армия и с использованием военных специалистов, созданных собственническим обществом. Из высших специалистов военного дела удалось использовать очень немногих. В общем пришлось создавать широкие кадры новых специалистов. Мы еще не скоро справимся с этим трудным делом.

И то, чего мы достигли, и то, в чем мы ошибались, представляет большой интерес, не только теоретический, но и практический. Ввиду этого необходимо широко ознакомить коммунистические партии Запада с Красной армией и теми войнами, которые Советская Россия вела в 1918—1920 годах.

Все мы признаем, что Третий Интернационал должен быть интернационалом борьбы, и что в него могут войти только партии, которые не станут под тем или иным предлогом уклоняться от гражданской войны. Конечно, речь идет в первую очередь о гражданской войне в рамках отдельных государств. Но было бы недостаточно, если бы борьба отдельных коммунистических партий оказалась интернациональной только по своей связи с развивающейся мировой революцией. Приближается время, когда она должна развертываться, как непосредственно, с самого начала интернациональная гражданская война, или гражданская война в интернациональном масштабе.

Из этого следует практический вывод: „учитывая неминуемость мировой гражданской войны в ближайшее время, необходимо теперь же создать генеральный штаб Третьего Коммунистического Интернационала“. Одна из задач этого штаба — „заранее учесть силы и средства сторон в будущей гражданской войне“.

„Чтобы избежать тех трудностей и шероховатостей, от которых страдали мы при создании нашей Красной армии, необходимо подготовить рабочих красных офицеров, надо заранее подготовить и старших строевых начальников и штабных работников.“

„Мировая гражданская война не должна быть неожиданностью. Рабочий класс должен быть подготовлен к тому, чтобы с захватом оружия немедленно построиться в регулярную Красную армию.“

„Между прочим, учитывая трудности в деле подготовки офицеров из рабочих в буржуазных странах, необходимо у нас, в Советской России, открыть ряд военных училищ и академию генерального штаба для подготовки командного состава из рабочих и коммунистов на их языках.“

„Обстановка не позволяет затягивать этого дела. Мы стоим накануне мировой гражданской войны, руководить которой со стороны пролетариата будет Коммунистический Интернационал. Органы военного управления нелегко подготовить, и потому надо теперь же и усиленно взяться за их создание“...

На этом я обрываю свое изложение. Я буду вполне удовлетворен, если в партии начнут больше и больше задумываться над поставленными вопросами.

Следует помнить, что наши противники почти с самого начала интернационализировали свои военные действия против нас. Все ли сделали мы для того, чтобы ответить Антанте тем же оружием, которое в наших руках окажется бесконечно превосходящим антантовское по своей силе?

ПРИЛОЖЕНИЯ

К ГЛАВЕ I.

В конце июня Красная армия перешла в решительное наступление на Юго-Западном фронте. На Западном фронте после первой попытки нажима положение оставалось более или менее неопределенным. Однако Политотдел и здесь готовил Красную армию к наступлению. Из ряда изданных им в это время листовок воспроизводим один, в котором, как и в других, достаточно подчеркнуто, что мы воюем только против панов:

Начало сделано. Горе не доводящим до конца.

Красная армия разорвала неприятельский фронт и почти на всем протяжении польского фронта противник отступает, теряя обозы, много пленных и убитых.

Тесня противника, мы движемся снова вперед по всему фронту. Польская армия, которая в беспорядке отступает от Днепра, подвергается сейчас нашим сильным ударам и во фланг.

Мы наступаем, — неприятель, где в беспорядке, где в паническом ужасе, отступает. *И наша задача:* не дать им передышки, не дать им возможности вновь собраться и сделать перегруппировку своих сил, а продолжать их гнать все назад и назад.

Этим мы внесем разложение в ряды противника. Превратим его отступление в паническое, и тогда — победа за нами будет обеспечена. Тогда нам необходимо будет только гнаться за ним, как в свое время за Колчаком и Деникиным, пока не сметем панов совсем с лица земли.

Но до этого мы не можем легко относиться к польской опасности. Мы не должны упиваться первой победой. При отступлении польский фронт укорачивается, а потому может образоваться резерв для более сильного сопротивления и даже для контр-наступления. Это надо учесть. И для того, чтобы это предупредить, опять-таки:

Ни минуты передышки отступающим панам.

Усилить наш натиск по всему фронту и гнать их беспощадно!

Начало сделано, надо довести его до конца.

Иначе обстоятельства могут измениться и война опять затянется.

Нам нужно скорее покончить с войной.

Смерть панам! Смерть последним нашим врагам!

Вперед! Наше наступление должно стать нашей конечной победой.

Политотдел Реввоенсовета Западного фронта.

Переходу Западного фронта в решительное наступление против белой, панской Польши предшествовал следующий энергично написанный документ, который, может быть, недостаточно ярко подчеркивал, что Красная армия несет освобождение польским рабочим и крестьянам:

II.

Приказ войскам Западного фронта, № 1423, гор. Смоленск,
2 июля 1920 года.

Красные солдаты! Пробил час расплаты. Наши войска по всему фронту переходят в наступление. Сотни тысяч бойцов изготовились к страшному для врагов удару. Великий поединок решит судьбу войны русского народа с польскими насильниками. Войска красного знамени и войска хищного белого орла стоят перед смертельной схваткой.

Прежде чем броситься на врагов, проникнитесь смелостью и решительностью. Только наполнив грудь отвагой, можно победить. Да не будет в нашей среде трусов и шкурников. В бою побеждает только храбрый.

Пред наступлением наполните сердце свое гневом и беспощадностью. Мстите за сожженный Борисов, поруганный Киев, разгромленный Полоцк. Мстите за все издевательства польской шляхты над революционным русским народом и нашей страной. В крови разгромленной польской армии утопите преступное правительство Пилсудского.

В наступлении участвуют полки, разбившие Колчака, Деникина и Юденича. На защиту Советской земли собрались бойцы с востока, юга, запада и севера. Железная пехота, лихая конница, грозная артиллерия неудержимой лавиной должны смести белую нечисть. Пусть разоренные империалистской войной места будут свидетелями кровавой расплаты революции со старым миром и его слугами. Красная армия да покроет себя новой неувядаемой славой.

Взгляды всей России обращены на Западный фронт. Измученная, разоренная страна отдала все для организации победы над врагом. Рабоче-крестьянский тыл наш с трепетом ждет победы и мира. Оправдаем же надежды социалистического отечества. Докажем на деле, что усилия страны не пропали даром.

Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на запад. На западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На запад. К решительным битвам! К громозвучным победам!

Стройтесь в боевые колонны. Пробил час наступления. На Вильну, Минск, Варшаву — марш!

Командующий армиями Западного фронта М. Тухачевский.

Члены Реввоенсовета Запфронта Смилга и И. Уншлихт.

Начальник Генерального Штаба Шварц.

К ГЛАВЕ II.

Следующий документ, воспроизводимый в наиболее существенных пунктах, не требует пояснений. Он ярко характеризует особые способы разложения армии эксплуататоров, практикуемые в классовой войне. Такие способы пытались применять и белополяки, но им нечего было сказать Красной армии:

III.

Краткая инструкция для стрельбы 3-дюймовым агитационным снарядом из полевой 3-дюймовой скорострельной пушки образца 1918 года.

(Вложить в каждый снарядный укупорочный ящик.)

1) Агит-снаряды предназначаются для перебрасывания литературы, плакатов и газет на расстоянии не свыше 5 верст стрельбой из 3-х-дм. полевой пушки.

2) По внешнему виду агит-снаряды имеют вид обыкновенной 3-х-дм. шрапнели с дистанционной трубкой 34 сек. времени горения типа Шнейдера (шкала 0—130 дел.).

3) Агит-снаряд вместо пуль снаряжен листками агитационной литературы или матерчатыми плакатами или газетами, зашитыми в матерчатую оболочку.

Число листовое—от 48 до 60 в одном снаряде.

4) Отличительные знаки агит-снаряда:

а) Агит-снаряды с листовками имеют между ведущим пояском с центрующим утолщением красный поясик масляной краски, шириной $\frac{3}{4}$ дм. до 1 дм., а сам корпус шрапнели не окрашен.

б) Агит-снаряд с плакатами сверх указанной в п. а окраски имеет на головке красный крест.

в) Агит-снаряды с газетами сверх указанной в п. окраски имеют на головке 2 красных креста.

6) В виду трудности наблюдения разрывов агит-снарядов, в силу малого разрывного заряда и его малодымности, каждая партия агит-снарядов снабжается поверочно пристрелочными агит-снарядами в размере 10% того же веса, как и агит-снаряды, но дающим при разрыве более заметное облако разрыва.

7) Для уверенного производства стрельбы агит-снарядами по желаемому району надлежит сделать пристрелку по тому же району обыкновенными снарядами.

8) При стрельбе агит-снарядами необходимо:

а) установить наблюдение возможно ближе и не далее 1—1½ версты (при этой дальности падающие листовки еще наблюдаются з бинокль);

б) корректирование направления дальности и высот разрывов вести в зависимости от направления и силы ветра с расчетом получить падение литературы в желаемом районе;

в) иметь в виду, что при тихой погоде невыгоднейшая высота разрыва от 50—70 саженей.

9) Наблюдатель при условии удаления не далее 1½ версты от места разрыва агит-снарядов улавливает:

а) звук разрыва настоящего выстрела;

- б) слабое облако разрыва (только при благоприятном фоне);
- в) при разрыве снаряда с листовками наблюдаются тотчас после разрыва падающие листовки в виде „стаи птиц“;
- г) при разрыве снаряда с плакатами или газетами наблюдается медленное падение одного разворачивающегося плаката или пяти предметов с постепенно разворачивающейся оболочкой.

К ГЛАВЕ IV

Бывших генералов Брусилова, Поливанова и т. д. белопольская литература старалась и старается использовать всеми возможными и невозможными способами. Какие плоские выдумки пускались при этом в оборот, покажут небольшие извлечения из издававшегося на русском языке „Минского Курьера“, ежедневной будто бы беспартийной газеты (№ 291, 17 июня 1920 года). Любопытно, что и белополяки преподносят — мнимое свержение большевиков, как акт контр-революции.

IV

Падение большевиков в России.

ГДАНСК. 14,6 (ПАТ). Агентство Рейтера сообщает, что во Владивостоке принята радиотелеграмма из Москвы, сообщающая, что в России вспыхнула контр-революция. Троцкий убит, а Ленин скрылся. Образовано новое правительство под председательством Брусилова.

Осада Кремля.

ВЕНА, 14,6. Из Гельсингфорса получено сведение, что Брусилов был арестован, но освобожден взбунтовавшимися частями, которые потом осадили Кремль. Подробностей нет.

Сведения о Брусилове.

В последних советских газетах было помещено следующее известие из Москвы:

Военно-революционный совет отдал приказ об устранении 4 генералов, в том числе и Брусилова, и возбуждении против них судебного дела по обвинению в том, что во время наступления против поляков они погубили большевистские отряды.

Вся невозможность оправдать польское наступление в глазах крестьян и рабочих видна из образчиков литературы, которой белополяки намеревались разлагать Красную армию. Они очень хотели бы обогатить советский строй и привлечь на свою сторону несознательных, но при этом им приходится выезжать единственно на посулах напирок и т. д., высоких денежных заработков, которые будто бы станут платить паны, и на попытках разжечь вражду к евреям. Скучное

и скудоумное литературное творчество белополяков быстро застопорилось за явной бесполезностью и безрезультатностью.

Первый из воспроизводимых ниже документов—книжечка из четырех маленьких листков папиросной бумаги, на которых напечатаны строки, представлявшие автору стихами.

V.

Товарищу (красноармейцу) по-
дарок

Бумажка для сигарок
Что в ней написано
Прочти внимательно
Очень назидательно

Большевики научили в 1917 г.,
как окончить войну: нужно де-
мобилизироваться самим.

Идите домой! Демобилизуйтесь
сами!

В Советской России:
Свобода—для комиссаров, они де-
лают, что хотят.

Братство—для евреев: они все
помогают друг другу.

Равенство—для всех прочих, они
все равно страдают.

На позиции ты страдаешь,
Мерзнешь, голодаешь.
Смерть тебя повсюду ждет,
Взад пойдешь или вперед,
Комиссары же в дворцах
Знай—тайком пируют,
При зеленых пьют столах
В ус себе не дуют.
Называется свобода
Для „рабочего“ народа.

Следующий документ возглавляется лозунгом, прямо взятым у эс-эров, и несет штемпель, на котором красуется тот же лозунг. Едва ли стоит упоминать, что измышлены не только подписи под документом, но и названия красноармейских частей.

VI.

В борьбе с коммунистами обретешь ты право свое.

Пропуск к полякам.

Предъявителя сего, бежавшего из войск Л. Троцкого, накормить хорошо, снабдить папиросами и отослать в штаб дивизии, откуда он будет по истечении двух недель отпущен на волю.

Добровольно переходящим разрешается работать на полевых работах за установленное жалованье 30 марок (300 сов. рублей) ежедневно.

Желающие переезжать на Юг России, где крестьянская армия Врангеля подходит к Ростову и Екатеринославу, на основании этого

пропуска пользуются правом получения проездного железнодорожного и пароходного документа.

М. П.

Мы нижеподписавшиеся представители 214 красноармейцев, 21 и 5 пех. дивизии и весь 59 полк кавалерии „Стеньки Разина“ и IV бригада кавалерии подписью подтверждаем точное исполнение вышеизложенных условий.

Васюков Виктор
5 р. 184 полк.
Градобоев Филипп
5 р. 44 полк.
Щапов Андрей
39 полк.
Соловьев Алексей
153 полк.

Карташев Артемий
5 р. 44 полк.
Коваль Сидор
телегр. 5 р. 150 п.
Новиков Николай
59 п. кав.
Синица Александр
59 п. кав.

Горбачев Павел
59 п. кав.
Ахмид-Вали-Нефигов
59 п. кав.
Уткин Василий
59 п. кав.
Власов Тимофей.
59 п. кав.

Товарищи! Спрячьте этот пропуск, он окажет вам великую услугу.

К ГЛАВЕ V.

Я уже упоминал о близости белорусского языка к русскому. Для иллюстрации приведу начало передовой статьи из газеты „Советская Белорусь. Часопись Цэнтральнаго Комітэту Комуністкай партыі Літвы і Беларусі“ (№ 10, 22 июля 1920 года).

VII.

Вялікі страх і сполах ахашу ўсю панскую і шляхецкую Польшу. Як у сударагах трапечуцца яснавельможныя паны і стараюцца сабраць усе сілы, каб паправіць палажэння і спыніць наступ Чырвонае арміі.

Для арганізацыі абароны яны залажылі савет абароны, абвясцілі Польшу на ваенным палажэнню, пішуць адозвы да насялення біскупы. Пілсудкі і сацыял-прадаўнікі, гуртуюць добравольную армію, згаваюцца з Урангялям, нісціхання вымольваюць помач у хаўруснікаў і стараюцца падгаварыць Румыню і Венгрыю пайсці на бальшавікоў.

VIII.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие и крестьяне Литвы и Белоруссии!

Вы уже хорошо узнали своих „освободителей“—польских панов. Каждый из вас видит и чувствует, что они вам принесли.

Они принесли власть помещиков и капиталистов.

Они отняли землю от рабочих и крестьян и опять передали ее помещикам. Они отняли заводы от рабочих и передали их капитали-

стам. Они дали полную свободу помещикам, разбойникам-жандармам и темным солдатам грабить и убивать рабочих и крестьян. Они бьют и издеваются над вами хуже, чем в подлые царские времена. Не щадят ни женщин, ни детей.

Они наполнили тюрьмы рабочими и крестьянами и превратили их в самые ужасные застенки пыток и истязаний. Сотни и тысячи рабочих и крестьян они уже отправили к праотцам.

Они уничтожили советы рабочих и крестьянских депутатов и на их место поставили панские рады — помещиков с бизунами, жандармов, войтов-кулаков, которые во всем послушны помещикам.

Они много кричали о свободе, но свободу дали только помещикам, капиталистам и всем врагам трудового народа.

Рабочим и крестьянам они дали свободу только помирать от голода и холода или от пули извергов-жандармов и темных разнузданных солдат.

Польские паны много обещали рабочим и крестьянам — и хлеб, и мануфактуру, и все, что только хотите, но ничего не дали. Все, что могли, они себе загребли. Возмещая свои убытки, они отнимают даже последнее добро рабочих и крестьян.

Паны-то сами превосходно устраивались на различных теплых местечках. Они спекулируют на горе народном, наживают себе миллионы и благословляют „прекрасные“ польские панские порядки. Им никогда так хорошо не жилось, как теперь. Поэтому они хотят увековечить эти порядки. Хотят „навек“ объединить Литву и Белоруссию с помещичьей Польшей.

И в исступлении они мстят рабочим и крестьянам за потерю своей власти. Так стараются они оберечь себя от новой потери имений, фабрик, банков и теплых местечек. В крови рабочих и крестьян они хотят потопить рабоче-крестьянскую революцию. Но это им не удастся.

Рабочие и крестьяне Литвы и Белоруссии уже поняли, что они потеряли, потеряв советскую власть. Они знают, что рабоче-крестьянская советская власть все, что делала, делала для рабочих и беднейших крестьян, а польская помещичья власть все делает для помещиков, капиталистов и богачей.

При советской власти, если был хлеб, он в первую очередь был для рабочих и городской и сельской бедноты. Теперь есть хлеб, есть мануфактура, но только для богатых. Они сыты, они одеты, живут в теплых квартирах — и что им за дело, что беднота пухнет от голода и холода!

Рабочие и крестьяне Литвы и Белоруссии! Долго ли вы позволите так издеваться над собой? Долго ли вы будете терпеть этих извергов, разбойников и грабителей? Долго ли вы будете рабами помещиков и капиталистов?

Нет, долго не может так продолжаться. Уже восстают против своих помещиков и капиталистов рабочие и беднейшие крестьяне Польши. Начинаются волнения и в польских войсках. Не отстают от них и рабочие и крестьяне Литвы и Белоруссии.

Организуйтесь, товарищи! Готовьтесь к решительному бою! Становитесь под знамя Коммунистической Партии Литвы и Белоруссии. Привлекайте обманутых польских солдат на свою сторону, ибо многие из них — те же рабочие и крестьяне. Уничтожьте подлый помещичий строй!

Всюду громко провозглашайте:

Долой помещиков, извергов-жандармов и их подлых пособников!

Долой власть помещиков и капиталистов! Долой помещичьи рады!

Да здравствуют Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов!
Долой объединение с помещичьей Польшей!

Да здравствует тесный союз социалистической Литвы и Белоруссии с социалистической Польшей, Россией и другими социалистическими республиками!

Да здравствует мировая социалистическая революция!

Центральный Комитет Коммунистической
Партии Литвы и Белоруссии.

IX.

К трудящимся массам освобожденной Белоруссии.

Крестьяне, рабочие Белоруссии! Когда смертельно раненого польского белого орла выпускают истерзанное тело белорусского народа.

Разоренный панским гнетом край очищается от озверелых шляхетских банд ратным подвигом непобедимой Красной армии.

После долгих месяцев ненавистой оккупации вам снова предоставляется полная возможность взять судьбу свою в собственные руки. Победы Красной армии имеют целью сокрушение господства панов и спекулянтов. Рабоче-Крестьянский порядок должен смести с лица земли вековых угнетателей белорусских трудящихся масс.

Революционный Военный Совет Западного фронта выражает непоколебимую уверенность, что ни одна изменническая попытка врагов, направленная против трудящихся, не останется без возмездия.

Белорусские рабочие и крестьяне при братском содействии Красной армии должны отстоять и отстоят Белорусскую землю для новой жизни освобожденного труда.

Не покладая рук, принимайтесь теперь же за корчевку вашей страдавшей страны. Немедленно приступите к строительству Рабоче-Крестьянской власти. Гоните из поместий помещиков, какой бы национальности они ни были. Преследуйте разбегающиеся белые полки белорусско-литовских, познанских и прочих дивизий, посягнувших на вашу жизнь и ваш труд.

Помогите Красной армии довершить ее дело окончательного разгрома польских панов и помещиков.

Да здравствует Рабоче-Крестьянская власть Советов в Белоруссии!

Да здравствует братский союз трудящихся всего мира!

Да здравствует наша освободительница — Красная армия!

Революционный Военный Совет Западного фронта: Тухачевский, Уншлихт.

12 июля 1920 года,
Смоленск.

X.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Щадите пленных.

Приказ Председателя Революционного Военного Совета Республики по войскам Западного и Юго-Западного фронтов. № 231.

Польская буржуазная печать, на которой лежит огромная доля ответственности за бесчестное нападение шляхетской Польши на Украину и Россию, обвиняет наши победоносные красные войска в жестоком обращении с пленными польскими солдатами, даже с больными и ранеными.

Нет и не может быть никакого сомнения в том, что подавляющее большинство обвинений польской печати, польского телеграфного агентства, польского общества Красного Креста и пр. представляет собой отвратительную шовинистическую клевету. Но возможны отдельные случаи, когда более отсталые, т.-е. менее проникнутые освободительной идеей коммунизма, красноармейцы срывают сердце на взятом в плен польском солдате. Разнузданные, совершенно небывалые насилия и зверства, какие польские белогвардейцы учиняли в оккупированных областях над коммунистами, украинскими, белорусскими, великорусскими, литовскими, еврейскими рабочими и крестьянами, бессмысленные по своей чудовищности разрушения, какие были произведены ими в Киеве, Борисове, Бобруйске и других местах, — все эти факты способны в отдельных случаях затемнить сознание красноармейцев и толкать их на путь неосмысленной мести по отношению к отдельным захваченным в плен legionерам, невольникам польской буржуазии и шляхты.

Тем важнее сейчас, когда под нашими ударами армия буржуазно-шляхетской Польши распадается, и число пленных все более возрастает, принять самые решительные и тщательные меры к тому, чтобы приказ № 217 о человеческом и товарищеском обращении с пленными польскими солдатами проводился в жизнь со всей строгостью и без всяких изъятий.

Посему приказывается:

1. В устной и печатной форме неутомимо и повторно разъяснять красным войскам и в частности местным формированиям, что польские солдаты сами являются бессильными жертвами польской и англо-французской буржуазии, и что наш долг поэтому требует от нас призывать пленных польских солдат, как заблуждающихся или обманутых братьев, чтобы затем вернуть их в освобожденную польскую страну, как братьев просветленных.

2. Строжайшим образом проверять все слухи, сведения и донесения о жестокостях по отношению к польским пленным, а равно и к местному населению, из какого бы источника эти сведения ни исходили.

3. Твердо напомнить командному и комиссарскому составу его ответственность за строжайшее исполнение настоящего приказа.

Рабоче-крестьянская страна любит свою Красную армию. Она гордится ею. Она требует, чтобы на знамени ее не было ни одного пятна.

Председатель Революционного Военного
Совета Республики А. Троцкий.

XI.

Приказ войскам N армии.

Гор. Гродно, № 01245, Июля 31 дня 1920 г.

Красноармейцы, командиры и комиссары!

Вы вступаете в пределы коренной Польши. Бейте панскую армию. Добывая ее, вы добываете угнетателей трудовой Польши. Вы добываете союзников мировых угнетателей. Вы уничтожаете тех палачей, которым мировой капитал приказал задушить Россию крестьян и рабочих.

Твердо помните, товарищи, что мы воюем против польских кровопийц, а не против польского трудового народа. Помните, что, уничтожая этих кровопийц, мы себя спасаем от угнетения и несем свободу всем трудящимся Польши.

Они уже начали понимать, как подло обманули их капиталисты с панами. Польские трудовые массы скоро повернут оружие против наших и своих палачей. Вырвав власть из их рук, они сделают Польшу Советской Польшей, родной сестрой Рабоче-Крестьянской России. Вместе с нами они будут защищать свою и нашу трудовые Республики от мировых угнетателей.

Помните же, товарищи, что наши сегодняшние вынужденные и слепые противники, идущие за польскими и мировыми кровопийцами, завтра будут нашими союзниками в борьбе за окончательное освобождение всего мира.

Никакой пощады панской Польше. Самое бережное отношение к одураченным этой Польшей крестьянам и рабочим. Покажите своим отношением к ним, что их обманули. Никакой мести пленным. Они — наши завтрашние товарищи по общей борьбе.

Беспощадная расправа с теми, кто не послушает этого приказа. Быстрое наказание, расстрел тем, кто будет избивать пленных, чинить обиды польским рабочим и крестьянам. Такие красноармейцы — союзники польских панов: они помогают панам и дальше обманывать польских крестьян и рабочих.

Вперед, Красная армия! Рази на смерть панскую Польшу! Неси освобождение польскому трудовому народу!

XII.

Т.т. коммунистам и политработникам Красной армии.

Товарищи, Красная армия вступает в коренную Польшу. Она должна действовать таким образом, чтобы Польша видела в ней освободительницу, а не завоевательницу. Она должна беспощадно, в самом зародыше, пресекать все, что способно напоминать о ненавистных старых царских армиях, вторгавшихся в чуждые страны. Она должна действовать таким образом, чтобы облегчать, а не затруднять для наших польских товарищей предстоящую работу социалистического

строительства. Она должна стремиться к тому, чтобы Польша, превратившись в Советскую Польшу, быстро сделалась сильным союзником Советской России в общей борьбе против угнетателей и эксплуататоров.

1. Разъясняйте Красной армии, почему польское население встречает ее с некоторым недоверием. Разъясняйте, что царские палачи, давившие и грабившие Россию, с удвоенным и утроенным зверством обрушивались на Польшу. Разъясняйте, что царские армии приходили в Польшу всегда лишь на помощь этим палачам, что они приносили с собою массовые виселицы, расстрелы, тюрьмы, военно-полевые суды для польского пролетариата и крестьянства. Только своим поведением Красная армия может вытравить эти кровавые исторические воспоминания.

2. Усильте борьбу с случаями грабежей и насилия. Красноармеец идет на борьбу за свободу, а не за добычу. Польскую капиталистическую и помещичью собственность он хочет превратить в общую собственность всего трудового населения Польши, а не в свою собственность. Мешечник, шкурник, мародер, бандит, преступник перед угнетенными всего мира, томящимися в неволе, всякий красноармеец, который вторгается в дома польских граждан и учиняет насилия и грабеж. Он ослабляет и разлагает Красную армию, несущую свободу всему человечеству. Он подготавливает ей такую же участь, какая постигла армии панскую, колчаковскую и деникинскую, превратившиеся в шайки бандитов. Он замедляет и затрудняет ее продвижение, создает для нее новых, уже сознательных врагов, оставляя за собою заслуженную ненависть и презрение. Бандитам нет места в рядах Красной армии! К немедленному расстрелу бандитов!

3. Самое бережное отношение к пленным! Внимательное товарищеское отношение к польским рабочим и крестьянам!

4. Беспощадная борьба с польскими контр-революционерами! Помните, товарищи, что обманом и ложью они сумели натравить на Рабоче-Крестьянскую Россию польских крестьян и рабочих. Точно так же они сумели втянуть их в свои желтые и черносотенные союзы. Если рабочий или крестьянин—член такого союза, это еще не значит, что он сознательный контр-революционер. Время и обстоятельства покажут ему, что он заблуждался, что его место—в рядах борцов за свободу поработенных крестьян и рабочих, а не в рядах поработителей. Ловите, преследуйте, но не рядовых членов, а сознательных контр-революционеров, всжаков и заправил черносотенных и желтых организаций. Больше внимательности и осторожности!

5. Старательно охраняйте фабрики, заводы, усадьбы и их имущество от расхищения и разгромов! Помните, что разгром фольварков (помещичьих усадеб) оставил бы без работы сотни тысяч батраков и безземельных крестьян и ухудшил бы общее продовольственное положение Польши, не принеся никакой пользы крестьянству.

6. Помогайте польским товарищам возможно быстрее наладить собственное управление в местностях, освобожденных от панской армии. Таким образом вы упрочите дело Красной Польши и освободите свои силы для того, чтобы двигать это дело дальше.

7. Повсюду первым делом разыскивайте местные организации Польской Коммунистической Рабочей Партии, содействуйте укреплению и расширению этих организаций, не разрешайте ни одного сложного и крупного вопроса без совещания с ними.

Ускоряйте освобождение Польши от капиталистической и помещичьей власти! Всеми силами приближайте то время, когда в лице Красной Польши вырастет сильный союзник Красной России!

Член Революционного Военного Совета Республики И. Смилга.

Председатель Временного Революционного Комитета Польши

Ю. Мархлевский.

6 августа 1920 года.

К ГЛАВЕ VI И ДР.

За недостатком места я не воспроизвожу ни одного из целого ряда воззваний по поводу 2-го Конгресса III Коммунистического Интернационала, изданных на Западном фронте и распространенных в десятках тысяч экземпляров среди Красной армии и местного населения. Ограничусь также простым упоминанием, что воззвания Коминтерна — привет Красной армии, призыв к пролетариям всех стран относительно блокады белогвардейской Польши и т. д., — тоже немедленно издавались Политотделом Запфронта, читались и выяснялись на митингах, в агит-пунктах, в летучках. Радиотелеграмма лорда Керзона от 11 июля и ответная радиотелеграмма тов. Чичерина, намечающая поворот в отношениях России к Антанте, были изданы отдельной брошюрой с приложением, излагающим грабительские мирные условия Польши, и с предисловием тов. И. Смилги, которое мы находим небесполезным воспроизвести здесь.

XIII.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Только победа даст нам мир.

К войскам Западного фронта.

Товарищи, мощным, сокрушительным ударом вы разбили армию белогвардейской Польши. Из-под панского ига освобождена Белоруссия, освобождается Литва. Обезумевший враг бежит, творя при отступлении неописуемые ужасы над населением.

Захватнические планы панов рухнули. Но не рухнула еще белогвардейская Польша. Наша священная обязанность в настоящее время — помочь польскому народу, польским рабочим и крестьянам, свалить иго помещиков и капиталистов и установить в Польше Советскую власть. Тогда мы сможем со спокойной совестью сказать, что победа одержана. В то время, как Красные армии Западного фронта стремительно двигаются вперед, вызывая восторг трудовой России, из Лондона раздался грубый окрик. Лорд Керзон, бывший палач Индии, ныне один из воротил английского правительства и так называемой Лиги Наций (Союза насильников), обратился с нотой к Советскому Правительству, в которой требует прекратить наступление Красной армии. Он лицемерно говорит о праве наций на самоопределение, об опасности Польше от Красной армии и т. д. Но мы спросили его: сиятельный лорд, где вы были, когда белые поляки наступали на Со-

ветскую Россию и стремились взять Смоленск и Москву? Почему вы тогда не вспомнили о праве русского народа на мир и существование? Да не вспомните ли вы, господин высокопоставленный жулик, что не так давно вы из соображений человеколюбия спасли Врангеля, обещая увезти его в Англию и очистить от белых Крым? Не надули ли вы нас, господин Керзон, и не расплачиваемся ли мы своей кровью за доверчивость?

Дело обстоит проще простого. Когда бьют красных, это хорошо и человечно. Когда красные побеждают, это плохо. Таков, и только таков, смысл ноты Керзона. Он боится, что при продвижении Красной армии в Польшу вспыхнет революция, откуда она покатится на Запад. Поэтому он требует прекращения нашего наступления. Он проводит пальцем по карте рубеж, дальше которого Красные войска не должны переходить. Иначе он грозит нам всякими карами.

Мы отвергли наглое требование Керзона. Народный комиссар Чичерин заявил Керзону, что его вмешательство неуместно, что на этот раз ему не удастся обмануть Советскую Россию и спасти польских белогвардейцев. Разыграть новую врангелевщину мы им не позволим. Мы знаем, что всякую разбитую армию можно снова привести в порядок и затягивать таким образом войну до бесконечности. Если Польша хочет мира, то пусть сама обратится с мирным предложением. Никакой Лиги наций мы не признаем. Мы тоже стремимся к миру, но к миру действительному, к миру с польским народом, с которым мы не воюем. Мы готовы заключить с польскими рабочими и крестьянами мир на самых выгодных для Польши условиях. Но Пилсудскому и другим белогвардейцам мы не доверяем. Поэтому наступление наше будет продолжаться.

Красноармейцы, внимательно прочтите обе ноты. Речь идет о самом существовании России. Союзные империалисты хотят извести нас бесконечной войной. Несомненно, они теперь попробуют бросить на нас Румынию, Венгрию, Латвию, Финляндию. Надо действовать с такой быстротой и решительностью, чтобы с белогвардейской Польшей покончить через несколько недель. После польского урока у белогвардейцев других стран отпадет охота на авантюру против Советской России.

Товарищи, вы подходите к границам Польши. Помните, что рабочие, крестьяне и трудящиеся Польши нам не враги. Освободить их из-под ига шляхты и буржуазии—наша священная задача. Много горьких обид терпел польский народ от русских царей. Поэтому нам следует быть особенно чуткими и внимательными к польскому народу. Советская Польша—наша бесспорная союзница и друг. Сегодняшний пленный легионер—завтрашний польский красноармеец. Не обижайте пленных, они скоро будут нашими товарищами по борьбе.

Никогда еще Красная армия не решала более благородной задачи. Наше наступление есть наступление революции. Историческая вражда России с Польшей должна кончиться дружбой и единением Российской и Польской Советских Республик.

Мы с презрением отвергаем ложь польских белогвардейцев, что русская Красная армия идет завоевывать Польшу. Мы торжественно заявляем, что с нашей стороны не будет сделано ни одного шага против независимости Польши. Для польского народа, Советской Польши, мы готовы признать границу восточнее той, которую наметили рабовладельцы из Лиги наций.

К захвату чужих земель стремятся только польские паны. В № 277 „Минского Курьера“ изложены мирные условия польских

белогвардейцев. Вы увидите, что только они стремятся к грабежу русских земель. До самой Московской губернии должна простираться власть поляков. С этими людьми мира быть не может. За пролитую кровь Красной армии они должны ответить головой. Не давайте ни минуты передышки польским бандитам! Смерть разбойничьей старой Польше! Да здравствует новая Советская Польша! Да здравствует единение Красной армии с польским народом! Да здравствует победа польских рабочих и крестьян над помещиками и капиталистами!

Член Революционного Военного Совета

Западного фронта *Смилга*,

Гор. Смоленск, 21 июля 1920 года.

В настоящее время можно считать несомненным, что польские коммунисты признавали совершенно правильной политическую линию, усвоенную Советской властью России и выразившуюся в продвижении Красной армии на помощь польским рабочим и крестьянам. Это подтверждается, между прочим, и самоотверженной деятельностью польских товарищей в Варшаве, Домброве и т. д., на время задавленной только неслыханным террором пилсудчиков. О полной солидарности русских коммунистов и польских революционных борцов говорит и следующий документ, до сих пор не воспроизводившийся в столичной печати и являющийся ответом на обращение Пилсудского к польской армии.

[XIV.]

Солдаты в ответ Пилсудскому.

Начальник и вождь капиталистической Польши!

От могучего удара Рабоче-Крестьянской Красной армии Советской России и Советской Украины, которой пришли на помощь рабочие Западной Европы, пошатнулась и разлетелась на части контр-революционная польская армия, двинутая тобою против Советской России и Украины на защиту дворянских поместий, для грабежей и захватов.

В панике бегут, куда глаза глядят, разбитые полки, дивизии и целые армии, обезумевшие от ужаса и страданий. Разгром бегущей армии увеличивают украинские, белорусские и литовские крестьяне, узнавшие цену твоему „освобождению“, кровью прописанному им на щине палками и пытками твоих офицеров, жандармов, чиновников и возвращающихся в „свои“ поместья к „своей“ собственности помещиков, фабрикантов и банкиров. Теперь эти крестьяне взяли за оружие, за вилы и колья, дабы отомстить за ужасную панскую расправу.

И льется рекою в братоубийственной борьбе кровь польских, русских и украинских рабочих и крестьян. Льется из-за тебя, будь ты сто раз проклят, засевший в царском дворце в Бельведере властитель, льется из-за того, что, ослепленный гордостью и послушный приказам нашей и иностранной буржуазии, ты не захотел заключить мир с Советской Россией и Украиной, несмотря на то, что тебе предлагали его неустанно их рабочие правительства. Ты задумал уничтожить Советскую Украину для того, чтобы мог править в ней твой сообщник Петлюра, верный слуга польско-украинской шляхты и буржуазии.

Но пробил, наконец, час суда и расплаты за грабежи, насилия и захваты контр-революционных белогвардейцев. И в этот первый страшный час ты видишь к ужасу твоему, что грядет вслед за ним час суда второй, час восстания революционных солдат и рабочих против тебя, против твоих генералов и всей помещичьей и капиталистической сволочи в Польше. И ты обращаешься с воззванием к нам, солдатам, в качестве председателя Совета обороны государства, военного диктатора страны.

Чего же ты хочешь, к чему призываешь?

Ты призываешь нас не жалеть крови, не щадить жизни своей. Что же,—мы готовы! Но для чего?

Для низвержения большевизма! Значит: ты приказываешь нам умирать за то, чтобы помещики, фабриканты и банкиры снова завладели Украиной. Ты приказываешь нам защищать белорусскую, украинскую и литовскую землю, которую ты отнял у рабочих и крестьян этих стран? Ты приказываешь, наконец, защищать наш дом-тюрьму, капиталистическую Польшу, дабы по-прежнему правила в ней обгаренная народною кровью буржуазия. И в награду за это ты обещаешь превратить Польшу в светлый дом, в котором мы будем жить свободно и счастливо вместе со всем трудовым народом. Ты обещаешь нам заботиться о наших семействах, обещаешь, что, когда мы вернемся с поля брани инвалидами, когда потеряем в борьбе за дело капитала глаза, руки и ноги, и станем неспособными к труду, ты дашь нам тогда возможность трудиться на собственном поле. Для того же, чтобы удержать в темноте широкую солдатскую массу, ты, по примеру Юденичей, Колчаков и Деникиных, по примеру черносотенцев всех стран мира, лаешься и клеветашь на социалистическое правительство России и Украины, правительство рабочих и крестьян.

Напрасны твои усилия, пан Юзеф Пилсудский! Мы первым делом помним, что ты предатель и изменник, ренегат и отступник рабочего дела. Мы знаем, что ты душой и телом запродавался нашим и иностранным капиталистам.

Не светлый дом строил ты все время в Польше, но кровавый, затхлый, голодом и холодом морящий трудовой народ—тюремный застенок. Рай—для спекулянтов, помещиков, банкиров и фабрикантов. Приют—для царских генералов и палачей. Твердыню империалистической польской реакции и предмет мечтаний всей контр-революционной буржуазии Запада. Вместо свободной Польши ты создал Польшу жандармскую, Польшу грабителей и захватчиков, Польшу, заковывавшую в кандалы соседние народы, одним словом контр-революционную Польшу.

Ты уже показал твою заботливость о наших семействах!

Твой мешечнический Сейм уже установил несколько десятков марок месячного вспомоществования для наших старух-матерей—ровно столько, сколько нужно на покупку веревки, чтоб на ней повеситься с горя.

Инвалиды также получили в собственность орудия и материалы труда в виде нищенской суммы да свинца, которого ты не пожалел для них на улицах Кракова. То же самое намеревался ты сделать с демонстрацией инвалидов в Варшаве, да тут дрогнула у тебя рука, ибо ты увидел, что инвалиды скорее готовы умереть, чем уступить.

Кто же из нас поверит теперь твоим воззваниям и обещаниям? Да и что же мог бы ты сделать для нас, если бы даже захотел на самом деле, ты—раб вождя польских помещиков и капиталистов Романа Дмовского?

Грядет второй и последний час суда и расплаты, когда мы, солдаты, заодно с рабочими городов и деревень направим все наши силы против тебя, против твоих офицеров, против всей помещичьей и капиталистической сволочи в Польше. И тогда кончится эта преступная война, придет конец царству разбоя в Польше, кончится твоя позорная роль.

Польша станет тогда взаправду светлым домом свободы, хозяином которого будет польский рабочий народ, объединенный в братский союз с трудовым народом всего мира. Это будет Польская республика Советов без капиталистов и помещиков.

За такую Польшу мы даем клятву сражаться до конца, таную Польшу мы любим, такую Польшу мы завоюем вопреки тебе, вопреки нашей и иностранной буржуазии. От имени этой Польши мы заключим союз с рабочими полками Красной армии Советской России и Советской Украины, в которых мы видим борцов за освобождение всего трудового народа от ига капитала.

Ты создавал союз богатей против народа—и ты проиграл игру.

Мы создаем братский союз рабочих и крестьян Польши, Украины, России и всего мира против капиталистов—и победим.

Да здравствует Красная армия Советской России и Советской Украины!

Да возникнет скорее, да здравствует Польская Красная армия!

Да здравствует братский союз рабочих и крестьян Польши, России и Украины!

Долой войну против Советской России и Украины!

Да здравствует война рабочих, крестьян и солдат против капиталистов!

Да здравствует Польская Советская Республика!

Варшавский Совет Солдатских Депутатов.

К ГЛАВЕ VIII.

Воспроизводимые ниже документы впервые появляются в столичной печати. Они представляют теперь как будто только исторический интерес. Но, во-первых, они ярко характеризуют не знающее национальных границ революционное единство Красной армии с рабочим классом и крестьянством тех стран, в которые она вступает; а во-вторых, сегодняшним днем и войной с панской Польшей история Социалистической России и ее Красной армии не оканчивается.

XV.

Манифест к польскому городскому и сельскому рабочему люду.

Товарищи! Рабочие! Крестьяне!

Пробил час освобождения. Рабочий класс Польши, освобожденный от ига капиталистов, помещиков, грабителей и эксплуататоров, берет свою судьбу в свои собственные руки. Товарищи рабочие и крестьяне! Целые века жила шляхта потом и кровью рабочего люда

Польша. Своим позорным господством, своими неурядицами и самодурным своеволием польские паны разорили Польшу, а впоследствии позорно продали ее русской царице, прусскому королю и австрийскому императору. Но и под иноземным игом ухитрились жиреть владельцы имений и фабриканты, пресмыкаясь перед правительствами захватчиков, и только народ стонал под игом двойного рабства.

Шесть лет тому назад, когда весь мир был объят пожаром войны, польские помещики и капиталисты стали на сторону захватчиков и унижались и перед царем Николаем кровавым, и перед кайзером Францем Иосифом, и перед Вильгельмом, рассчитывая в зависимости от хода событий предавать то того, то другого.

Но самую позорную роль в то время сыграли изменники социализма, предатели рабочего дела из так называемой Польской Социалистической Партии с Пилсудским и Дашинским во главе. Они призывали польских рабочих и крестьян вступать в легионы и не по принуждению, а добровольно идти на избиевание своих же польских братьев, насильно вовлеченных в царскую армию. Преступно-глупые, они соблазняли народ уверениями, что они станут бороться за свободу польского народа, хотя было очевидно, что легионеры будут проливать свою кровь ради победы капиталистической Германии, ради торжества палача Польши—кайзера Вильгельма.

Когда русский рабочий народ сверг кровавое царское правительство, а рабочие Германии подняли восстание против прусского деспотизма, восторжествовали капиталистические правительства Англии и Франции и стали вершителями судеб всего мира. Чтобы укрепить свое господство, они хотели утопить в крови русскую революцию, хотели задушить рабочее государство, то социалистическое государство, в котором уже уничтожено господство капиталистов, помещиков, помещиков и чиновников.

Рабочие и крестьяне России захватили власть в свои руки, прогнали эксплуататоров, угнетателей и тунеядцев,—и потому-то все, кто до сих пор строил свое благополучие на эксплуатации и угнетении рабочих, решили раздавить Россию.

Ради этой цели правительства капиталистических государств-победителей позволили создать польское государство, но под тем условием, что „освобожденная“ Польша возьмет на себя обязанности жандарма Европы, вся превратится в огромные казармы, откуда польские солдаты, сыновья рабочих и крестьян, будут посылаться на избиевание рабочих и крестьян России, взбунтовавшихся против капитала, господствующего над всем миром.

Пилсудский со своей бандой согласился выполнить эту роль, согласился покрыть Польшу позором и совместно с контр-революционными царскими генералами повести борьбу против русского трудового народа.

Польша под управлением Пилсудского вновь была отдана на произвол помещиков, капиталистов и спекулянтов и превратилась в крошечный ад для рабочих,—ад, гораздо худший, чем во времена царизма. Кровь убитых палачами Пилсудского товарищей Фаберже-вича, Кулешинского и многих других безыменных героев рабочего дела вопиет об отмирании. Вопиют об отмирании ужасные пытки, применяемые к узникам в польских казематах, кровавые расправы с городскими и сельскими бастующими рабочими. Вопиет об отмирании кровь жертв еврейских погромов. Вопиют об отмирании преступления, совершаемые над солдатами в казармах и тюрьмах.

Иначе быть не могло! Господствующий класс Польши, приняв на себя роль палача Революционной России, в силу необходимости должен был сделаться палачом и революционного рабочего населения Польши. Но рабочий народ России сверхчеловеческими усилиями создал Красную армию. Эта армия, защищая права и свободу народа, в двухлетней борьбе разгромила врагов и уже начала постепенно претворяться в армию труда и мирного строительства; но вновь вызванная на борьбу, она в настоящее время нанесла смертельный удар и тому позорному правительству Польши, которое, угнетая и разоряя польских рабочих и крестьян, дерзновенно подняло руку на Социалистическую Россию.

Борясь за свое дело, героический рабочий России вместе с тем и рабочему и крестьянину Польши дал возможность освободиться из-под ига угнетения и эксплуатации. Живой действительностью стали слова героев польского восстания, которые, вступив в отчаянный бой против царизма, грезили о том, что им удастся освободить и русский народ из-под царского ига. Красная армия идет к нам с лозунгом:

За нашу и вашу свободу!

Наши русские братья не затем вступают в пределы Польши, чтобы поработить ее. Эту войну им навязало польское правительство. Они борются прежде всего за мир для себя,—за мир, который даст им возможность возвратиться на родину и приступить к творческой работе, к созданию нового строя.

Прочный мир, мир, гарантирующий от новых покушений на свободу, может быть заключен только между Социалистической Россией и Социалистической Советской Польшей. Поэтому, борясь за свою свободу, они борются и за нашу. Мы, борясь за наши права, равным образом боремся за права и свободу русского трудящегося народа. Товарищи! В настоящий момент эта борьба должна быть усилена. Ее необходимо вести организованно и планомерно. Созданный на территории, освобожденной из-под ига капитала, Временный Революционный Комитет Польши призывает вас к делу!

Мы должны вырвать фабрики и каменноугольные копи из рук капиталистов и хищников-спенулянтов. Они переходят в собственность народа и под управление рабочих комитетов.

Поместья и леса равным образом переходят в собственность и под управление народа. Помещики подлежат изгнанию, управление имениями переходит к сельским батраческим рабочим комитетам.

Крестьянам-труженикам гарантируется неприкосновенность их земель.

Управление в городах переходит к рабочим депутатам, в деревнях создаются общинные советы.

В момент, когда на всем протяжении Польши будет низвергнуто кровавое правительство, ввергнувшее страну в преступную войну, съезд городских и сельских рабочих депутатов создаст Польскую Социалистическую Советскую Республику.

Рабочие! Ваше будущее в ваших руках. Все благоприятствует победе, но не следует терять ни минуты времени. Красная армия, проникнутая чувством рабочей солидарности, окажет вам действительную помощь. Вы со своей стороны должны всеми силами содействовать ей.

Покушение капиталистических государств на рабочую Польшу невозможно, так как этого не допустят рабочие Англии, Франции и Германии. Становится действительностью великий лозунг:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Создавайте новый строй в Польше! Освобождайте из тюрем политических заключенных, ваших братьев и вождей в революционной борьбе.

Изгоняйте помещиков и фабрикантов, берите в свои руки управление и охраняйте, как зеницу ока, народное достояние: фабрики, поместья и леса. Вооружайтесь как можно скорее на защиту обретенной свободы. Повсюду создавайте местные революционные комитеты.

Да здравствует освобожденная Рабочая Польша, Социалистическая Польша!

Временный Революционный Комитет Польши.

Председатель	Юлиан Мархлевский.
Члены	Феликс Дзержинский.
	Феликс Кон.
	Эдуард Прухняк.
	Иосиф Уншихт.

Белосток, июля 30 дня 1920 г.

XVI.

Товарищи красноармейцы!

Великий подвиг, совершенный вами, сломил сопротивление польских панов... Враг побежден. Польская армия бежит! Вы вступаете на территорию Польши, на территорию, облитую потом и кровью польского рабочего!

Но в то время, как польские паны, вторгаясь на территорию России и Украины, Литвы и Белоруссии, поработали занятые местности, восстанавливали наследство помещиков и капиталистов, надевали вновь кандалы рабства на освободившийся от ига капитала рабочий народ, — вы, сыны революционного народа, не угнетение, а свободу несете в занимаемую вами страну.

За эту свободу, за освобождение трудящихся от ига помещиков и капиталистов, борется рабочий класс Польши больше сорока лет. Море крови пролито ими на алтаре этой борьбы. Лучшие сыны польского пролетариата гибли в первых рядах революции и в 1905 году, и ранее, и после, и во время империалистской войны, и после того, как багровое знамя революции было водружено над Советской Россией. Многие польские пролетарии боролись бок-о-бок с вами и во время февральской и во время октябрьской революции. Но у себя на родине этот пролетариат, как городской, так и сельский, разбросанный войной по всему белому свету, не мог совладеть с панами и капиталистами, поддерживаемыми хищниками черного интернационала всего мира.

Ныне с вашим вступлением на территорию Польши бьет час освобождения и для польского рабочего и крестьянина.

Приветствуя вас, как братьев и соратников в борьбе с всемирным империализмом, мы, члены Польского Временного Революционного Комитета, в этот исторический момент, на-ряду с глубокой признательностью и выражением удивления и восторга перед вашей доблестью, глубоко уверены в том, что за грехи панов и капита-

стов не пострадает несчастный рабочий народ, что вы отнесетесь к нему как к брату, которого заставляли насильно вести войну против вас, и что в тесном общении с ним вы понесете дальше знамя революции во все страны, где еще власть капитала не свергнута.

Да здравствует великая Красная армия!

Да здравствует революция!

Да здравствует Советская Россия и Советская Польша!

Польский Временный Революционный Комитет.

Г. Белосток, 1-го августа 1920 года.

XVII.

Польские солдаты, всякое дальнейшее продолжение продвижения армии есть преступление по отношению к рабочему классу Польши.

Рабочий народ в областях, освобожденных из-под ига шляхты и капиталистов, взял бразды правления в свои мозолистые руки, сам решает свою судьбу и сам управляет. К дальнейшему кровопролитию, к дальнейшей братоубийственной войне вас призывают ваши эксплуататоры, офицеры, строящие карьеру на вашей крови, ваши генералы, палачи из палачей, кость от кости шляхты и буржуазии. Вы, сыны рабочего класса, до сих пор принуждены повиноваться им лишь потому, что власть не в ваших руках, а в руках ваших врагов. Пора покончить с этим. Временное Революционное Правительство Польши, пользуясь доверием рабочего народа освобожденных областей, приказывает вам, польские солдаты, выбрать немедленно во всех воинских частях советы солдатских депутатов. Эти советы должны взять в свои руки власть над всеми вооруженными силами. Офицеров, преданных народу, оставить на постах; остальных, а в особенности самых свирепых и жестоких генералов, арестовать. Об исполнении немедленно доносить нам для того, чтобы сейчас же могло быть приостановлено бесцельное и преступное кровопролитие, и утопающая в крови трудовая Польша могла приступить к строительству нового порядка, как свободная, ни от кого независимая, республика рабочих и крестьян.

Временный Революционный Комитет Польши.

Подписали: Председатель Юлиан Мархлевский.

Секретарь Эдуард Прухнян.

Белосток, 11 августа 1920 г.

XVIII.

Воспроизводимый ниже документ, если не ошибаюсь, вообще впервые появляется в русском переводе, которым я обязан т.т. Б. Г. Завсу и Ю. Ю. Мархлевскому. Читатели могут представить себе неопишуемый переполох, вызванный среди белополяков честным и мужественным шагом Добржинского.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

к товарищам по работе в „польской военной организации“, офицерам и солдатам польской армии, а также товарищам по университету,

Игнатия *Добржинского* (Сверща), бывшего подпоручика II отделения главного командования польских войск, бывшего шефа разведочного отделения в Гродненском и Сувалкском округе командования защиты окраин, бывшего начальника информационно-разведочного бюро округа при II отделении главного командования польских войск (разведка против Советской России).

Товарищи и коллеги,

В момент, решающий для каждого из нас, на какую сторону баррикады он должен стать,—победить с побеждающей мировой революцией, или безусловно погибнуть с разваливающимся старым миром—в момент безвозвратного и последнего решения, я хочу и должен сказать вам жесткое солдатское слово этого письма.

Я приобрел на это право, будучи еще столь недавно с вами, обманываемый, как и вы, словами: „отечество“, „независимость“, „свобода и счастье народа“, этими лозунгами, действительным значением которых было и есть: „прибыль“, „капиталистическая эксплуатация трудящихся масс“, „ложь“, „нищета и темнота“. Я вправе и обязан немедленно после свободного и решительного перехода на сторону революционной борьбы известить об этом вас и самые широкие слои нашего народа, позорно обманутого и хладнокровно проданного отечественной буржуазией. Хочу и должен рассказать вам обо всем, что со мной случилось, ибо моя история—ваша история: тысячи из вас рано или поздно пройдут через переживания, одинаковые с моим, и уже сегодня вам предстоит необходимость выбора места в последней борьбе классов и их миров.

Наши воспитатели, едва мы начали чувствовать и думать, старательно возвращали в нас беспредметный романтизм, оглушали нас патристическими возгласами, заковывали сердца в стальные коробки, чтобы они не услышали биения жизни, остались глухи к борьбе труда с капиталом, борьбе все создающих бедняков с горстью бездушных угнетателей.

Затем они блестяще использовали наши юношеские порывы и энергию для эгоистических целей этой кучки и заперли нас в тесной клетке, представляемой Польшей гнета и грязи. Польшей, которая является орудием в руках подлых и хладнокровных интернациональных заговорщиков.

Я хорошо знаю, как многих из вас, истинных революционеров, неотступно мучит внутренняя борьба, как вы страдали от всего, что видели вокруг себя, при чем не находили решения или не имели мужества принять его, как многие из вас стараются погибнуть и гибнут от неприятельских пуль, или пресекают внутреннюю борьбу пулей самоубийства. Мой личный разрыв с внешним воспитанием

романтической идеологией, с слепым преклонением перед Пиясудским и слепой верой в его непогрешимость начался с момента, когда по самому характеру своей работы, как шеф политической разведки в революционной России, я обнаружил ряд лживых утверждений и провокаций, которые может породить только бешенство погибающего мира интернациональной буржуазии. Постепенно приближаясь к источникам Революции, существу программы и тактики этих „страшных большевиков“, одновременно видя все недостатки и недочеты и давая себе ясный отчет в громадности и мощи этой сверхчеловеческой борьбы, какую они ведут со всем миром,—я пришел к уверенности, что по пути борьбы с ними я дальше идти не в силах и не хочу.

Затем быстро пришел момент, когда я сказал себе, что я должен умереть или победить под их знаменами. К этим людям, против которых меня послали на самую важную для их врагов работу, я пошел в то время, когда им было еще тяжело, когда они еще переживали небывалые трудности на фронтах и внутри страны. Знаю хорошо, что масса верных слуг буржуазии откликнется на это письмо утверждением, будто, пойманный во время работы, я просто хочу спасти свою жизнь, или, что еще проще, будто я продался за „большевистское золото“. Полагаю, что для тех, кто знает меня хотя немного, у меня нет необходимости опровергать такие обвинения. Для остальных окажется достаточным тот факт, что вместе со мной открыто и добровольно отказались от работы против революции все мои идейные сотрудники, присланные в Россию из Польши, от офицеров до курьеров, и большинство из них крепко стоит уже вместе со мной в революционных рядах, отдавая труд и борьбу, другие после добровольного акта отказа от борьбы, отдавшись в руки властей, еще не считают возможным перейти к действию. Свободные и никем не понуждаемые, они находятся в состоянии внутренней работы, перелома и изучения. Ясно, что рано или поздно они пойдут с нами.

Ввиду этого, я полагаю, что затруднительно будет обвинять нас в „обыкновенной шпионской измене“ и т. п.

Все мы горячо желаем не встречаться с вами, товарищи и коллеги, в противоположных лагерях; мы желаем, чтобы глубокие изменения, происшедшие в нас, коснулись скорее и вас и одержали победу; мы хотим помочь чем бы то ни было вам в борьбе с самим собою и средой. Это—единственная цель моего письма.

И с этой целью я хочу уже теперь ясно и с полным сознанием ответственности за свои действия отметить некоторые обстоятельства, чаще всего преподносимые вам с той целью, чтобы исключить всякое иное отношение к „русскому большевизму“, кроме чувств ненависти, презрения и страха,—это будет одновременно верной основой нашей новой веры и положения.

Советскую Россию с ее коммунистическим правительством, с ее Красной армией мы считаем великим и могущественным центром мировой социальной революции, пришествие и победа которой вне всякого сомнения является непременно следствием экономических и политических условий, возникших как следствие последней капиталистической войны. И наглой ложью интернациональной буржуазии являются всякие теории про русскую революцию, как про силу, связанную в своих целях и средствах с империалистическими намерениями Германии и царской России, и такой же ложью является утверждение, будто большевики хотят соединиться с империалистической Германией, чтобы прежде всего уничтожить Польшу и ударить на Запад. Русская революция заключила братский союз исклю-

чительно с германскими коммунистами, те же ничем и никогда не будут угрожать существованию, независимости и развитию Польши.

Это ложь, будто Красная армия напала на Польшу, чтобы, как прежняя царская армия, вновь заковать в кандалы польский народ и польское государство. Напротив, неопровержимо, что Красная армия подверглась предательскому нападению на всем фронте со стороны Польши,—со стороны польской армии, позорно обманутой и проданной французско-американским банкирам. Ложью и обманом, базирующимся исключительно на классовой ненависти, является также утверждение, будто социалистический строй вообще, а, следовательно, основы государственного строя Советской России, знаменуют разорение, голод, нравственное вырождение, экономические и культурные бедствия. Наоборот, коммунистический строй, предоставленный сам себе хотя бы на короткое время, освободившись от осады со всех сторон всего капиталистического мира, быстро поднимет всякое государство до более высокого и всестороннего благосостояния, чем было до войны при господстве капитализма. Лучшим примером служит именно Советская Россия, которая в начале этого года, пользуясь только надеждой на прорыв блокады и мир с западом, начала неимоверно быстро восстанавливать все отрасли социальной и экономической жизни.

Я подробно доносил об этом, исполняя свою служебную обязанность. И, может быть, именно это послужило толчком к тому, что мировой капитализм решил окончательно раздавить Советскую Россию.

Неверно, будто Красной армией командуют царские генералы Брусилов и другие, либо желал раздавить Польшу, либо надеясь после победы на Западе повернуть армию против большевиков и сделаться властителями объединенной Российской империи. Красная армия руководится исключительно безупречными коммунистами. Брусилов и другие привлекаются к работе только как специалисты военной науки, как советчики и спец. К тому же за этими генералами смотрят настолько тщательно, что ни одному из них не придут на ум—впрочем, не осуществимые по общим условиям—планы измены или мести. Всякий солдат Красной армии знает и понимает, что его мучительная, многолетняя работа окончится в момент, когда Польшей перестанут править спекулянты и жандармы, когда Польша перестанет быть в руках кучки банкиров из „Лиги народов“ орудием удушения революции.

Свободе и независимости Польши, развитию ее национальной культуры и производительных сил со стороны Советской России не только не угрожает гибель, но как раз наоборот: действительная свобода и независимость трудящихся масс, всесторонний расцвет и могущество революционной Польши равным образом необходимы для Советской России, как и для мировой революции.

Польша должна сделаться пролетарской и, как таковая, она будет свободной, великой и могущественной.

Все, кто не может или не хочет понять этой истины, являются непримиримыми врагами как революции, так и Польши. С ними мы будем бороться со всею беспощадностью и устраним их со своего пути. Те, кто во-время поймет, что ход этой революции вполне зависит от того, в какие ряды они вольются, с которой стороны баррикады они станут, пусть скорее освобождаются из уз романтизма и идут к нам и с нами.

Я кончаю это письмо к вам, товарищи, коллеги и сотрудницы, напоминая, что самые могучие революционные бури происходят в душах человеческих. Революция порождает идеи, человеческая же воля и кровавая борьба воплощает их в жизнь.

В ожидании того времени, когда остальные из тех, кто вместе со мной перешел на сторону революции, смогут тем или иным образом снестись с вами, все мы шлем вам искренний солдатский привет.

Москва, 18 июля 1920 года.

Игнатий Добрынский.

XIX.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ НА ОБЩЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Р. К. П.

(Конец сентября 1920 г.).

Общероссийская Конференция Р. К. П., заслушав доклад представителя польских коммунистов тов. Улановского, только что прибывшего непосредственно из Варшавы, с радостью отмечает, что передовые рабочие Польши вполне солидарны с образом действий Р. С. Ф. С. Р. и оценивают события последних месяцев так же, как оценивают их коммунисты России. Польские рабочие-коммунисты вполне признавали поддержку вооруженной рукой дела советизации Польши и не делали ни малейших уступок ни национализму, ни пацифизму.

Конференция с удовлетворением констатирует, что отдельные „критические“ голоса польских коммунистов, раздававшиеся в Берлине (статьи в „Роте Фане“), не являлись голосом Польской Коммунистической партии.

В полной солидарности взглядов польских и русских коммунистов Конференция видит залог того, что окончательная победа будет нашей, несмотря на все тяготы предстоящей еще борьбы.

Конференция шлет братское приветствие польским рабочим-коммунистам.

XX.

Приказ армиям Западного фронта. № 1803.

Из поступивших ко мне докладов и личного объезда территории фронта выяснилось, что районные, дивизионные и бригадные трофучкомы (трофейно-учетные комиссии) совершенно не усвоили обязанностей, возложенных на них приказом Чусоснабарма Республики за № 364 и приказом армии Запфронта за № 1131 от 1 июня с. г. Всюду, несмотря на ясные и точные указания о ведении трофучками исключительно военным имуществом и предметами, могущими быть немедленно использованными для военных нужд наблюдается безобразное умелое использование промышленной жизни занимаемых городов, прекращение мелкой торговли предметами домашнего обихода и первой необходимости, а также незаконное распределение, реквизиция и учет разными органами вообще и гражданскими в частности. Приказываю:

1) Под страхом личной ответственности председателей трофейных комиссий принять к неуклонному исполнению пункт 4 инструкции учетным комиссиям Запфронта, точно определяющий имущество, именуемое трофейным (артиллерийское, инженерное, авто-авиационное, военно-хозяйственное, все виды военного транспорта и конный состав неприятельской армии, продовольствие, находящееся на военных складах и базах).

2) Все имущество, выше исчисленное, может учитываться исключительно организациями и лицами, уполномоченными на это Чусозаном или Чусоармом, совместно с местными органами власти.

3) Всем начальникам отдельных частей вменяю в обязанность оказывать всемерную поддержку по сбору и охране военных трофеев.

4) Реввоенсоветам и чусоармам, начдивам и комбригам строго следить за точным исполнением приказа, немедленно предавая суду всех нарушивших его.

5) Приказ. ввести в действие по телеграфу.

Гор. Минск. 13 августа 1920 года.

XXI.

ПРОГРАММА 2-МЕСЯЧНЫХ КУРСОВ ПОЗАПА.

А. Программа общеобязательная для всех отделений:

а) Политическая:

- 1) Конституция Р. С. Ф. С. Р.
- 2) Основы научного социализма.
- 3) Программа Р. К. П.
- 4) Строительство Красной армии.

б) Общеобразовательная:

- 1) Происхождение мира и человека.
- 2) Гигиена и санитария.

В. Программы специальные:

I. Предметы политического отделения:

- 1) История революционного движения в России и история коммунистической партии.
- 2) Политическая экономия.
- 3) История революционного движения на Западе и история Интернационала.
- 4) Организация комячеек, политических кружков, бесед, митингов, собраний.
- 5) Теория и практика агитации и пропаганды.

II. Предметы педагогического отделения:

- 1) Русский язык с методикой.
- 2) Математика (арифметика и сведения из алгебры и геометрии) с методикой.

- 3) География.
- 4) Русская история.
- 5) Природоведение:
  - а) Мир органический и неорганический.
  - б) Основные вопросы физики и астрономии.

III. Предметы клубного отделения:

- 1) Основные общественные течения в русской литературе XIX века.
- 2) Русская история в связи с экономической географией России.
- 3) Теория искусств в связи с историей:
  - а) Изобр. искусства.
  - б) Вокальн.-музык.
  - в) Декламация.
- 4) Краткий обзор внешкольной работы.
- 5) Клубное дело (понятие о клубе, виды клубов, организации их, хозяйство и т. д.).

IV. Предметы библиотечного отделения:

- 1) Краткий очерк истории литературы всеобщей и русской.
- 2) История книги и библиотечного дела в России.
- 3) Библиография.
- 4) Техника библиотек стационарных и передвижных:
  - а) Инвентарь.
  - б) Классификация.
  - в) Каталогизация.
  - г) Статистика и делопроизводство.
  - д) Расстановка и выдача.

V. Предметы юридического отделения:

- 1) Марксистское учение о праве и государстве.
- 2) Советское законодательство с кратким обзором русских правовых институтов.
- 3) Уголовное право.
- 4) Уголовная техника.
- 5) Военное судопроизводство и судопроизводство.

Библиотека

Института Ленинградского
университета

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Вместо предисловия	3
I. В исходном положении	5
II. Мимо германских окопов	7
III. От Вильно до Гродно	13
IV. От Гродно до Белостока	20
V. От Белостока до Ломжи	24
VI. От Ломжи до Остроленки	32
VII. От Белостока до Вышкова	37
VIII. Условия социалистического строительства в Польше	47
IX. Красная армия и социалистическое строительство	57
X. Культурно-политическая работа в Красной армии	63
XI. Перспективы классовой войны	70

Приложения:

I. Воззвание Политотдела Реввоенсовета Западного фронта от 28 июня 1920 года	77
II. Приказ войскам Западного фронта от 2 июля 1920 года	78
III. Краткая инструкция для стрельбы агитационным снарядом	79
IV. „Падение большевиков в России“	80
V. Папиросная бумага белополяков	81
VI. Пропуск к полякам	81
VII. Передовая статья из газеты „Савецкая Беларусь“	82
VIII. Воззвание Центрального Комитета Коммунистической партии Литвы и Белоруссии	82
IX. Воззвание Реввоенсовета Запфронта к трудящимся массам Белоруссии	84
X. Приказ тов. Троцкого об отношении к пленным	85
XI. Приказ войскам N армии	86
XII. Т.т. коммунистам и политработникам Красной армии	86
XIII. Предисловие к радиотелеграммам лорда Керзона и тов. Чичерина	88
XIV. Воззвание Варшавского Совета Солдатских Депутатов	90
XV. Манифест Временного Революционного Комитета Польши	92
XVI. Воззвание Польского Ревкома к Красной армии	95
XVII. Воззвание Польского Ревкома к польским легионерам	96
XVIII. Открытое письмо Игнатия Добржинского	97
XIX. Резолюция Общероссийской конференции Р. К. П.	100
XX. Приказ 13 августа 1920 года о трофейно-учетных комиссиях	100
XXI. Программа 2-месячных курсов Позапа	101